

ВТОРОЙ ПОСЛЕ СОЛНЦА

Игорь Белладоннин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Белладоннин
Второй после Солнца

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Белладоннин И.

Второй после Солнца / И. Белладоннин — «ЛитРес: Самиздат», 2001

События этой многофигурной и многоплановой композиции, исполненной иронии — доброй и не очень, — разворачиваются на просторах мировой истории от эпохи Троянской войны до начала XXI века. В центре сюжета — сверходарённый г-н Глюков, проходящий путь от самодовольного любимца мирового бомонда до мизантропа, но сильное врождённое плутовское начало позволяет ему практически любую — даже самую печальную — жизненную ситуацию оборачивать в декорацию для демонстрации искромётного фиглярства. Наедине же с собой герой подвергает анализу патологические черты своей личности, копается в себе — местами больном и испорченном, — и извлекает крещендо на суд божий сюжеты от абсурдистской исповеди безобразника до реквиема по останкам души современного обывателя. Роман выведет вас из равновесия, пробудит сильные эмоции: от отвращения к автору, героям, роману и жизни в целом до восхищения (ими же). Содержит нецензурную брань.

© Белладоннин И., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

1. Под звенящей звездой	6
2. Вундеркинд Земли + 3. Майор иностранных дел	23
4. Сентябрьские иды	45
5. Нескромная омерзительность витализма + 6. Это сладкое слово – амёба	65
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Игорь Белладоннин

Второй после Солнца

Найдите мне на любом языке и в любой отрасли знания книжку, которая обладала бы такими же свойствами, особенностями и преимуществами, и я куплю вам полпинты требухи. Не найдёте, милостивые государи, не найдёте! Это книга в своём роде единственная, равных себе не имеющая и беспримерная. Я готов утверждать это под страхом любой кары, вплоть до костра, но только не включительно, а исключительно. Те же, кто будет утверждать обратное, суть предопределенцы, отщепенцы, совратители и соблазнитель.

Франсуа Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль»

1. Под звенящей звездой

Аркаша стоял на краю плато и знал, что, сделав шаг вперёд, не разобьётся, а полетит – закружит над телами перебитых накануне во множестве и не убранных ещё итальянцев и фалангистов.

Стаи мартовских бабочек необычайной красоты уже роились над ними, и огромная птица – кастильский родственник рухха¹, – наматывая над гвадалахарскими полями² круг за кругом, стенала по убиенным нечеловеческим голосом.

– В краю, где небо так безоблачно³, родится от Солнца зачинавшееся племя, которому нетрудно умирать! – стенал вслед за нею Аркаша, простирая над полем брани свои могучие руки-крылья.

И тут же мысль Аркашина переходила, как обычно, от частного к общему, венцом которого был, несомненно, он сам – всепланетный любимец.

– Время! Стой! Подожди! – кричал Аркаша под взмахи рук, обращаясь ко времени как равный к равному. – Ты слишком! Быстро! Течёшь! Дай! Насладиться! Этим! Триумфом! К которому! Я...

– Неосторожно приложил свои могучие руки-крылья, – подхватил за его спиной насмешливый женский голос.

Аркаша сразу даже не нашёл с ответом на такой хук сзади, пропущенный от довольно симпатичной иностранки, говорившей по-испански с едва заметным акцентом. «Блин, подловили, как школьника», – только и оставалось мысленно констатировать вероломно атакованной стороне.

– Время, стой, раз-два! Равняйся, смирно! – отвесила на прощанье насмешница и пошла обратно к машине, возле которой ожидал её высокий худой мужчина в штатском, по виду – тоже нездешний.

Аркаша с любопытством отметил, что в движении обидчица распалась на две части, шарнирно соединённые в районе талии. Нижняя часть казалась наклонённой слегка вперёд, верхняя – слегка назад и, предоставленная самой себе, как бы парила над нижней. Вся эта конструкция напомнила Аркаше парус, поймавший попутный ветер. Было ли это природной особенностью фигуры или удачной находкой модельера, Аркаша пока не знал, но не запасть на подобный феномен не мог.

А иностранка подошла к своему мужчине и, видимо, рассказала об Аркашиных проблемах. Они оба явно развеселились и, не махнувши даже Аркаше ручками, уехали, чтоб смаковать своё веселье вдвоём, добавляя к нему по мере необходимости всё новые забавные эпизоды.

«Ну что ж, – беззлобно подумал Аркаша, – кому-то я поднял настроение, кому-то стало весело... Их бы туда – вниз, к бабочкам – на денёк-другой, посмотрел бы я тогда, как бы они веселились!»

Ему пора было в Мадрид. В Мадриде его тоже ждал мужчина и тоже не местный: молодой высокий красивый гринго по имени Эрнест.

– Слышь, Эрни, – попросил его Аркаша, впервые столкнувшись с Хемингуэем в Испании месяца три назад, – ты уж не выдавай меня тутошним, для них я здесь – просто Кецалькоатль⁴.

¹ Рухх (рух) – описанная в «Книге тысячи и одной ночи» сказочная птица огромных размеров.

² Над гвадалахарскими полями – в марте 1937 г. присланные на помощь франкистам итальянские войска были разгромлены республиканцами на Мадридском фронте под Гвадалахарой.

³ Считается, что фраза «Над всей Испанией безоблачное небо», употреблённая 18 июля 1936 года в передаче радиостанции, расположенной в испанской Северной Африке, послужила сигналом к началу военного мятежа против испанской Второй республики.

⁴ Кецалькоатль – Пернатый Змей, один из верховных богов (бог познания и ветра) тольтеков, а впоследствии – и ацтеков.

В самом начале Гражданской войны он прибыл в Испанию с документами на имя полковника Кецалькоатля, а густая борода с усами и бакенбардами и срезанная под корень шеvellюра вкупе с тёмными очками до известной степени помогли маскировать его всемирно знаменитую личность. «И чтоб никто не догада-ался», – пел по этому поводу сам Аркаша.

Французы-пересмешники переименовали его в полковника Пантагрюэля⁵. И впрямь, Аркаша был неуёмен как в подвигах застольных, так равно и в ратных, а уж про альковные было нечего и говорить.

Вечером того же дня в Аркаша прибыл в бар «Чикоте»⁶, где уже ждали его Хэм и Марта⁷ – последнее Хэмово увлечение.

Изрядно приняв – Аркаша пил нередко, но на свои, – он философствовал:

– Это наполняет нас грустью и томлением – любовь красивой женщины, которую она дарит другому. Почему она растрчивает на него то, что по праву (и по совокупности достоинств) должно принадлежать нам? Почему она отдаёт ему своё прекрасное тело, которое мы ласкали бы по крайней мере не хуже? Почему она думает о нём, а не о нас? Почему он может сделать ей больно, а мы – нет?

Аркаша остро переживал несправедливость ситуации, когда такая красивая (а красивой Марта казалась ему только после семи стаканов коктейля) женщина живёт с другим, пусть даже и с самим Хэмом.

«Ему принадлежать должны все женщины страны», – таков был один из девизов, сочинённых Аркашей, чтобы шагать с ним по жизни. В баре Аркаша припомнил этот девиз и с хитрой улыбкой распевал на разные мотивчики, указывая при этом то на себя, то на Хэма.

И всё равно Хэм практически боготворил его со всеми его гнусными шуточками, кривляньями и комплексом сверхполноценности: ведь мало кто знал Аркашино творчество так же глубоко, как Хэм. Аркаша тоже прочитал и даже похвалил одну или две Хэмовых книжки. Но несмотря на такие заслуги перед Хэмом и несомненное вокальное мастерство, отбить Марту у Хэма ему пока не светило.

– Прости, старичок, прости, Марта, – вдруг востепенелся Аркаша, – я непременно должен законтиться с этими молодыми людьми, – он увидел, как в бар вошли давешняя грубиянка и её иностранный мужчина.

– Позвольте представиться, – расплылся в улыбке Аркаша, подходя к ним, – полковник Кецалькоатль.

Он даже снял тёмные очки и втайне надеялся, что несмотря на всю его оставшуюся маскировку хотя бы девушка опознает в нём теперь любимца прогрессивной общественности.

– Пер, – сухо сказал мужчина, протягивая руку.

– Анита, – представилась девушка. – А где-то я вас видела раньше.

– Я – известный киноактёр, – соврал, не краснея, Аркаша.

– А, я вспомнила, вы играли Дракулу! – радостно, как ему показалось, воскликнула Анита.

– И не только Дракулу, но ещё и Чёрта, причём без грима, – потупив глазки, признался Аркаша. – А вы, наверное, шведы? – предположил он, переходя на шведский.

– Да, – в один голос подтвердили оба шведа, обрадованно переглянувшись.

– Бывал я в вашей Швеции, – Аркашу понесло. – В озере Турнетреск⁸ браконьерил – ловил лосося, в озере Стуршён⁹ тоже браконьерил – ловил чудовище Стуршёдурет, в озере

⁵ Пантагрюэль – герой романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

⁶ «Чикоте» – любимый (из мадридских) бар Хемингуэя.

⁷ Марта (Марта Гельмхорн) – американская журналистка, подруга Хемингуэя, впоследствии ставшая его третьей женой.

⁸ Турнетреск – крупное озеро на севере Швеции.

Ельмарен¹⁰ почти браконьерил – ловил раков, в озере Веттерн браконьерил совсем слегка – ловил русалок, а ваш Стокгольм – мне вообще как родной и почти что любимый.

Аркаша на минуту замолк, чтоб не мешать дружным возгласам, если пока не восхищения, то хотя бы одобрения, которые должны были последовать со стороны темпераментных скандинавов.

– А скажите, полковник, осталось ли, в принципе, в Швеции место, где вы ещё не браконьерствовали? – спросила Анита, посмотрев куда-то в сторону Хэма с Мартой.

– Да, есть такое место – это сердце прекраснейшей из шведок, – принял Аркаша пас, нимало не смущаясь присутствия Пера. – Да, да, это ваше сердце. Но я заберусь и в него – причём в ближайшее время и с самыми браконьерскими намерениями. Пойдёмте-ка потанцуем, зачем оттягивать неизбежное.

– Вам не удастся реализовать ваш злодейский план, – усмехнулась Анита, – хотя бы потому, что здесь не бывает музыки.

– Ничего, я наиграю вам мелодию на ваших губах, – невозмутимо парировал Аркаша.

Анита посмотрела на Пера. Пер утвердительно кивнул.

– Почему вы не спросили разрешения у моего спутника? – осведомилась Анита, когда они уже кружились вдоль стойки под изумлённые взгляды посетителей бара.

– Потому что я хам и делаю то, что хочу. А хочу я тебя, – объяснил Аркаша, привлекая к себе Аниту.

– Бывает, – заметила Анита, но отстраниться не попыталась.

– Нет, не бывает. Со мной такого давно уже не бывало. Он – твой любовник?

– Да, он – мой любовник.

– Это поправимо. А кто он?

– Профессор Стокгольмской академии, приехал по зову сердца помогать испанцам, сейчас – советник при генштабе. А я – его переводчица. А вы, полковник, или кто вы там, я надеюсь, не шпион?

– Поздно спохватились, теперь вы – мой агент, и я буду вытягивать из вас всё новые сведения. Он тебя любит?

– Возможно.

– А ты его любишь?

– Да, я его люблю.

– Ты была неискренна в ответе на последний вопрос, – чутко подметил Аркаша.

В этот момент он перехватил восторженный взгляд Хэма.

– Это мой друг, Хемингуэй, – шепнул Аркаша. – Теперь можно сказать: наш друг. Ты ему явно понравилась.

– Я узнала его, конечно, – шепнула Анита. – Это великий писатель. Я читала, наверное, всё, что он написал.

– Если у меня такие великие друзья, может, и я чего-то да стою? – не без иронии спросил Аркаша.

– Уверена, вы стоите немало, – согласилась Анита, – но мне пора, а то Пер рассердится.

– Вы прекрасно танцуете, – ободрил её напоследок Аркаша, – почти как я. Мы хорошо посмотримся и вообще идеально подходим друг другу.

Он вернул Аниту Перу и мило извинился за несанкционированное похищение. Загадку её фигуры в этот вечер он разгадать ещё не успел, но сделал длинный шаг, даже прыжок, в правильном направлении.

⁹ Стуршён – пятое по величине озеро Швеции, расположено в центре страны, по преданию в нём обитает озёрный монстр – Стуршёдюрет.

¹⁰ Ельмарен, Веттерн – четвёртое и второе по величине озера Швеции, расположены на юге страны.

Возвратившись к американцам, он заметил, как Хэм что-то быстро записывает на салфетке.

– Пиши-пиши, Эрни, – подбодрил его Аркаша, – вот она тебе – моя жизнь, во всей её красоте и омерзительности.

Вначале казавшаяся почти нелепой, информация о разрушении Герники вскоре стала подтверждаться из разных источников. Приказ о бомбардировке городка германским легионом «Кондор»¹¹ исходил из штаба генерала Эмилио Мола¹², руководившего мятежом тридцать шестого года, а теперь уничтожавшего Страну Басков с маниакальностью вполне генеральской.

Пышный, как его женщины, и роскошный, как его девушки, Мадрид забурлил. Митинги возникали и сами по себе, и не сами по себе. На одном из митингов второго типа уговорили выступить Аркашу. Недолго поломавшись, он залез на бронемашину перед королевским дворцом, поднял руки-крылья и в многоцветье толпы увидел Аниту. Анита стояла в первых рядах и глядела на Аркашу, как ему показалось, не скрывая насмешки.

– Гений и злодейство – две вещи несовместные! – рявкнул Аркаша, почти раскрывая ради Аниты своё инкогнито. – Злодейство в Гернике ставит вопрос ребром: или я, или они – мы несовместны!

Он прикрыл на минуту глаза и через свои длинные ресницы провидел, как, подхваченные волнами взрывов, пронеслись над площадью и обратились в прах саблезубые кони, безутешные матери, искорёженные отцы. Толпа затихла на выдохе: каждому, настроенному на его волну, Аркаша телепатировал своё страшное видение, более убедительное, чем все газетные строки. Он выдержал паузу, не большую и не маленькую – достаточную для того, чтобы *прониклись* все, даже Анита.

– Я приговариваю Мола к смерти! – грозно заявил Аркаша, опустив кулак, и все поняли: Моле – хана, и пелена скорби на время сменилась в их сердцах мулетой¹³ восхищения перед мужеством и верой этого громадного чужеземца.

– До конца года один из нас умрёт: или я уничтожу его, или утоплюсь на Рождество в Мансанаресе¹⁴! – грозно продолжил Аркаша, и испанцы вскидывали вверх кулаки и сочувствовали Аркаше: убийство Мола казалось трудной задачей, но утопиться в Мансанаресе даже зимой по причине его тотального обмеления было не проще.

Аркаше на миг показалось, что Анитины глаза увлажнились.

– Враг снопасаранит! – закончил он свою пламенную речь. – Победа будет за нами!

Как любой великий артист, Аркаша работал не для себя, а для поклонников и, конечно, поклонниц. Аркашу проводили овацией, мужчины пожимали ему руку, женщины целовали взасос. Терпеливо выстояв очередь, к Аркаше подошла и Анита со своим Пером. Аркаша зажмурился и вытянул губы для поцелуя.

– Вы должны победить. Желаю вам успеха, – сказал Пер, сосредоточенно глядя мимо Аркаши на пышный медный хвост кобылы Филиппа Четвёртого¹⁵.

– Как жалко, – вместо поцелуя сказала Анита, – что до Рождества ещё восемь месяцев – восемь месяцев ждать вашего омовения! Ведь вы не позабудете о своём обещании насчёт купания в местной речке?

– Я ни за что не лишу вас такого шикарного рождественского подарка – синего, распухшего Кецалькоатля с вывалившимся языком, – пообещал Аркаша, втягивая губы на место.

¹¹ «Кондор» – германский авиалегион, откомандированный Герингом в помощь франкистам.

¹² Мола, Эмилио – генерал фалангистов, командовал Северным фронтом, отдал приказ о бомбардировке Герники 26.04.1937 г.

¹³ Мулета – кусок алой ткани, используемый матадором, чтобы раздражить быка и продемонстрировать своё искусство.

¹⁴ Мансанарес – главная река Мадрида, крайне маловодна.

¹⁵ Филипп IV – король (1621–1665 гг.) Испании, его конная статуя установлена напротив королевского дворца.

«Зачем жить на свете, если есть женщина, которая меня не любит? – невесело думал Аркаша, подходя ко дворцу. – Или всё же любит? Нет, любит, конечно! Или не любит?»

В огромном, окружённом цветущими садами, на полкорпуса вросшем в землю королевском дворце располагался штаб второго мадридского корпуса.

– Эй, полковник, это по вашей части, – окликнули Аркашу в штабе. – Мола интересуется?

– Как мужчина – не очень, – отвечал Аркаша, – но как объект для возмездия – весьма.

– Тогда радиоперехват – как будто прямо для вас: «Бургосу¹⁶ из Саламанки, первое июня, 20-40: Готовьтесь к встрече Мола. Третьего июня прилетает из Памплоны через Виторию».

– Думаешь, провокация? – спросил Аркаша по-русски.

– Думаю, провокация, – согласился стоящий неподалёку советник штаба И. И. Иванов, известный врагу как Ванино Ванини.

– А я думаю, нет. Я думаю, генералиссимус Франко тоже не любит генерала Мола – ни как мужчину – да и за что его любить: длинный тощий очкарик, ни как генерала, ни как соперника в борьбе за власть в своём генеральском зверинце. Грех не воспользоваться такой наводкой. В худшем случае потеряете самолёт, меня и пилота, только и всего.

– Что ты замыслил? – спросил Ванини.

– Осталось два дня. Истребитель – итальянский или немецкий, трофейный, я беру на себя, как и всё остальное; вы же мне, главное, самоволку не клейте. Да ещё не сбейте при пересечении линии фронта, а я планирую пересечь её дважды, если вы не против, – сказал Аркаша и изложил свой план.

Достать Мола было удобней из Барселоны, следуя вдоль Эбро. Аркаша срочно вылетел в каталонскую столицу.

Кабина трофейного немецкого бомбардировщика Ю-87 оказалась тесновата для могучего Аркашиного тела.

– Я знаю эти места, – сказал пилот-баск, вовлечённый Аркашей в план мести. – Там между Алкосеро и Кастилом, как раз на полпути от Витории к Бургосу, есть гора, у подножья которой фалангисты хоронят казнённых.

– Классно, – обрадовался Аркаша, – вот там мы его и будем брать – тёпленьким и расслабленным после очередного злодеяния.

– Да, там и будем его ждать, будем кружить над горой, пока не кончится горючка, – предложил баск.

– Когда кончится керосин, спикируем на вражеский эшелон, – героическим тоном, как и положено интербригадовцу, контрпредложил Аркаша.

Небо после дозаправки в Лериде было не столь безоблачным, как в июле тридцать шестого, поэтому линию фронта миновали без проблем.

– Где мы? – спросил пилот Аркашу, исполнявшего по совместительству функции штурмана.

– Похоже, пролетели Логроньо. Пора уходить налево, на Санто-Доминго.

Видимость ухудшалась, но долго кружиться им не пришлось.

– Вижу цель! – воскликнул Аркаша, с трудом подавляя волнение. – Уверен, это наш кровник.

– Я тоже её вижу, – сказал пилот. – Атакуем?

– Почему нет? – спросил Аркаша, прилаживаясь к пулемёту.

¹⁶ Бургос, Саламанка – на тот момент главные фалангистские города.

Подбитый Аркашей со второй очереди самолёт врезался в гору¹⁷ и исчез среди дыма и пламени.

– Один один, – подытожил Аркаша.

– Ты точно уверен, что это был Мола? – спросил баск.

– Да, я не имею привычки ошибаться, – усмехнулся Аркаша, отлипая от пулемёта. – За Гернику!

– За Гернику! – воскликнул баск, разворачивая самолёт.

– Я с детства хотел носить красивую длинную баскскую фамилию со множеством раскатистых «р», – признался Аркаша, когда под ними снова заструилась ленточка Эбро, – но видишь, мой папа был Кецалькоатлем, и я таким же уродился, в папу – ни одного «р».

– Считай, что теперь ты – баск¹⁸. Выбирай любую фамилию, самую длинную и красивую, и носи на здоровье.

У Аркаши аж разбежались глазёнки:

– Субисаррета. Или Эчеверрия. Или Астигарравия.

– Носи через чёрточку. Субисаррета-Эчеверрия-Астигарравия-Кецалькоатль, – предложил великодушный баск.

Аркаша всхлипнул от радости.

Горючее кончилось на подлёте к Лериде, провинциальной столице в полутора сотнях километров от Барселоны. Там Аркаша с пилотом провели памятную романтическую ночь.

Утром в Барселоне у кромки лётного поля Аркашу ждала Анита.

Аркаша от удивления чуть не подавился штурманским карандашом: его операция ведь была тщательно засекречена, но решил оставить служебное расследование на потом ради более важного вопроса.

– Тебе невтерпёж утопить меня? – поинтересовался он, пряча улыбку. – Изволь – море рядом. Если совсем невтерпёж – то вот пожарный водоём.

– Я прилетела, потому что захотела прилететь, – виновато улыбнулась Анита, потушив взор.

– Бывает, причём бывает довольно часто. Раз увидев меня, индивид подсаживается, как на иглу, и душа его требует всё новых и новых доз меня, – объяснил Аркаша.

Пустив такую изящную шпильку, Аркаша продолжил в том же игривом духе:

– Ты не знакома с Барселоной? Как, впрочем, и со мной. Я покажу тебе город. Это – мой любимый город. И я покажу тебе себя. Это – мой любимый я.

– Как? Любимей Стокгольма? – спросила Анита, на ходу выковыривая Аркашину шпильку.

– А ты злопамятна, – чему-то усмехнулся Аркаша. – Ну примерно на том же уровне любви. Где твой багаж?

– А багажа-то и нет. Я самодостаточна, – ответила Анита, изговлеваясь к выковыриванию очередной шпильки.

– А если ты вечером пригласишь меня в ресторан? – коварно спросил Аркаша.

– Тогда ты купишь мне вечернее платье и туфли, – мгновенно ответила Анита и посмотрела Аркаше прямо в глаза.

Аркаша отвёл взгляд, и это означало, что шпилек пока больше не будет.

– Ты не пропадёшь, – удовлетворённо заметил он.

Весь день они шатались по великолепному городу, заполненному беззаботными толпами его счастливых, несмотря ни на какие войны и революции, жителей. Воздушная тревога застала

¹⁷ Самолёт врезался в гору – 3.06.1937 самолёт с Молой на борту врезался в гору Монте-де-ля-Брухула.

¹⁸ Считай, что теперь ты баск – Герника – древний центр баскской культуры, сакральный для басков город.

их возле суровой конной статуи Рамона Беренгера Великого. Оживлённая улица Лайэтана моментально опустела. Аркаша затащил Аниту в большую полукруглую нишу в теле капеллы Святой Агаты и прижал к древней розовато-серой увитой лозой стене. Напряжённо дыша: Анита – в Аркашину шею, Аркаша – в Анитины волосы, они простояли до конца бомбёжки, и Анита своей правой грудью чувствовала, как колотится Аркашино сердце, а Аркаша чувствовал трепет Анитино сердца своей ладонью. Над ними нависала гигантская октогональная башня капеллы, под ними дремали булыжники древнеримской ещё мостовой, за ними взрывалась смерть, а между ними было только два слоя одежды.

– Пусть это будет наш уголок, – предложил Аркаша, видя, что Аниту покорила мрачная красота места, – и каждый раз, когда мы снова будем вместе в этом городе, мы будем заворачивать сюда.

Вечером Аркаша привёл Аниту в маленькую гостиницу в районе Санта-Мария-дель-Мар.

– Добрый вечер, синьор полковник, – приветствовала его хозяйка. – Сегодня вы опять не один?

– Да, но на этот раз дама поселится отдельно, – строго ответил Аркаша, впрочем, слегка покраснев.

Он читал в постели фронтовые газетные сводки, когда в дверь его номера постучала Анита.

– Звал? – спросила она.

– Да, звал, – подтвердил Аркаша, – тебя и Пера. А где Пер?

– Пер уходился. Он не придёт.

– Жалко. Я бы хотел обсудить с ним положение на баскском фронте. Ведь не с тобой же обсуждать положение на баскском фронте?

– Ты можешь помолчать? – спросила Анита, роняя на пол Аркашину газетку и затыкая ладошкой Аркашин рот.

Аркаша насупился и замолчал. Он молчал и сопел почти целую ночь, но разгадал-таки, как и куда она ловит ветер.

Вернувшись в Мадрид, они вместе пошли к Перу. Пер, как и Анита, жил в отеле «Суэсия»¹⁹. Он отворил дверь на стук, сжимая в одной руке бутылку из-под виски.

– Я поливаю кактусы, – виновато улыбаясь, признался Пер. – Мандрагоры да кактусы – это наиболее типичные представители шведской флоры, – объяснил он Аркаше, пристально глядя мимо него на дверь, – я никогда не уезжаю из дома без них, они напоминают мне... Проходите, посмотрите, сколько у меня кактусов, какие они все разные...

– Пер, – перебила его Анита, – в моей жизни появился... Тебя как-нибудь зовут? – спросила она Аркашу.

– А как же, – с готовностью отвечал Аркаша. – Ещё как зовут. Меня зовут Попокатепетль²⁰. Попокатепетль Кецалькоатль, полковник.

– Инка? – спросил Пер, вдумчиво глядя мимо Аркаши на свои кактусы.

– Недолёт. Тольтек, – почти дружелюбно улыбнулся Аркаша.

– Пер, – сказала Анита, – я хочу быть с Попокатепетлем. С Попокатепетлем Кецалькоатлем, полковником.

– А со мной ты быть не хочешь? – спросил Пер, отхлёбывая из своей бутылки.

– С тобой я тоже хочу быть, но по-другому.

Аркаша скромно молчал, сцепив руки под животом, чтобы не выдать своего волнения.

¹⁹ Суэсия – Suecia – Швеция (*исп.*). Отель в центральной части Мадрида.

²⁰ Попокатепетль – действующий вулкан в Мексике.

– А ты подумала, что же мне теперь делать? – спросил Пер, делая ударение на слове «мне».

– Что хочешь, то и делай, – ответил за Аниту Аркаша. – Можешь убить меня, но вряд ли это теперь сильно поможет тебе. А можешь заняться, наконец, делом и пойти комиссаром ко мне в отряд.

– Какой из меня комиссар? – удивился Пер.

– Никакой, – согласился Аркаша. – Тогда иди на начштаба. Место хорошее, хлебное, сейчас – тоже вакантно. Последний начштаба погиб две недели назад, предпоследний – в марте. Вот только кактусы придётся оставить.

– Пожалуй, это мне подходит, – согласился Пер, – не думаю, что обременю вас надолго. А кактусы – да дома я новые собираю.

В декабре Аркашин полк был брошен под Теруэль. Ситуация на фронтах серьёзно ухудшилась, и республиканцы отчаянно пытались теперь оттянуть врага от Мадрида. Теруэль, очень маленький и очень древний провинциальный центр в арагонской глуши, на несколько месяцев стал объектом вожделения десятков тысяч вооружённых людей.

Морозы стояли чисто российские: до минус двадцати днём. Люди замерзали во сне и на ходу.

– Теруэль придётся переименовывать – когда возьмём, – заявил Аркаша, хлюпая носом.

– В Кецалькоатль? – спросила Анита; она с трудом открывала рот, но ехидства в ней от этого не поубавилось.

– Нет, в Оймяконль²¹, – ответил Аркаша, в отместку промокая нос концом Анитинового бантика, кокетливо выглядывающего из-под беретки.

У франкистов было больше техники и оружия, у республиканцев – отчаяния и решимости.

В январе решимость победила. Аркаша одним из первых ворвался за городские стены. Древние узкие улочки в бесстыдных позах, с раскинутыми руками и ногами, перегораживали замороженные трупы защитников города. Другие защитники, оголодавшие, но живые, сопротивлялись с упорством коммунистов. Седьмого января город был всё-таки взят.

Они сидели втроём в церкви Сан-Педро – сидели в окружённом врагом освобождённом-захваченном городе. В церкви не было ветра. Они согревали друг друга дыханием и теплом – душевным и телесным.

– Здесь похоронены Исабель и Диего²², – рассказывал Пер, стуча зубами и печально глядя на Аниту. – Они любили друг друга семьсот лет назад, в XIII веке.

– Даю ухо на отсечение: всё равно оно отмёрзло, – отдал ухо на отсечение Аркаша, – что в XIII веке любили крепче, чем в нашем.

Пер сухо отклонил предложенное ухо.

– Не уверен, – возразил он.

– Обоснуйте вашу неуверенность, – ухмыльнулся Аркаша.

– Диего был слишком беден, чтоб получить её руку, – продолжил Пер свой грустный рассказ, не сводя задумчивого взгляда с Аниты, которая смотрела на Аркашу, который с любопытством осматривал те ещё не отмёрзшие части своего тела, что были доступны без помощи зеркала, – и он уехал из родного города в поисках славы и богатства, чтобы стать достойным

²¹ Оймякон – посёлок в Якутии, расположен в Оймяконской межгорной котловине, которая является одним из полюсов холода Северного полушария.

²² Исабель и Диего – Исабель де Сегура и Диего (или Хуан) де Марсийя, «Теруэльские любовники».

своей Исабель. Он завоевал и славу, и богатство, и вернулся в Теруэль победителем, но опоздал на один день: Исабель выдали замуж. Узнав об этом, Диего умер...

– Апоплексическим ударом, – внёс Аркаша в рассказ свою лепту.

– Возможно, а через день, во время его похорон, умерла и Исабель. С тех пор они лежат вместе, а её рука успокоилась в его руке – тоже каменной.

– Увы, Пер, – сказала Анита, – я согласна с полковником: это не про нас.

– Не про нас с тобой? – спросил Пер.

– Какие-то они были слишком миндальные, – внёс Аркаша свою лепту уже в обсуждение рассказа, – просто толстовцы какие-то. Надо было не умирать, а убивать.

– Кого убивать? – удивился Пер.

– Всех, кто мешал. Надо было драться за жизнь до последнего. До последнего теруэльца.

– Ты так дорожишь своей жизнью? – удивилась Анита.

– Да, представь себе. Меньше, конечно, чем вашими, но всё ж дорожу. Я знаю цену своей жизни. И очень многие знают цену моей жизни. Только ты вот пока не знаешь, сдаётся мне.

Напряжённая энергоёмкая беседа утомила их (особенно утомился Пер, он выложился на все сто), и они задремали беспокойной дремучей дремой.

– Комиссар Карлссон! – вдруг рявкнул Аркаша.

– Я – начштаба Карлссон, – вскочил на ноги удивлённый Пер.

– Пробудитесь и принесите нам с улицы снега, – приказал Аркаша.

– Есть! – вытянулся Пер, и его давно не бритая физиономия вытянулась вместе с ним.

– Повторите приказ! – потребовал Аркаша.

– Проснуться и принести вам с улицы снега, – пробормотал Пер.

– Выполняйте.

– Есть!

– Я поступил плохо, как фашист? – спросил Аркаша у Аниты, когда Пер, хромя, заковылял к выходу.

– Ты поступил как солдафон-самоучка.

– А я и есть солдафон. И я и есть самоучка.

– Оно и видно, – невесело согласилась Анита.

– Я хотел остаться с тобой вдвоём. Хоть на минуту.

– Он хороший, мне его жалко, – сказала Анита.

– А я плохой?

– Ты тоже хороший. Ты – лучший. Но тебя не жалко. Ты сильный, – сказала Анита и поднялась с пола, и отряхнулась.

– И он сильный. Он – комиссар без пяти минут, он – мачо в глубине своей кактусолюбивой души.

И, увидев, что Анита застыла в нерешительности, Аркаша добавил:

– Решила быть с ним – иди к нему, только не жалея его, а то его стошнит от твоей патоки.

Анита подошла к Перу, сидящему у портала, и он молча уткнул голову в низ её живота.

– Извини, Пер, – сказала Анита, погладила его по берету и вернулась к Аркаше.

В феврале победило оружие и современная техника. Через месяц холода, к которому добавились регулярные артиллерийские обстрелы, – седьмого февраля – республиканцев вышибли из Теруэля.

– Куда предлагаете отходить, товарищ переводчик начштаба? – спросил Аркаша Аниту. – На Мадрид, Барселону или Валенсию?

– Хочу в Барселону, – простучала зубами Анита. – Хочу в наш тёплый отель, хочу увидеть пальмы, море, Рамона Беренгера.

– Тогда отходим на Валенсию, – согласно кивнув головой, командовал Аркаша. – Коммунисты, вперёд. За ними идут анархисты, за ними – социалисты, за ними – социал-демократы, за ними – все остальные; замыкает начштаба Карлссон.

Ни деревца не встретилось на их пути, ни деревеньки, ни человека, ни зверя – только схваченные морозом горы, только схваченные морозом плато, только схваченные морозом ущелья.

Через пару дней, истощённые и обмороженные, они добрались до приморской равнины. Ещё через день их встречала Валенсия.

– Хочу в Барселону, – твердила Анита, когда просыпалась, чтобы поесть.

Потом она снова засыпала.

И Аркашин полк перебросили в Каталонию.

И они снова оказались в Барселоне, но теперь втроём. На этот раз функции гида взяла на себя Анита, ведь она уже знала этот город почти так же хорошо, как Аркашу.

– Вот это – наше с Попокатепетлем тайное место – у Рамона Беренгера, – рассказывала она. – Здесь мы впервые прижались друг к другу. Здесь я впервые ощутила биение его сердца. Его сердце билось часто, его член был напряжён – я поняла, что он взволнован.

– Это занимательно, – хвалил её рассказ Пер. – Что вы можете мне ещё показать?

– Пошли дальше, – говорила Анита. – Вот гостиница, где мы провели свою первую ночь. Что мы, Пер, только не вытворяли тогда! Но повторить такое, я думаю, нам уже не удастся.

– Это очень интересно, – хвалил её рассказ Пер. – И неужели тут осталось ещё на что посмотреть?

– Пошли дальше, – говорила Анита и вела их сквозь трущобные щели Китайского квартала на другой конец города. – Вот здесь, на горе Монжуик, мы, поглядев на это море и поглядев на это небо, и поглядев на этот город, вдруг поняли, чего нам не хватает: нам не хватало тебя, Пер.

– Это уже не так интересно, – закончил с похвалами Пер. – Про Пера – это не так интересно.

Аркаша молча зевал. Ему было и вовсе скучно. Ему хотелось увидеть Хэма и Марту.

Хэм приехал в Барселону в апреле.

– А где Марта? – первым делом спросил Аркаша.

– Марта в пути, – не без досады ответил Хэм. – Но бог с ней, не до неё мне сейчас. Меня несёт. Я замыслил роман под рабочим названием «По ком звонит колокол». Хочешь, я посвящу его тебе?

– Ну уж дудки, не дождёшься, чтобы он зазвонил по мне, – развеселился Аркаша. – И Марта твоя не дождётся. Ну извини, извини, шучу, как солдафон-самоучка, – добавил он, увидев, что Хэм обиделся.

– Ладно, не хочешь романа – поедем со мной на Эбро, порыбачим. Эбро – большая река, не Ирати²³, там должно быть много большой рыбы, – предложил Хэм.

Хэма тянуло на рожон: по Эбро теперь проходила линия фронта.

– Оттуда сейчас кроме танка вряд ли что выловишь, – с плохо наигранным сожалением возразил Аркаша: он понимал, что Хэм теперь не оставит его в покое со своим новым романом, коль уж выпала такая уникальная возможность оттачивать его об Аркашины уши.

– Ну как знаешь, а я всё равно поеду на Эбро, потом – сразу в Марсель. Больше мы в Испании, наверное, не увидимся, – не без грусти предположил Хэм.

– Ты не сможешь не вернуться, я же знаю тебя. Возвращайся даже без Марты – я буду ждать тебя как брата, как собрата по ремеслу и по борьбе – как младшего собрата, конечно, – пообещал Аркаша, первым вспоров себе запястье.

²³ Ирати – Хемингуэй упоминал эту реку в романе «Фиеста», 1926 г.

Хэм тотчас последовал его примеру, и они смешали сладкогазированную американскую кровь с бурлящей вундеркиндовой²⁴.

– Не хочешь книгу, не хочешь рыбалку – чёрт с тобой, тогда держи хоть трубку, на память, – растроганно всхлипнул Хэм.

– Вот трубку давай. Фирменная? И черкани там про меня пару строк в своём романе, тоже на память, – сказал Аркаша, на всякий случай тоже всхлипнув, – ты видишь, мне самому писать некогда.

В конце июля Аркаша всё-таки попал на Эбро, и даже за Эбро. Это было последнее наступление республиканцев. Они пытались прорваться к Валенсии, чтобы снова соединить её с Каталонией, но дошли только до Гандесы.

Аркашин полк вгрызся в плоскогорье над полупересохшей речкой Каналетой, не имея ни сил и средств к наступлению, ни приказа к отходу.

Было жарко, весь световой день взрывы вражеских снарядов перемешивали прохладные нижние слои земли и горячие верхние. Густая как сперма, Аркашина слюна шипела и пузырилась на раскалённых камнях.

– Да, – сказал Аркаша, дождавшись промежутка между бомбёжками, – вот бы сейчас в Теруэль, в тот склеп, где Исабель осталась, и завалиться туда втроём с сосульками в зубах, как три снежных бабы. Ну что, Пер, слабб?

– Да нет, – Пер встрепенулся, улыбнувшись какому-то отдалённому воспоминанию. – На Теруэль?

– На Теруэль! – воскликнул Аркаша.

– На Телуэла, аданака, палоха, – возразил китайский интернационалист Фу И, известный тем, что наметил пять добрых дел, которые должен был сделать: победить фашистов в Испании, жениться, совершить революцию в Китае, родить десять детей и умереть с женой в один день.

– Почему палоха? – спросил Аркаша.

– Во-пелавыха, нета паликаза, – объяснил Фу И, известный также тем, что имел шесть принципов, четыре правила и семь причин радоваться. – Во-ватолыха, нета далог.

– В-третьих, жарко, в-четвёртых, далеко, – продолжил Аркаша, снова перейдя на шведский. – Истину мы с товарищем Фу говорим. Никаких Теруэлей! Начштаба Карлссон!

– Я, – отозвался Пер, предчувствуя очередной сеанс Аркашиного зубоскальства.

– Вам не терпится подвести меня под трибунал? Что ж, извольте, но вот людей пожалейте. Ведь из-за вашего нетерпения товарищ Фу может так и не сделать в жизни ни одного доброго дела!

Остыв, Аркаша из подручных средств соорудил себе удилице. До рассвета он спускался с ним к тому, что осталось от речки.

– Первая рыбка – за Хэма, – говорил Аркаша, – вот его бы сюда с его снастями. Вторая рыбка – за Пера, а третья – за Аниту, ну и четвёртая – за Фу И.

На закате, когда прекращались бомбёжки и появлялись вороны, Аркаша стрелял любознательных птиц из рогатки. При этом первую птицу он посвящал Фу И, и снова лишь вторую – Перу.

И наступала ночь. Аркаша и Анита лежали под звёздами. Им не спалось. Звон тишины давил на уши не слабее, чем грохот снарядов.

– Ну что, – начинал Аркаша, – поговорим, как звезда со звездой?

– Это ты – звезда, – подхватывала Анита, – а я, в лучшем случае, подзвёздник.

– Но ты – мой подзвёздник? – спрашивал Аркаша.

– Тебе это так важно, – интересовалась Анита, – только ли я подтвоя?

²⁴ Вундеркиндовой – объяснение, почему Аркаша считал и называл себя вундеркиндом, даётся далее по ходу романа.

– Да, важно, поэтому я отсылаю Пера спать на другой конец лагеря, – отвечал Аркаша (он отсылал Пера под тем предлогом, чтобы одним снарядом не убило сразу двух командиров).

– Неужели ты способен на ревность? – не переставала удивляться Анита.

Ночью, под небом, кишасшим звёздами, даже Аркаша был способен на ревность, ночью даже Аркаша говорил глупости:

– Я способен на всё: размолотить, раздавить, втрюмбовать в землю всех, кого ты любила, всех, кому ты отдавалась, всех, кто по-хозяйски залезал в эту маленькую дырочку до меня.

– Тяжёлый случай, – вздыхала Анита, – запущенная звёздная болезнь. Но мы её вылечим. Я никого не буду больше любить. Я никому не отдамся больше – если ты не пожелаешь иного.

Аркаша недоверчиво хмыкал.

– Я знаю, что говорю. Я чувствую, ты – последний, – говорила Анита так, как говорят только ночью, под звёздами.

Однажды утром бомбардировщики не прилетели. Аркаша встал в полный рост и огляделся: он стоял среди трав. Травы были красные, травы были жёлтые, травы были белые, и даже попадались зелёные травы.

– Я люблю тебя, Испания, – признался Аркаша, встав на колени.

– Я люблю каждую твою травинку, – говорил Аркаша, целуя каждую травинку по очереди.

– Я люблю каждый твой камешек, – говорил Аркаша, целуя по очереди каждый камешек.

– Я люблю смердящие трупы под твоим небом, потому что это трупы твоих детей, я люблю твоих иссушённых зноем старух в воронково-чёрных платках, я люблю твоих неистовых мужчин, твоих женщин с прозрачными лицами, – говорил Аркаша, целуя и орошая Испанскую Землю слезою страсти.

– Ты, гордый Аркаша, вундеркинд земли русской, который ни перед кем ещё не стоял на коленях, – отвечала Аркаше Испанская Земля, – знай: ты – мой, я впускаю тебя в себя.

– Спасибо, пока не надо, – вежливо отказался Аркаша.

Послышался гул запоздавших самолётов, и гордому Аркаше пришлось-таки зарываться в Испанскую Землю.

– Это – агония! – прокричал над его ухом Пер. – Мы уже три месяца сидим на этой горе! И каждый день нас бомбят! И каждый день кто-нибудь гибнет!

– Чья агония, господин теоретик военного искусства? – крикнул в ответ Аркаша.

– Не знаю! – крикнул Пер. – Наверное, моя!

Вечером пришёл приказ. Аркашин полк был удостоен чести замыкать отход интербригад. Аркаша собрал бойцов.

– Надо отступить, – сказал Аркаша. – Чтобы отъесться, отпиться, отмыться, отоспаться – и тогда можно снова наступать.

Но наступать им больше не пришлось. Они сдавали высоту за высотой, поле за полем, деревню за деревней, хотя винтовка была у каждого второго, а желание умереть или победить – у каждого полуторного. Они отступали пёхом: вся немудрёная техника была потеряна ещё при наступлении. И лишь Аркаша мог изыскать в этой потере определённый эстетический плюс: остовы грузовиков и танков существенно разнообразили унылый придорожный ландшафт. Возле одного из таких останков Аркаша застыл, не в силах отвести восхищённого взора: то был шикарный серебристый кабриолет «Испано-Суиса». «И пусть меня считают некрофилом, – вслух подумал Аркаша, – я не уйду отсюда, покуда не оживлю её. Или я поеду дальше на ней, или упокоюсь под ней!»

– Я останусь с тобой, – заявила Анита.

– А я останусь с вами, – заявил Пер.

– Фиг с вами, оставайтесь, – добродушно разрешил Аркаша, – может и вы на что сгодитесь. Фу И, давай, брат, принимай на себя полк и отведи его целым за Эбро, сделай минус первое доброе дело.

– Ну что, ребята-демократы, – обратился Аркаша ко всем кроме коммунистов, – не скучайте, свидимся, ждите меня – и я вас каждого прокачу с ветерком.

– И с вами свидимся, – пообещал он остальным.

Толку от Аниты и Пера действительно не было, но Аркаша всё равно за неполный рабочий день с помощью кувалды, скальпеля, зажима и пары тампонов реанимировал Испано-Суису.

– Люблю большие красивые машины, – признался он, утирая пот. – Чуть больше, чем больших красивых женщин, но чуть меньше, чем большие красивые реки. Ладно, поехали, бензина нам хватит как минимум до Эбро.

Они уже догнали было свою колонну («Вот и свиделись! Успели соскучиться?!» – крикнула колонне Анита), когда Аркаша притормозил и стал нервно шарить по своим карманам.

– Трубка! – простонал он. – Подарок Хэма! Я обронил её, верно, когда чинил машину. Выходите, ребята. Я поеду обратно. Я не могу оставить трубку Хэма врагу.

– И не подумаем! – хором воскликнули доблестные скандинавы.

– Спасибо, – сказал растроганный Аркаша, – втроём мы найдем её в четыре раза быстрее.

Они вернулись на старое место и в травах – красных и жёлтых, белых и зелёных – пытались отыскать злополучную трубку. Стемнело. Они переночевали в машине и продолжили поиски утром.

– По-моему, нас окружают, – вдруг закричала Анита, – бежим!

– Поздно, – сказал Аркаша, выпрямляясь, – влипли.

И вдруг, замахав руками, с криками: «Стойте! Стойте! Не проезжайте мимо! Хватайте их! Я заманил их в ловушку! Это – важные коммунисты!» – он побежал навстречу итальянским солдатам.

Пер и Анита смотрели ему вслед скорее очумело, чем понимающе.

– Сейчас он что-нибудь выкинет, – нашлась Анита.

Но Аркаша выкинул только ненужные теперь условности.

– Я – шофёр, – рассказывал он, когда его вместе с трофейными Испано-Суисой, Анитой и Пером доставили в аюнтамьенто²⁵ деревушки Корберы, утром оставленной республиканцами, – а это – важные коммунисты. Я возил их, но всегда хотел служить только национальным силам, только нашему каудильо²⁶. Я – простой рабочий парень, баск по фамилии Эчеверрия. Мы, рабочие, ненавидим коммунистов, мы – за фашистов.

– Эй, хозяин, вино есть? – спросили итальянские офицеры, прерывая Аркашину исповедь в самом драматичном месте.

– Есть, несу, – отвечал староста.

– Тебе всё-таки так хочется жить, – спросила Анита по-шведски, – что ради своей жалкой жизни ты предаёшь нашу идею?

– Ты можешь выдать меня, если хочешь, – шепнул Аркаша. – Говорите по-испански, – произнёс он уже громче, – господа не изволят понимать вашего тарабарского наречия.

Анита, не прицеливаясь, плюнула и попала Аркаше в щёку.

Связанный Пер насуплено молчал.

²⁵ Аюнтамьенто – ayuntamiento – здесь: здание, в котором в испанских населённых пунктах располагаются местные органы власти.

²⁶ Каудильо – caudillo – главнокомандующий – титул генерала Франко.

– Вот она, интеллигенция, – говорил Аркаша, отираясь, – а ведь мы, рабочие парни, такого себе не позволяем. И господа офицеры такого себе не позволяют, потому что это – настоящие господа. Вот она, благодарность за всю мою работу на вас. Спасибо, товарищ, продолжайте хулиганить, я подставляю вам вторую щеку.

– Хочешь вина, рабочий парень? – спросили итальянцы Аркашу.

– Я бы не отказался, – не отказался Аркаша, – если бы мне развязали, наконец, руки.

– Рано, – пресекли Аркашин порыв итальянцы, – рано шофёру пить вино с итальянскими офицерами.

– Господа, безусловно, правы, – смиренно согласился Аркаша, – пить ещё рано.

Пер насувлено молчал.

– Он что, немой? – спросили итальянцы.

– Когда трезвый – то как вина в рот набрал, – пояснил Аркаша.

– У нас заговорит, – пообещал старший из офицеров, капитан Пуччини. – Итак, начнём с женщины. Имя!

Анита молчала. Итальянцы терпеливо потягивали вино.

– Она делает вид, что не понимает. Я отвечаю за неё, – вмешался Аркаша. – Её имя – Анита Свенсон, тридцать два года, уроженка Стокгольма, убеждённая коммунистка.

– Что делаете в Испании? – спросил второй офицер, лейтенант Беллини.

– А вы что делаете в Испании? – огрызнулась Анита.

– Вот видите, – подметил Аркаша, – она очень даже неплохо понимает испанский.

– Что делаете в Испании? – повторил Беллини.

– Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, – заявила Анита.

– Нам придётся заставить вас отвечать, – пригрозил Пуччини.

– Сейчас сиеста, – напомнила Анита. – Неужели вы готовы ею пожертвовать?

– Мы готовы провести сиесту в обществе такой очаровательной и разговорчивой синьорины, как вы, – сказал Беллини.

– Вы ошибаетесь, – возразила Анита, – по крайней мере, насчёт моей разговорчивости. Я говорю, когда захочу и с кем захочу. Сейчас я говорить не хочу и больше не скажу ни слова.

– Что предлагаете делать, лейтенант? – спросил Пуччини, опорожня очередную бутылку.

– Я предлагаю раздеть её для начала, – предложил Беллини. – Посмотрим, та ли она, за кого себя выдаёт.

– Разумное предложение, – согласился Пуччини. – Капрал Россини, разденьте арестованную.

Анита вспыхнула, но теперь, пообещав молчать, она должна была молчать. Она не шевельнулась, когда капрал расстёгивал блузку, но вот со снятием брюк у капрала возникли проблемы.

– Привстаньте, – предложил он сидящей Аните.

Анита не шевельнулась.

– Можно, я помогу, – вызвался Аркаша.

– Сиди, рабочий парень, – пресёк Беллини его порыв, – не дело, когда рабочий парень раздевает леди, пусть и коммунистку.

– И правда, не дело, – согласился Аркаша. – Господин прав, рабочий парень должен знать своё место. А капрал – он, наверное, из маркизов.

Пер с рычанием слетел со своего стула и, поочерёдно отталкиваясь связанными руками и ногами, покатился к Аните. Бунт обречённого был быстро подавлен. Капитан Пуччини не поленился вскочить со своего места и оседлать извивающееся рычащее тело. Беллини и Россини били Пера по почкам, а Аркаша каждый удар сопровождал чмоканьем и восклицанием

«Классно!». Рычание Пера постепенно сменилось всхлипами. После экзекуции его оттащили в угол, откуда ещё долго слышались тихие-тихие хлопы.

– А дали б мне ударить – я б ему вмазал, – мечтательно произнёс Аркаша.

– Подожди, парень, – остудил его пыл Пуччини, – не дело, чтобы рабочий парень бил своего хозяина.

– Господин прав, – согласился Аркаша, – рабочий парень должен бить такого же рабочего парня, как и он сам. Но я осмелился бы дать господам совет.

– Ну что ж, давай, советуй, – разрешил Пуччини.

– Я бы посоветовал господам, извиняюсь за грубое слово, трахнуть госпожу коммунистку: от очень многих *товарищей* я слышал, что она умеет доставить *товарищу* настоящее удовольствие, но если, конечно, это *настоящий товарищ*.

– Хороший совет, – оживился Беллини. – Шоферюга – а башка работает как двигатель Испано-Суисы. Но если она была знакома со многими *товарищами*, наверняка у неё для *нетоварищей* припасён трипперок или что-нибудь в этом роде.

– Это поправимо, – успокоил его Аркаша, – для этого существует предохранительное средство, называемое платок носовой. Берётся носовой платок, из него изготавливается чехольчик, куда вы и помещаете свой инструмент. Если у господ есть носовые платки, я готов незамедлительно изготовить такие чехлы.

– Беллини, у вас есть платок? – спросил Пуччини. – Дайте ему, пусть сделает свой чехол. Развяжи его, Россини.

Расправив затёкшие руки, Аркаша первым ударом раздробил челюсть капралу Россини, вторым – перебил шейные позвонки лейтенанту Беллини. Третьим ударом он вогнал капитану Пуччини желудок в позвоночник. В ответ капитан Пуччини изрыгнул на Аркашу несколько литров вина. Аркаша утёрся, несколькими ударами добил его, а заодно и капрала Россини, чтоб не мучался, после чего развязал Аниту.

– Одевайся и бежим, – бросил он, направляясь к выходу.

– А я? – булькнул из угла Пер.

Аркаша на мгновение задумался, но быстро нашёлся:

– И ты одевайся.

На улице их в нетерпении дожидалась Испано-Суиса, но возле неё при пулемёте ошивалась пара солдат. Аркаша уложил солдат двумя выстрелами из лейтенантского пистолета, зашвырнул в кабриолет пулемёт и прыгнул за руль. Анита и Пер заскакивали уже на ходу.

На бреющем, как ему казалось, полёте Аркаша уходил в сторону Эбро. Туда же двигалась франкистская бронетехника, которую Аркаша облетал по обочине. Анита прижалась к Аркаше, их волосы переплетались на ветру, и им было хорошо, как ночью, под звёздами.

– Я не верила, что ты предатель! – кричала Анита.

– Я сам не верил! – кричал Аркаша. – Но ты хотела? Кого ты больше хотела? Пуччини? Беллини? Или, может быть, всё же Россини?

– Я хотела тебя – тем больше, чем более гнусным ты мне казался!

– Ты чуть было не обманула меня – ты ведь обещала, что не полюбишь другого без моего разрешения!

– Да, я хотела тебя обмануть – не вышло! Пер, и тебя я тоже, конечно, хотела, Пер, ты был бесподобен, ты так рычал! – обернулась она к Перу: на заднем сидении в обнимку с пулемётом счастливыми свободными слезами изливался Пер.

Аркашино дорожное хулиганство оставалось безнаказанным, пока какой-то чин в обгоняемой штабной машине не поднял тревогу.

– Анита, за пулемёт! – крикнул Аркаша. – Прорвёмся, в Море ещё должен быть Листер!

Но Листер, командир Пятнадцатой интербригады, накануне отошёл за реку, взорвав единственный мост, и прибрежную Мору занял враг, а её главную улицу перегородили ита-

льянские танки. Аркаша свернул на просёлок, пытаясь объехать деревню. Река была уже рядом, когда пулемётчики сразу с двух танков стали бить по ним зажигательными патронами.

– Попока! Как из него стрелять? – обернулась Анита к Аркаше, и тут же одна из очередей вдребезги разнесла её голову и переднее колесо, а заодно подожгла машину. Аркаше даже не пришлось её останавливать: машина сама налетела на валуны.

Пер рванулся к Аните, но Аркаша ударил его по лицу и за шиворот потащил к реке. Очередями их прижало к земле. Когда Аркаша обернулся, танк уже направлялся к остаткам их великолепной машины и останкам их великолепной любовницы, чтоб с разбега наскочить на них как лев на львицу и превратить в подобие пылающей в жаровне лепёшки.

– Беги, я тебя прикрою, я хочу остаться с ней, – прошептал Пер и вздрогнул: на него спикировал окровавленный и обгоревший Анитин бантик.

– Всё верно. Остаться тебе. Прощай, дон Пер, прощай, дон Диего, – прошептал Аркаша, уязвлённый тем, что бантик спикировал не на него, и нежно хлопнул Пера по заднице.

Пер встал, он мог прикрыть Аркашу только своей неширокой грудью. Его оборона была подавлена ещё быстрее, чем бунт: один всего выстрел из танкового орудия – и то, что осталось от Пера, смешалось с тем, что осталось от Аниты, Торквемады, Мола, Колумба, Сиды, Сервантеса и Эль Греко.

Аркаша сумел использовать эти секунды, чтоб добежать до реки. Очередь прошла по его ногам, но он успел нырнуть. Мутная вода, смешиваясь с Аркашиной кровью, становилась чуть-чуть прозрачнее.

– Эбро вам, господа фалангисты, не Урал-река, да и я – не Чапай, выплыву! – плевался пузырями Аркаша; ему очень хотелось жить – жить, чтобы мстить.

Течение и живущий в жёлтых потоках местный Фын И²⁷ помогли ему прибиться к республиканскому берегу.

«А эта хваленая Эбро не шире, чем Альбис²⁸ у Магдебурга», – ещё подумал Аркаша, прежде чем потерял сознание.

Аркашу подобрали на пустынном глинистом мысочке очевидцы его заплыва, перевязали и, не мешкая, переправили в госпиталь Реуса. Через два дня он был арестован и перевезён в Барселону. В ходе допросов признал себя гитлеровским шпионом по кличке «Арминий²⁹», провалившим наступления под Брунете и Белчите³⁰, сдавшим Теруэль и заманившим 14-ю интербригаду в горную ловушку. Кроме того, полковник Кецалькоатль выдал фашистам из мести своего соперника в амурных делах – начштаба полка Пера Карлссона – и неверную любовницу Аниту Свенсон – так гласило обвинение, основанное на показаниях комполка товарища Фу.

– Палавильна ли я поступил? Добалое ли я дело сиделал? – спрашивал Фу И своих товарищей по партии, по полку.

– Товарищ Фу, ты поступил единственно возможным макаром, – отвечали ему товарищи. – Товарищ Фу, ты совершил самое доброе дело в своей недолгой жизни.

Тогда Фу И краснел от удовольствия и застенчиво опускал ресницы. Взгляд его падал на мыски сапог, в которых отражалось мужественное, красное от удовольствия лицо коммуниста, интернационалиста, командира полка.

А Аркаша 25 ноября 1938 года был расстрелян у стены королевских верфей Драссанес, хоть и просил казнить его поближе к статуе Рамона Беренгера.

²⁷ Фын И – бог реки Хуанхэ (Жёлтой реки).

²⁸ Альбис – так называли Эльбу древние римляне.

²⁹ Арминий – подробнее о личности Арминия рассказывается в главе «Сентябрьские иды».

³⁰ Наступления под Брунете и Белчите – два ожесточённых сражения (в районе Брунете под Мадридом в июле 1937 г. и в районе Белчите под Сарагосой в сентябре 1937 г.), в которых республиканцам не удалось добиться победы.

Любознательный Паломник По Аркашиным Местам, свернув с авениды дель Параллель направо, в сторону Рамблы, на каррер дель Порталь де Санта Мадрона, и сегодня может обнаружить на этой стене пару выщерблин у того места, где полковник Кецалькоатль в первый и последний раз грыз кирпичи. Осталось неясным, то ли он хотел выгрызть в ней нишу, подобную той, памятной нише, то ли надеялся проделать лаз и сбежать, то ли у него просто резались новые зубы, зубы на – как это ни прискорбно предположить – товарищей из близкой по духу партии.

Разумеется, посмертно он был реабилитирован.

2. Вундеркинд Земли + 3. Майор иностранных дел

– За что, за что вы так любите Аркашу? – спрашивали земляне земляне же и не только.

– Да как, да как его не любить? – отвечали земляне, удивляясь самой постановке вопроса. – Жить с Аркашей в одно благословенное время, дышать одним воздухом, видеть то же Солнце, что видит Аркаша – это ли не счастье землянское? Аркаша – всё-таки он одна из главных радостей нашей жизни.

– Земляне, дети мои, с высоты своего дарования обращаюсь я к вам. Почти в каждом из вас – моё семя, – напоминал им Аркаша ласково, вполне удовлетворённый их немудрёным ответом. – В ком семени больше – тот лучше, добрее, красивее, талантливее, богаче; в ком меньше – соответственно. Так что, делайте выводы – на будущее.

Солнце блекло на Аркашином фоне. Звёзды меркли, когда Аркаша выходил в ночь.

При одной мысли о нём бледнели негодяи, краснели женщины, тускнели корифеи. «Если вы не побледнели при мысли об Аркаше, значит, вы – не негодник, если не покраснели, то вы – не женщина, если не потускнели – не корифей!» – такая поговорка бытовала среди землян, уходя корнями своими глубоко в прошлое.

И когда Аркаша заслонял от кого-нибудь Солнце, то не воспринималось это затмением, ибо исходивший от Аркаши свет вполне компенсировал солнечный.

И не было жителя Земли, чьего дыхания не спёрло хоть бы раз в зубу от слова Аркаши, либо от его дела.

– Кто он, этот Глюков, и откуда, за какие за такие негрешения, был ниспослан нам Аркаша-вундеркинд?! – восклицали люди, простые и сложные, прогрессивные и не очень, в своём стремлении к правде.

Земная ль мать родила его или вырос он прямо из звёздной пыли, замешанной на гречишном мёде – знал только сам Аркаша, а может, и он не знал. И адрес, который он указывал на визитке, говорил сам за себя: звёздное скопление Девы, галактика Млечный путь, Солнечная система, Аркаше.

Одно известно было на удивление точно: родился он зимой, и вся зима считалась и почиталась сезоном его рождения. Очевидно, таким хитрым манёвром природа постаралась компенсировать человечеству (по крайней мере, его лучшей, северной половине) самое холодное и унылое время года.

– Уж такой уж вы, Аркаша, человечиче! – говорили Аркаше.

«Да, я такой, – думал Аркаша. – Да, уж такой я человечиче, уж такой уж я вымахал».

Расправляясь³¹ с опостылевшей постсоциалистической моралью, я шкуркой сдирал с себя родимые пятна коллективизма. Как никто другой, последовательно, пятно за пятном, через муку осознанной необходимости я готовил себя к полёту в царство Свободы, и однажды мне показалось, что я нашел Её, может, даже несколько преждевременно – с десяток пятен у меня ещё оставалось.

Она читала седьмой том ПСС³² Самогрызбаши. С супербложки супертома с мудрой всепонимающей и всепрощающей улыбкой взирало на всех желающих суперлицо суперотца всех самогрызов.

³¹ Здесь и далее текст, набранный курсивом, относится ко второй из сдвоенных глав (в данном случае – к главе «Майор иностранных дел», а текст, набранный стандартным шрифтом – к первой из сдвоенных глав (в данном случае – к главе «Вундеркинд Земли»).

³² ПСС – полное собрание сочинений.

Видно было, что чтение трогало Её за самое живое из Её мест, слёзы пенными струйками низвергались из подслеповатых глазок и заполняли две ямки на впалой груди, эффектно подчёркнутой вогнутыми чашечками лифчика, надетого поверх телогрейки.

– С такими рыльцами, – обратился я к Ней по возможности учтиво, – читают ПСС Американбаши, ну Японбаши, ну, на худой конец, Гондурасбаши, ну, на самый крайняк, Люксембургбаши.

– Благодарю вас, вы очень любезны, но в моём маленьком укромном девственно чистом сердце есть место лишь одному, и этот один – перед вами, так что не надейтесь к нему присоединиться, – прогундосила Дева-Свобода, мило ослабившись.

– Да, я такой. Я бы даже, пожалуй, ввиду своей крайней любезности, так любезно вами подмеченной, удовлетворил ваш недюжинный интерес ко мне прямо здесь, если б вы оказались Свободой. Но вы не Свобода? – спросил я, и в глазах моих предсказуемо зажглась беззащитная синь надежды.

– Нет, я – Пристиптома. А вы, случаем – не Марк Юний Брут Анний Центавр? – спросила Пристиптома, кокетливо прищурившись.

– Да, – ответил я, – вы почти угадали, я – Глюков.

– Везёт же вам! Хотела б я носить такую фамилию! – воскликнула Пристиптома с пылкостью вполне девичьей.

– Носите на здоровье, мне не жалко! – воскликнул и я с пылкостью, почти не уступавшей Пристиптоминой.

– Так вы рассчитываете сразу овладеть моим пышным лакомым телом? Или невзначай попытаетесь растянуть добрачный период? – поинтересовалась Пристиптома, застенчиво хихикнув.

– Увы, увы. Уж ничего от вас я не желаю, – поспешил я её обрадовать, потухшим взором озирая родинку на своей коленке.

Эта чёртова родинка, неоднократно уже было стёртая, снова проступила на старом месте – она опять обломала меня о мою же коленку!

– Разве не заслужила я хотя бы угощения? – спросила Пристиптома и повернулась ко мне ухом, стремясь как можно полнее впитать в себя мужественный аромат моего ответа.

– Блин, пристала. Женищина, отцепитесь! – взвизгнул я, но пронзительный взгляд Самогрызбаши в который раз перевернул моё представление о свободе и неосознанной обходимости. – Впрочем, почему бы и нет? Угостить вас сгустком моей гениальной мысли, выжимкой из чужих эмоций, переваренных мною не без пользы для своего организма, нежной мякотью плодов чьих-то неведомых всенощных бдений? Извольте, хавайте.

– Здравствуйте вам, Аркаша, – приветствовал себя Аркаша, просыпаясь, – здравствуйте, вундеркинд земли русской!

– И вам, Аркаша, здравствовать! – отвечал себе тогда же Аркаша.

Таким образом Аркаша здоровался с окружающим миром, который наиболее полно и концентрированно как раз и воплощался в самом Аркаше. И этот мир в лице Аркаши каждый раз по-новому восхищал Аркашу, возбуждал в нём желание усиливать борьбу во благо дела этого мира.

– Здравствуйте, люди, здравствуйте, звери, – говорил Аркаша, приходя к людям и зверям.

Каждый раз именно с этих приветствий начинал он утренний обход своих земных владений.

– Да мы-то ладно, хрен с нами, – отвечали люди и звери, – главное, чтоб ты, Аркашенька, здравствовал!

– Животное, – обращался Аркаша персонально к какому-нибудь самому задрипанному коту, – здравствуйте!

Аркаша уважал кота, даже самого задрипанного, поэтому он общался с ним как с равным. И кот чувствовал Аркашино уважение, хоть и не мог ответить на его приветствие словом, и коту было хорошо и приятно в этом мире, где есть Аркаша.

Рассказывали, что как-то некий заяц, желая попасть Аркаше на глаза, осмелился перебежать ему дорогу. Всегда памятуя о том, что нужен человечеству живым, Аркаша немедля остановил свой паланкин.

– Догоните зайца и приведите ко мне, – велел Аркаша зевакам, обычно сопровождавшим его в променадах.

Заяц был изловлен и доставлен к Аркаше.

– Вы уверены, что это – тот самый заяц? – спросил Аркаша.

– Нет никакого сомнения, – заверили Аркашу, – видите опалённый мех на том боку, на который упал первый взгляд ваш?

– Здравствуйте, заяц, – приветствовал тогда зайца Аркаша. – Далеко бежим?

Заяц словно онемел от счастья, да и вид его выражая один лишь несусветный восторг.

– Как он бежал ко мне: слева направо? – осведомился тогда Аркаша. – Ну что ж, это естественно для зайца. Тогда пустите его справа налево, и будем считать, что заяц не пробегал.

Зайца запустили справа налево, после чего, подпалив ему и второй бок, Аркаша благополучно миновал роковое место.

По раздолбанной лестнице мы поднялись на последний хрущобный этаж, а оттуда по витой металлической лесенке – на хрущобную крышу. Пока мы поднимались, спотыкаясь и чертыхаясь, неопределённого пола физиономии высовывались из-за обшарпанных квартирных дверей и провожали нас равнодушными взглядами. Мне было обидно за это их равнодушие: я полагал, что спутница моя должна была вызывать у них как минимум восхищение – да хотя бы своим интеллектом.

На крыше находился ресторан под открытым небом «Съешь себя сам». В нём по традиции собирались поклонники Самогрызбаши, а интерьер ресторана ежеутренне проходил процедуру освящения – дабы сверить часы с выдающимся руководителем современности, как говаривали освящающие. Покатость крыши символизировала покатый лоб Самогрызбаши, бездна, в которую она обрывалась – бездну мудрости величайшего из вождей, а столы со стульями – бородавки и родинки на лице Его и Его же теле. Вытяжная труба, культовый объект поклонения, была заgrimирована под Его фаллос. Посетители, составлявшие неотъемлемую часть интерьера, символизировали насекомых – кровососущих, соковыдавляющих, силовысасывающих, – одним словом, гнус. К ним и относились как к гнусу.

– Вы предпочитаете сидеть лицом или спиной к бездне? – сделав значительное лицо, спросила меня Пристипома.

– Предпочитаю сидеть от неё подальше, – отвечал я, нисколько не покривив душой. – А вас бы я, наоборот, посадил к ней поближе.

Квадратная тётка в просторном балахоне, украшенном Его изречениями, чуть ли не пинками проводила нас к компактному двухместному столу-бородавке.

– Вы раньше бывали здесь? – спросила Пристипома, испытующе буравя меня маленькими бесцветными глазками.

– А вот не скажу! – игриво отвечал я, ёрзая на неудобном стуле-родинке.

Пристипому здесь узнавали, её приветствовали поднятыми бокалами.

– Если вы бывали здесь раньше, то знаете, что они пьют, – продолжила свой допрос Пристипома, но уже иным, более изошрённым способом, словно это и не допрос вовсе, а так, светская беседа.

– Мочу, причём свежую, нефилътрованную, – предположил я, принохавшись.

– Не только. В карте напитков вам также предложат – ага, вот и она – несколько видов выделений, включая сперму, но это очень дорогой напиток, вряд ли он вам по карману.

– Надеетесь, я блевану от вашей душераздирающей пронизательности? Не на того напали! – вскричал я и приготовился задорого отдать свою жизнь.

– Жду не дождусь. Под столом – горшок, постарайся не промахнуться. Твои рвотные массы не пропадут, из них для нас же изготовят какое-нибудь неповторимое блюдо. Здесь полностью безотходное производство, всё используется вторично, третично, четвертично...

– И миллионично?! – воскликнул я, не в силах сдержать своей тяги к знаниям.

– И миллионично, вестимо. И в этом – один из глубинных смыслов учения Самогрызбаши, и в этом – один из сокровенных смыслов самогрызения. Самогрызбаши считает преступлением транжирить продукты, когда дети к северу от Рио-Гранде чахнут от голода, и ты слышал, наверное, как он поступает с виновными в преступлениях подобного рода, а если не слышал – то читал в пятом томе ПСС, а если не читал – то я дам тебе почитать или почитаю тебе на ночь сама.

Так незаметно мы перешли на «ты», и от этого с детства заторможенная и негибкая натура моя взбунтовалась и меня в самом деле вывернуло, хотя и мимо горшка. За соседними столиками это всё равно приветствовали громкими аплодисментами.

– Они предвкушают новое блюдо, – пояснила Пристипома, и роль гида-всезнайки была ей очень к лицу, – ведь каждая новая рвотина хороша по-своему. Она – как нежная рабыня, несущая на своём заду отпечаток ладони хозяина вплоть до следующего его прикосновения, хотя бы и состоялось оно через год или и того более.

– Но она, рвотина – не рабыня, она сумела вырваться на свободу! Отринув бывшего своего господина, неумелого своего хозяина, она выбрала свободу, раз и навсегда! – так говорил я, завлекая невинную девушку в незаметный пока для неё силлок.

– Ценой самоуничтожения. Свобода – там, – возразила Пристипома, указывая вилкой в бездну.

Я покачал головой.

– Там – асфальт, а не свобода. Жёсткий и грязный асфальт, заблёванный и заваленный очистками, тампонами, ампулами и бычками.

Она взглянула на меня с уважением:

– Вы ужасно умный и ужасно смелый. Я, пожалуй, не позволю вам оплатить сегодняшний завтрак.

Я рванулся к кассе в последней, безнадежной попытке оплатить незаказанный завтрак, но не тут-то было: Пристипома пригвоздила меня к стулу-родинке своим каблуком.

– Вы тоже ужасно умная, вы настолько умная, что грудей у вас, по-моему, быть не должно совсем, даже отрицательных, а между ног прячется что-то ровное и гладкое как у куклы, – сказал я ей то, что, по моим наблюдениям, подкреплённым теоретическими изысканиями Самогрызбаши, мечтает услышать каждая Пристипома.

– Вы угадали, но, клянусь, я докажу вам обратное, – пообещала она.

– Однако, подуло, – сказал я, давая этим понять, что совсем уже съит собой и готов обработать Пристипомино угощение.

– Спасибо Тебе, Господи, за то, что подарил нам Аркашу! – радовались люди.

– Гениальный Глюков! Вот идёт гениальный Глюков! – кричали мальчишки и швыряли в себя камнями.

– Позвольте позать руку гению, – говорил Аркаша и пожимал своей левой рукой свою же правую руку; такое признание общественности – и какой! – надолго приводило его в хорошее настроение.

– О, Глюков, почему же он столь велик, а мы столь ничтожны и жалки? – повизгивали современные Аркаше писателишки, разношёрстно-разномастным стадом облеплявшие в поисках вдохновения и в ожидании – поощрительного слова ли, жеста ли, пинка ли – ступни колосса.

– А вы, друзья, как ни рядитесь – всё в вундеркинды не годитесь! – насмешливо рокотал Аркаша с высоты своего величия.

Но бумагомарателишки всё равно тшились приобщиться к вечному и совершенному. Порой им даже начинало казаться, что они прозревают.

– Каждое слово должно бить током с напряжением никак не менее десяти киловольт, – терпеливо учил их Аркаша, – каждая фраза должна писаться как лучшая и последняя в вашей неудавшейся жизни, каждый абзац должен сверкать как глаза глядящей на меня женщины. Всё равно ничего у вас не получится, но хотя бы знайте, что должно было б у вас получиться, будь вы хоть чуточку мною!

Выждав, пока расползётся по кустам в поисках заблаговременно развешанных там верёвок и кусков мыла первый эшелон «коллег», раздавленных невыносимой тяжестью своей ничтожности, Аркаша продолжал занятия с отстающими:

– Вы пишете пастой или чернилами, я же пишу кровью, замешанной на моче и сперме. Да, запах ужасен, но сила воздействия превосходит и силу тяготения, и все прочие силы земные, позволяя читающему меня воспарять аж к звёздам!

– Аркаша, а как вы относитесь к тому, что вас опять прокатили с Нобелевской премией? – сочувственно/ехидно кричали ему, бывало, снизу прилипучие репортёришки.

– Это – проблема Нобеля, не моя. Вон, Сервантес с Шекспиром обходились как-то без вашей премии, а я и тем более обойдусь! – отвечал Аркаша, разгонял репортёришек и возобновлял уроки.

Он знал, что занятия эти бесполезны: рождённый квакать рычать не может, но продолжал свой изнурительный труд – иначе он не был бы Аркашей.

– И на хрена нам это надо – стараться, писать там что-то, – говорили друг другу незадачливые бумагомаратели из числа не допущенных Аркашей до занятий в связи с недобором намаранного. – Всё равно Глюков напишет больше и лучше, всё равно издавать и читать будут Глюкова, а не нас.

И целыми толпами уходили писатели из писателей в люди, в горы, в народ, в пампасы.

А за томиками, под томиками и на томиках Глюкова мастурбировали прекрасные панночки и знойные сеньоры, добропорядочные фройляйн и легкомысленные мамзель, эти томики таскали с собой покорители восьмитысячников и океанских глубин, открыватели месторождений золота и редкоземельных металлов, разносчики пиццы и благих вестей.

Аркаше приносили в жертву честь и доброе имя, фамильные имения и состояния. Все жертвы, даже самые маленькие, Аркаша принимал весьма тактично и не без благодарности.

Достаточно было переписать любое произведение Глюкова восемь раз – и приходило счастье (Аркаша и сам неоднократно ставил на себе подобный эксперимент).

Самим фактом своего явления в приличном и даже не очень приличном обществе такая вот Пристинома предлагает на продажу свой главный товар – себя, упакованную в соответствующее её классу шмотьё.

«Я – дорогой, я – штучный товар. Купи меня, я стою твоей любви!» – всем своим видом говорит Пристинома сразу нескольким перспективным покупателям – членам того самого общества.

«Я дорогой товар, тебе не по карману», – говорит её вид всем прочим.

«Куплю любую, но любую покупать не хочу», – сигнализируют ей первые всеми своими достоинствами, которые они и не думают скрывать.

«Пода-айте, кому не жалко», – написано на вторых и сверху вниз, и снизу вверх, и справа налево, и слева направо. И кто-то ведь интересуется и такими вот классифайдами.

Каким образом, на какой гигантской бирже происходит в итоге купля-продажа – ведь она же всё-таки происходит?

Но это теория, более развёрнуто во всей своей неземной красе изложенная в том самом седьмом томе ПСС Самогрызбаши. А вот какой товар мне предложит Пристиптома у себя дома, насколько мне будет нужен этот товар, и не ценнее ли товар, предлагаемый мною в порядке бартера, Пристиптоминого залежалого товара, а если ценнее, то насколько, и какую доплату с неё требовать с учётом выданного мне аванса, и не сунется ли кто-нибудь за своими комиссионными – эти вопросы волновали меня по дороге из «Съешь себя сам» гораздо больше всяких теорий.

Немало времени Аркаша проводил в книжных магазинах, добрая половина площадей которых была заставлена его творениями. Великая душа Аркаши требовала великой же пищи.

Он листал, прицениваясь, какой-нибудь из своих романов, и на расспросы возбуждённых покупателей: «Скажите, где у вас тут Глюкова дают?» отвечал, швыряя роман им под ноги: «Глюков? Да зачем он вам? Я бы этого прохвоста и даром не взял». После столь вызывающих слов любой на месте Аркаши немедленно был бы бит – да ещё с пристрастием, но его почти сразу же узнавали, в какие бы немыслимые наряды и личины он ни рядился, и застывали с распахнутыми ртами, глазами и душами и развешанными ушами.

Мировой антимонопольный комитет (ему хорошо проплатили, были известны и заказчики этой гнусности) додумался обвинить Аркашу в монополизации литературного рынка: доля Аркашиных произведений в общем объёме мировой литературной продукции в отдельные годы превышала девяносто процентов.

– Я согласен, – отвечал на эти обвинения Аркаша, – делите. Можете разделить меня на две, на три части – и каждая будет писать – и как писать! Режьте, да не стесняйтесь: таким как вы не к лицу стеснение! Но ограничить мой гений лимитом печатных листов в минуту вам всё равно не удастся – легче укротить ураган.

Аркаша же занял первые три места в международном конкурсе МинОбров³³ на право написания учебника-биографии «Четыреста уроков у Глюкова». И тут же преподал миру очередной урок, вошедший в учебник-биографию под № 401: добровольно отказался от первых двух мест в пользу последующих лауреатов.

Под крышей Пристиптоминого дома я опять заскучал и расстроился: я обнаружил очередную родинку, проступившую на этот раз на бедре. И тут же решил, что Пристиптома тоже должна почувствовать, каково это – заскучать и расстроиться под крышей её дома.

– Как-то это всё получилось неинтересно, – протянул я, претворяя своё решение в жизнь. – Ты должна была бегать за мной, если не по городам, то по весям, ты должна была буйно преследовать меня своим непомерным желаньем. Я люблю, когда женщины домогаются меня, а я обливаю их ушатом своей непоколебимой праведности. Я ценю таких женщин; рано или поздно я выхожу за них замуж.

– Вы – негодяй, Глюков, это написано в вашем ходатайстве о награждении званием внушки-героя – я читала это ходатайство! – сокрушила меня Пристиптома своей информированностью, и я опять скис. – Так что будьте добры – раздевайтесь без лишних слов. Будем знакомиться.

Я подчинился. А что мне оставалось делать? Назвался куrom – полезай во щи.

³³ МинОбров – сокр. от министерств образования.

В любой из пар кто сверху – тот мужчина. Тот, кто снизу, становится его женщиной. На этот раз мужчиной был я.

– Возьми меня! Возьми меня силой! – кричала Пристипома, нервно ощупывая ватные клубки моих так называемых бицепсов.

– Я возьму тебя слабостью. Моей половой слабостью, – попытался я её успокоить.

– Это – изнасилование! – закричала она. – Люди! На помощь!

– Не надейся, дура. Ну кому ты нужна?

– Это – изнасилование, – прошептала она, – меня наконец-то насилюют! Помогите ему!

Помогите же ему кто-нибудь совладать со мной!

– Да, это – изнасилование, – подтвердил я, – в гнусной форме. В форме равнобедренного эллипсиса.

– Это – изнасилование, – повторила она. – О, Боже! За что? За мою доброту?

– Вы ошибаетесь, – возразил я. – Вам померещилось. Перекреститесь.

– Ну давай же, давай, – потребовала она, – насилуй меня, как зверь – жестоко и страстно!

– Не дам, – сказал я, с внутренним содроганием глядя сверху на её тощее скукоженное личико. – Не могу, я – не робот. Я не хочу тебя, ты мне противна.

– Увези меня из этой злобной страны! – вскричала Пристипома, выскользнув из-под меня в состоянии крайнего возбуждения. – Туда, где тепло и чисто, где женщины изнежены и томны, как я!

– Давно пора, собирайся, – с энтузиазмом откликнулся я. – Мы возьмём с собой лишь нашу честную способность к труду да чувство гордости великороссов.

– А муляжи отеческих гробов? Нет, не смей, не смей предлагать мне этого! Я хочу умереть на Родине, я хочу завещать Родине своё тело, я хочу, чтоб всё новые поколения наших юношей наслаждались его совершенными заформалиненными формами! О, как ты бессовестен, как безнадежно ты бессовестен! – выплюнула в меня Пристипома и забилась в рыданиях.

Вы потерпели бы неудачу, попытавшись описать Аркашину внешность, Аркашин голос. С зулусами он мог быть зулусом, с пигмеями – пигмеем, с масаями – масаем. Заснув таким вот утонченным красавцем-брюнетом, он мог проснуться уже рыжим и конопатым, но всё равно обаяшкой. Каждый раз он был иным, и каждый раз – тем же, великим.

– Хотел бы я встретить человека, который не узнал бы меня, – ворчал порою Аркаша.

Ворчал не зря, так как его можно было опознать уже по одной фигуре, которая была в два-три раза крупнее фигуры среднего писателя и в пять-шесть раз – среднего читателя. «Чем крупнее писатель, – объяснял Аркаша, – тем он крупнее». «И наоборот», – дополнял затем Аркаша своё объяснение.

В манерах его застенчивость и великодушные всегда гармонично сочетались с мужественностью и напором, и при любом свете, да и вообще без света, на ощупь, лицо его казалось возмутительно, по-девичьи красивым.

– О, Аркаша! Как он прекрасен! Он дьявольски, дьявольски красив! – восхищённо шептал народ. – Он просто вызывающе хорош!

А Аркаша только посверкивал звездноватыми своими очами, и на кого бросал он быстрый взгляд свой – сердце того несчастного, вмиг в нематериальной своей субстанции испепелённое безответною страстью к Аркаше, оказывалось до последнего своего биения Аркашиным безраздельно и безоговорочно. Такие люди назывались аркашистами и от прочих Аркашиных фанатов, составляющих большую, грамотную, так называемую прогрессивную часть населения планеты, отличались особой беззаветностью в деле приближения торжества всемирного глюковизма.

Да, Аркаша воистину был прекрасен, но столь же воистину он был и могуч! Он был настолько могуч, что вполне мог в одиночку завоевать небольшое государство типа Германии или Франции. В принципе, он мог бы завоевать и Китай, но это грозило растянуться слишком надолго: вызывать по одному каждого китайца на бой, побеждать его, вызывать следующего...

Так в чём же заключался секрет его совершенства? И можно ли было разгадать этот секрет жалким человеческим умишкой за семьдесят-восемьдесят человеческих лет? Увы, вопросы эти самим провидением были обречены на внеэпохальную риторичность.

Я лежал на спине – вялый, грустный, бледный, тусклый. Мерзкий конец, авангард моей души, но арьергард моего тела, не желал подниматься на защиту моей поруганной чести.

– Размозжи его – мерзкого, недостойного твоего чувства, – разрешил я моей Пристипоме в ответ на её вопросительный взгляд. – А после нахами мне как-нибудь поиззящней. Ведь из ваших уст хула – как похвала.

Так говорил я, но не любил я, но не любил я её!

– Вы не любите меня, Глюков, – проинтуимила Пристипома, – и мне суждено пожизненно оставаться девицею.

– Я полюбил бы лишь такую, что изнутри целиком походила бы на меня, была бы такой же умной, великодушной, смелой, слегка авантюрной, где-то даже (местами) гениальной, впрочем, что я перечисляю – всё это перед тобой. Готов биться в истерике, что более живописной картинке тебе ещё не показывали, – выпалил я и приготовился забиться в истерике.

– Зачем мне жить теперь – пожизненно в девицах, лишь одному ведь тебе, такому мудрому, красивому, тонкому, благородному, крупночленному могла я поверить тайны своего девичьего организмыса, – хихикнула Пристипома.

Я хихикнул в ответ, чтоб хоть как-то поддержать свою даму, изнемогавшую от страданий.

– Никто, никто не желал посягнуть на мою невинность, – продолжила Пристипома после минутного замешательства, кося лиловым глазом. – Вы – судя по вашим морщинам – многое в жизни повидали и, наверное, встречали таких, как я когда-то – джинсовая юбка до колен, свисающая с бесформенной задницы, белые толстые рыхлые ноги, измождённое собственноручной несуразностью лицо, коротко стриженные торчком стоящие волосы – типичный неказистый побег малосолнечного Нечерноземья.

– Ты и сейчас такая, если не хуже, – снова выпалил я и осёкся.

Пристипома залилась, однако, слезами счастья:

– Милый, – шептала она, – о, милый, ещё никто не был со мною так ласков!

– Я ещё и не такое могу, – честно предупредил я.

В местах появления Аркаши нередко возникали стихийные волнения.

– Он мой! – вопила очередная соискательница Аркашиного внимания.

– Нет, мой! – неистово возражала ей соперница и вцеплялась в шевелюру конкурентки.

Аркаша решительно, порою даже жёстко, пресекал подобные проявления обожания, хотя не видел в них ничего противоестественного.

И в каждом доме мог найти Аркаша стол и кров, и в каждом почти имел и жену, и брата.

– Я – вундеркинд земли русской, а вундеркиндом какой земли являетесь вы? – спрашивал обычно Аркаша знакомых и незнакомых.

Не получив вразумительного ответа, Аркаша сокрушённо вздыхал, качал головою, но вниманием собеседника не оставлял и разговора не прерывал.

Другой раз Аркаша спрашивал уже осторожнее:

– Не являетесь ли и вы вундеркиндом? И если да, то какой-токой земли обетованной?

Иногда, впрочем, желая подчеркнуть свой всепланетный масштаб, он называл себя просто вундеркиндом без указания земли, изначально его приютившей (однако, надпись на его визитке была коротка и незыблема: «ГЛЮКОВ АРКАДИЙ ГОСПОДОВИЧ, ВУНДЕРКИНД ЗЕМЛИ РУССКОЙ»).

«Вундеркинд не рождению, но по призванию», – говорили про Аркашу одни. «Вундеркинд и по рождению, и по призванию», – возражали другие. А для Аркаши вундеркиндство было просто состоянием великой души.

– *Итак, – продолжила Пристиптома, – я решила покончить с собой – вернее, со своей невинностью – что, впрочем, было для меня тогда практически равнозначно – путём самоизнасилования. Не буду описывать тебе процесса...*

– *И не надо, – встrepенулcя я; мне показалось, что теперь я понял её долгий – не менее полувека – но закономерный путь от самоизнасилования до самогрызства. – Ещё не хватало – утомлять меня подобными гнусностями! Надеюсь, вы изнасиловали себя жестоко и страстно?*

– *Как бы не так. Ничего у меня не вышло: я была настолько отвратительна себе, что даже надругаться над собой, да просто прикоснуться к себе мне было невозможно.*

– *О, если б ты знала, сколь часто бросался я на своё отражение в желании овладеть им, – признался я как можно более спокойно, но в душе моей всё клокотало от желания, как и всегда, когда я говорил о себе. – Увы, всё, что я мог – поливать бездушное зеркало слюнями вперемешку со спермой.*

– *Я вижу, ты тоже страдал в своей жизни, – хихикнула, покраснев, Пристиптома. – Давай же пострадаем вместе, и в страдании я стану чуть более похожей на тебя – и вы полюбите меня хоть чуть-чуть, хоть понарошку!*

– *Поздно страдать-то: я знаю о тебе всё! – не без удовольствия обломал я её хитрый планчик. – Папа твой – старый маркиз, мать – молодая гетера, страсти минутный каприз – вечный укор адюльтера.*

– *Итак, ты знаешь всё, – подытожила Пристиптома. – А случайно не ты ли был тем самым отцом-маркизом? – добавила она, глядя на меня с нарастающим подозрением, переходящим местами в грозную уверенность.*

– *Маловероятно, – поспешил я её разочаровать, почесав колено, на котором выскочила очередная родинка. – Впрочем, и исключать этого тоже нельзя.*

Тут весьма к месту прозвучал ещё один куплет в моём и авторском исполнениях.

– *Ты знаешь и это. Что ж, тем лучше, – пронзительно прошептала Пристиптома. – Мне нечего более скрывать пред тобой. Гляди же, я раскрываюсь полностью, окончательно и бесповоротно. До кишок! До их содержимого!*

Я чуть было не пропел очередной куплет, но всё-таки решил повременить, затаиться в эдакой попсовой засаде.

– *Слушай же и смотри, – продолжила Пристиптома, приосанившись, как перед казнью. – Я полюбила Самогрызбаши ещё в раннем детстве. Его фотографии, купленные из-под полы за родительское серебро, лежали у меня под подушкой, под языком и на доньшке моих трусиков. Сестра, данная мне, очевидно, в наказание за мою любовь, садистски издевалась над нами, она отрезала Самогрызбаши конечности, пририсовывала ему усы и бороду, копытца и рожки, хвост сзади и хвост спереди. Однако, эти нечеловеческие испытания лишь разжигали нашу любовь и распяляли нашу невинную до поры страсть. Теперь ты понимаешь, почему я решила посвятить себя самой важной, самой нужной людям профессии: Самогрызбашиведа или Самогрызбашилюба; главное, чтоб не Самогрызбашигуба – как шутил, бывало, в трудные минуты сам Самогрызбаши.*

– И где же он, наш суженый? – спросил я, обводя трепещущим взором стены нашей палаты.

– Не торопись! – взвизгнула Пристиптома. – Пошли, я познакомлю вас. Но берегись: каждый твой шаг к нему будут сопровождать роковые соблазны. Не смей же им поддаваться!

Ударом ноги она разнесла одно из своих зеркал. За зеркалом прятался альков площадью не более двадцати квадратных локтей. Стены, пол и потолок его были девственно белыми (этот цвет ужасно шёл Пристиптоме), но на них уже явственно угадывались изображения Самогрызбаши. В качестве последнего пристанища это место мне вполне подходило, о чём я не замедлил сообщить Пристиптоме.

– Хихик-с, – цинично охладила мой пыл Пристиптома, – ты опоздал: за-ня-то. Здесь упокоюсь я, после мучительной казни.

– Самгрызбаши, Самгрызбаши не курит анаши! – пропел я, стараясь задобрить Пристиптому. – Самгрызбаши говорит по-самгрызски!

Тут только я заметил стоявший среди алькова рояль: он был замаскирован лапником, пухом и перьями. Я бросился Пристиптоме в ноги:

– Сыграй мне гамму, – взмолился я, – и пусть в ней будет рассказ о детстве и юности Самогрызбаши, о вашей трудной любви.

– Я сыграю тебе гамму си-бемоль-мажор-диез-бемоль, – с какой-то неистовой радостью согласилась Пристиптома.

– Аркаша, Аркаша, вот вы бывали в Мерики. Расскажите нам, каково там? – спрашивали люди с тревогой и надеждой. – Каковы они, мериканцы? Похожи ли они на нас, имеют ли по паре ног, рук, ушей?

– Не все, – отвечал сурово Аркаша, – не все имеют по паре рук, ног, тем более ушей. И говорят они не по-нашему, не по-русски.

– Аркаша, мы, люди, хотим знать, а почему они такие не такие, Аркаша? – жадно спрашивали люди.

– Потому они не такие, что не среди них, а среди вас вырос ваш Аркаша, поэтому вы на меня и похожи больше, чем кто-либо, – отвечал Аркаша и ответом своим попадал в самую, что ни на есть, точку.

– Аркаша, ваши дело и тело переживут века! – кричали после этого люди.

– Зачем я не птица? – вопрошал в свою очередь Аркаша. – Летал бы под солнцем. Зачем я не рыба? Резвился бы в море. Зачем я не тигра? Рычал бы ночами.

При всей своей любви земляне эксплуатировали Аркашу по-чёрному: чего стоила одна только его работа в качестве мирового (в другом переводе – всемирного) судьи. Впрочем, судейство было поставлено у Аркаши на поток: ему хватало одного взгляда, брошенного на введённых спорщиков, чтобы определить, кто прав. На виноватого Аркаша указывал пальцем и принимался за следующую пару.

Говорят, некто, желая прославиться своим вопросом, спросил Аркашу:

– Аркаша, есть ли такое, чего вы не знаете?

– Очевидно, нет, – отвечал Аркаша скромно, но с достоинством.

– Аркаша, если бы вы знали, как вы угнетаете своей непоколебимой, непогрешимой, безупречной правотой! Вы всегда и во всём правы. Ну ошибитесь хоть раз, Аркаша! – просили иногда Аркашу земляне из числа наиболее угнетённых его правотой.

– А хрен вам, – отвечал Аркаша скромно, но с достоинством.

Мощные жизнеутверждающие звуки гаммы вынудили меня зарыдать, как вынудили бы зарыдать всякого, не лишённого хотя бы толики вкуса, слуха, такта, способности воспринимать прекрасное, переваривать его и делиться результатами с окружающими.

Пристипоме особенно хорошо удавались бемоли, хотя и дизезы были на высоте. Так, благодаря волшебной силе искусства, вся моя никчёмная жизнь пронеслась передо мной в наиболее катарсисуальных её проявлениях:

на счёт раз – рождение в муках с травмами головного мозга, сердца и ягодиц, несовместимыми с возможностью занятий умственной, сердечной или сидячей деятельностью.

на счёт два – голодное детство жизнерадостного рахитика.

на счёт три – отроческое истечение слюной и спермой по поводу, без повода и даже без намёка на повод.

на счёт четыре – юность раздолбая: поиски любви, мечты о свободе.

на счёт пять – молодость безобразника: с разбегу я выбиваю ногой кепку с мелочью из рук нищего:

– Всех вас, вонючки, в открытый космос – вслед за кепкой! – разъясняю я нищему один из постулатов своей передовой философии.

Ах, эта моя молодость, с её романтическими прекраснотушными порывами!

на счёт шесть – молодость безобразника: со всего размаху я всаживаю шило в зад негодяю, уличённому мною в процессе дегуманизации дорожкой моей столицы, золотушечного моего Квамоса.

– Ну что, какашка, получил? – с весёлой укоризной спрашиваю я его. – Нельзя плевать на улицах Квамоса – образцов ведь он не менее, чем показателен.

Ах, эта моя любовь к златоглавой столице – такая грубая, терпкая, плотская, но вряд ли в то время взаимная!

на счёт семь – молодость безобразника: вот потасканный мужичонка, имеющий наглость носить дипломат и, возможно, потому полагающий, что имеет дипломатическую неприкосновенность, зацепляется сандалией за чугунную решётку – этакий пояс верности вокруг чахлого деревца, изумлённо изогнувшего от такого знака внимания навстречу таинственному незнакомцу свои морщинистые старушечьи прелести. А зацепившись сандалией, мужичонка роняет своё крокодиловокожее чудо.

– Ну что ж ты, лапоть? – пристыжаю его я, забегая вперёд и преданно заглядывая в его очумелые глазки. – Что же ты вещь-то роняешь? Она же наша, расейская!

Ах, этот мой юный патриотизм, эта гордость за свою самую лучшую в мире страну!

на счёт восемь – молодость безобразника: вокруг были звери, но я был зверь зверей. Ух, я был зверюга! С холодными серыми глазами, с мягкой тигриной походкой, с радушным оскалом острых клыков, всегда готовый и к обороне, и к нападению.

Ах, какой же я был зверюга!

Глюков – для людей это значило «чудо, которое не может, не имеет права с тобой не случиться».

Глюковистичное – для людей это значило «сделанное на века, сделанное на пределе возможного, так, как это мог бы сделать великий Глюков, если бы у него было на это время».

Глюковистична, говорили люди, музыка Моцарта, политика Августа, живопись Брейгеля, архитектура Гауди, относительность Эйнштейна. Люди могли привести и ещё несколько примеров глюковистичного.

– Аркаша, Аркаша, проси чего хочешь! – требовали они.

– Зачем? – отвечал Аркаша, пожимая могучими плечами-крыльями. – У меня всё есть.

И действительно, у Аркаша было всё и даже больше, чем всё: у него была Ганга.

на счёт семь – молодость безобразника: я мчусь сквозь картинку с выставки народной жизни. Я мчусь на свиданье с оторвой, посмевшей откликнуться на моё газетное объявление: «Нищий уродливый эгоистичный кретин (довольно точная моя тогдашняя характеристика – А.Г.) ищет умную красивую заботливую и богатую для совместных занятий онанизмом, остракизмом и эмпириокритицизмом».

Ах, эта моя молодая самонадеянность, ах, эта моя вера в идеальную Ж.!

на счёт шесть – молодость безобразника: попка маячит впереди маленькая, но с трещиной посерединке. «Ненавижу, – понимаю я, – ненавижу маленькие попки, да ещё с выщерблиной, ведь они должны быть большими, округлыми и сплошными, как глобус, как наша любимая планета в миниатюре!» – и, обгоняя хозяйку незадачливой попki, два раза гавкаю на них обеих.

– Дура, – говорю я хозяйке, не глядя на неё и зная, что в глазах её изумление сменяется гневом, а затем страхом, – пусть хоть гавк у тебя останется, коли бог задницей обделил.

«Да на хрена ты вообще мне сдалась – переживать за твою несексапильность, – переключаюсь я тут же на свои размышления, – нет, не тебя так пылко я ищу».

Я ищу Свободу, я хочу её, я страстно желаю отыскать её в попку, в её глобусоподобную желеобразную необъятную сплошную задницу. Вот и всё, что мне нужно от жизни – трах-тах-тах, а потом – тишина.

А потом, после тишины, она спросит, приоткрыв глаза: «И зачем я тебе сдалась – такая зыбкая, эфемерная?» Чтоб быть свободным! Чтобы жить со свободой в душе, в голове и в теле. Чтобы жить со всеми свободами в одном свободном свальном грехе, ведь свободы всякие нужны, свободы всякие важны: свобода любить, кого захочу, и трындеть о своей любви на весь мир, свобода бить в те рыла, в которые захочу, свобода выплеснуть на вас всех накопившее, свобода быть тем, кем я хочу быть, и свобода быть тем, кем быть не хочу, но являюсь.

Мне хорошо, когда мне хорошо, а другим плохо, вот такая во мне личность образовалась: и хорошая, и плохая одновременно.

Ах, какой я всё же мерзавец, но обаятельный же мерзавец! Меня нельзя не любить.

на счёт пять – молодость безобразника: феминизм, гринписизм, тоталитаризм, антитоталитаризм, все эти массово внедрённые «измы» – прогрессивные и не очень – были одинаково мне отвратны. Единственным «измом», с которым я ещё мог бы тогда смириться, был глюковизм.

Энтузиазм толпы мне смешон. Я – млекопитаемое нестадное. Когда толпа в едином порыве скидывает вверх кулаки и кричит: «Нет диктатуре!», я кричу: «Да – тирану!» и опускаю свой кукиш вниз.

Мой рахитичный членик тоже никнет к полу: с большой головкою на тонкой ножке, он совершенно нежизнеспособен в условиях депрессивной внешней среды.

Ах, этот мой героический пожизненный спутник на тонкой изящной ножке! Сколь часто ты был мне неверен и сколько рогов ты мне понаставил, однако же терплю я тебя всё ещё по доброте душевной!

на счёт четыре – молодость безобразника: на площадях и в скверах людишонки с искажёнными благородным гневом ликами пинают каменные статуи бывших тиранов, мочатся на их громадные туши и вопрошают поверженных идолов: «Понял, гад?»

«Плохо тиранил, – делаю вывод я. – Извёл бы под корень всё поганое людишонкино племя – и стоял бы себе сейчас спокойно, в почёте и уважении, как в каменном лесу – в компании подобных себе упырей. А самая абсолютная свобода может увенчать деятельность именно что самого беспощадного из тиранов – когда некому станет уже, собственно, ни посягать на эту свободу, ни присягать ей».

– Так его, по яйцам, по яйцам! – советую я, и слова мои встречают в тираноборцах благодарное понимание.

Я снимаю своё кепи – фирменное кепи с лейблом бренда «Рабочая одежда» – и обхожусь с ним окружающих, гнуся:

– Пожертвуйте на снос ещё одного каменного ублюдка, тирана Вороватейшего, мать его так, растак и перета-ак!

Народ в целом охотно помогает святому делу, однако некоторые особенно скаредные свободолюбцы скупердяйничают: «А, чево там, мы сами его снесём».

– Вы что, господин не очень хороший, – спрашивал я такого умника, приблизившись к нему вплотную, – против сбора средств на снос памятника кровопийце трудового народа?

– Да нет, я не против, – начинает запинаться тот, – я просто думал...

– Вы ещё и думаете? – я смотрю на него с уважением, почти бесшовно перетекающим в восхищение. – Так вы – мыслитель?! Тогда не надо, – пячусь я от него, – с мыслителей мы на снос не берём. Они, мыслители, пусть мыслят за нас, недоумков, пусть выдают нам инструкции для светлого будущего: как правильно жить в этом светлом будущем, что надо будет строить – на месте сломанного и сброшенного, как надо будет строить, из чего, с какой скоростью...

– Возьмите деньги, – шепчет мне незадачливый хомо когитанс³⁴, скок-поскокивая за мной.

– Нет! – вопию я, опуская в карман его мятые купюры. – Не возьму! Не просите!

Ах, это моё бессребреничество, ах, эта моя всегдашняя готовность послужить правому делу – пусть и себе в убыток!

на счёт три – молодость безобразника: я зарабатываю на поддержание свободного духа в свободном теле и другими элегантными способами. В не слишком людном переходе метро я бросаюсь с воплем: «О, Изольда, зачем ты погубила меня?!» в ноги к самой симпатичной из скво³⁵ (у симпатичных обычно есть чем поделиться с миром) и покрываю поцелуями её сквозьчулочные колени, поднимаясь затем всё выше и выше, но в итоге всё же кидаю ей спасательный круг:

– Милая, дай пару кусей твоему обожателю, всего две тысячи за мою разбитую жизнь!

О, русские женщины, сколь вы тогда были стыдливы в боязни публичной демонстрации своих чудных ножек! Тогдашняя милая, не колеблясь, расставалась с искомой суммой.

Ах, эта моя тяга к русским женщинам, в ущерб женщинам всего остального мира, лишённым, таким образом, сколь-нибудь реальных шансов когда-либо меня заполучить!

на счёт два – детство даётся нам только дважды, и прожить его нужно так, чтобы оно было засчитано, когда придёт пора отчитываться о содеянном:

– Моя фамилия Гуглюков, – сообщаю я миру.

Не все встречают моё откровение с пониманием, но есть и такие, что раскрывают свои плодоножки навстречу плодояжке моих объятий.

– Ну а моя, блин, дядя Хрюков, – отвечают мне наиболее близкие по духу, и моя червячок-душонка залезает в их душонки – плоды разной степени свежести, – и начинается соитие, и кончается проза.

³⁴ Хомо когитанс – homo cogitans (лат.) – человек мыслящий.

³⁵ Скво – женщина (амер.).

И однажды я встречаю в метро своего духовного близнеца, свою недоснятую копию, так долго ускользавшую от меня тень. Опоздав на поезд, он не смиряется с поражением, не никнет гордой головою – нет, он бросает последние проклятия этому миру чистогана и чистоплутства:

– Ах вы, сволочи, смотрите же, гады, как умирают те, которые умирают, когда на них смотрят! – и, прыгнув на рельсы, взмывает в вечность призывом гордым к свободе, к свету.

И долго после этого разгоняют свои мурашки озадаченные обывателишки и приглаживают сальными пятернями свои вздыбившиеся волосёнки, на которые, победно кружась, опускается прах героя.

Ах, это второе и последнее детство и это втородетское презрение к той части собственной жизни, что походила скорее на ишака в осенней пустыне, чем на мустанга в весенней степи!

на счёт раз – смерть придурка, бесконечно прекрасная, как весть о расправе над поэтом-насмешником, и вновь смерть придурка, бесконечно ужасная, как весть о рождении вражьего сына, и вновь смерть придурка, ах, уже не прекрасная, ох, уже не ужасная – вообще никакая. Никакая не смерть, а так, издыхание.

У Аркаши была Ганга, у Ганги был Аркаша, и было им хорошо.

Аркаша, обладавший безупречным универсальным вкусом, выбрал себе Гангу, как совершеннейший образец современной российской женщины.

– Ну, Арканя, заарканил! – присвистывали люди, которым подфартило увидеть Гангу вблизи.

А Гангу с детства окружал культ Аркашиного слова. Отец, старавшийся походить на Глюкова суровостью и парадоксальностью суждений, и мать, пытавшаяся не отставать от Аркаши (насколько это было, конечно, возможно) в человеколюбии и душевной щедрости, – когда-то сблизившиеся на почве глюковедения, а ныне титулованные глюковеды – естественно, и дочь свою видели продолжательницей семейного дела. И Ганга всерьёз готовилась к профессии глюковеда – самой нужной, полезной и уважаемой профессии на свете, но хотелось ей всё-таки большего: роль учёного, пусть даже академика, изучающего деяния и творения Глюкова, но не его душу и не его тело, никогда не смогла бы исчерпать всей красоты её натуры.

И когда объявили конкурс на право попадания в число Аркашиных невест, Ганга поняла: «Вот оно!» И оно пришло! Оно пришло большое как глоток, глоток рассола после литра выпитой, как говаривал временами сам Аркаша.

«Я нужна ему, – чувствовала Ганга, готовая и к горю, и к радости, но только вместе с Аркашей. – Да, именно я нужна ему, пусть я буду сотой женой, тысячной невестой, миллионной соискательницей!»

Сопровождаемый массивной рекламной кампанией, превозносящей Аркашины достоинства и достижения, вселенский масштаб его дарования, конкурс выплеснул на телеэкраны и журнальные страницы лучшие образчики рекламного жанра. Вот Аркаша с бородой и бакенбардами одной рукой дописывает «Войну и мир», а другой – «Капитал». Вот перехватывает огонь у Прометея, а другой рукой, опять же, ловит за хвост Сатану. Вот замачивает в подсортирной ёмкости Герострата в прижимку с Усамой бен Ладеном. Вот, наконец, даёт сеанс одновременной любви Казанове и Мессалине³⁶.

Элементом этой же рекламной кампании явились теледебаты между Аркашей и самым богатым человеком в мире.

³⁶ Валерия Мессалина – третья жена римского императора Клавдия, одна из наиболее известных развратниц в истории человечества.

«Встреча самого любимого человека на Земле с не самым любимым на Земле человеком» – так преподнесла эту встречу пресса.

– Я представляю силы добра, – начал беседу Аркаша. – Какие силы представляете вы?

– А я представляю силы прогресса, – гордо отвечал самый богатый человек в мире.

– Ну и представляйте на здоровье, – парировал Аркаша. – А я не любил вас, не люблю и не буду любить.

И Аркаша прервал встречу, давая понять, что не собирается говорить с таким нелюбимым человеком, когда есть столько любимых – порядка шести миллиардов.

Мне стало охренительно радостно за шикарно проведённые годы. Я вскричал:

– Блаженна дева, сочиняющая такую музыку, блаженна и извлекающая подобные звуки из кусков деревяшки и проволоки!

– Слушай же дальше мой грустный рассказ, – продолжила, как ни в чём не бывало, Пристинома. – Отец мой, Пристипом Пристипомович, отставной младший подпрапорщик лейб-гвардии Долгано-Чукотского кирасирского полка был маркизом не самых честных правил. Когда он в шутку занемог, будущая мать моя, тогда девица коммунистического поведения Пристипомья Пристипомьевна Пристипомьева-Заде заставила его уважить себя. Отец уважил её раз, другой, третий, так и втянулся: ему, похоже, понравилось. Тогда-то, согласно городской семейной легенде, была зачата я, а через месяц – сестра, которая мне этого так и не простила. Но отец уже не мог остановиться на достигнутом, он принялся уваживать всех, кто попадался ему на пути, пугая несогласных кирасою, умыкнутой им аккурат накануне дембеля. Зная его натуру, которая передалась мне по наследству, убеждена, что он уважил бы всё человечество, и тебя бы уважил, и самого Самогрызбаши бы уважил, если б успел. Однако, он не успел, ибо умер, но умер героем, захлебнувшись слюной от избытка чувств во время вручения ему грамоты «За уважение к ближним» после слов про самого дорогого человека на земле, лично това...

Тут и Пристинома залилась – но не слюной, а слезами.

«Однако, фиговая же ты демократка», – думал я, сочувственно кивая головою.

Конкурс проходил в два этапа. На первом претендентам предоставлялось три месяца для написания сочинения на тему: «Как глубоко и сильно я люблю Аркашу» с приложением фотографий «максимально полно передающих богатство внутреннего мира и своеобразие внешних данных претендентки».

Ганга не ошиблась в своих прогнозах: за три месяца Аркаша получил более миллиона посланий. Ему предстояла трудная, но увлекательная работа. Соискательниц из стран развитого мира он отбраковывал как потенциальных феминисток, соискательниц из большинства развивающихся стран – ввиду несходства менталитетов. Таким образом было отсеяно более половины претенденток. Дальше Аркаша работал с фотографиями. Обладательницы строгих костюмов отвергались Аркашей по причине неуместной в данном случае строгости нравов, соискательницы без костюмов вообще – по причине не более уместного легкомыслия. Эротизм в одежде, интеллект в глазах, таинственность в улыбке, наоборот, приветствовались.

С каждой из отобранных претенденток Аркаша уединялся на три-пять минут в своём рабочем кабинете, производившем на непосвящённых шоковое впечатление: это было место, где Аркаша творил! Для каждой у Аркаши находилось ласковое слово и пара советов. Однако, Аркаша всегда любил диалог и потому требовал встречных вопросов, когда же вопросы оказывались откровенно дурацкими, типа: «Когда мы сможем, наконец, заняться любовью, милый?», сильно раздражался и даже сердился – но, главным образом, на себя – за то, что не сумел распознать некондицию стадией раньше.

– Вас миллионы, – говорил Аркаша неудачницам на прощание, – а я один. Какой смысл мне брать сейчас заведомо бракованное изделие, которое откажет через энное количество лет или даже месяцев, когда, продолжив поиск, я смогу найти спутницу заведомо более совершенную?

И вот этот увлекательный процесс был остановлен по одному мановению изящной и невинной Гангиной ручки.

Увидев Гангу, Аркаша смутился. Ещё больше он смутился, оставшись с ней вдвоём в кабинете: ему стало неловко за своё разгильдяйство, хотя некие элементы творческого беспорядка, безусловно, имели право на жизнь в кабинете гения. Аркаша попытался заслонить их своим могучим телом. Попытка не удалась, но Ганга всё равно смотрела на Аркашу сияющими глазами.

– Какой-то я вдруг стал с вами мягкий, добрый, хороший, – тихим голосом произнёс Аркаша, – как будто меня кастрировали.

Ганга ничего не отвечала на Аркашино признание, но продолжала смотреть на него сияющими глазами. Аркаша тяжело вздохнул и вышел к народу.

– Конкурс окончен, – объявил он, глядя в народ сияющими глазами Ганги.

Пристилома продолжила, отрыдавись.

– Так оказалась я в услужении у пожилой супружеской пары. Они рекомендовали мне ялик как средство, позволяющее заработать на жизнь. Я поблагодарила их, но для себя уже решила, что физический труд, этот спутник вечной нужды – не для меня.

– Где же теперь твоя сестра? – спросил я, уловив намёк Пристиломы.

– Она во мне – и не во мне, – отвечала Пристилома загадкой, – она в тебе – и не в тебе.

– А не превосходила ли она тебя красотой? – осведомился я, чувствуя, как возбуждение нарастает во мне с каждым выдыхаемым звуком.

– Да, она на голову превосходила меня и красотой, и ростом, и дородностью. Но внутренне – внутренне я была красивше! Мой мозг был более студенистым и извилистым, моё сердце – менее шершавым и потным, мои почки набухали быстрее, чем у сестры, а мужчины всегда это ценят.

Появление Ганги окрасило в новые, красно-оранжево-жёлто-зелёно-сине-фиолетовые цвета взаимную любовь Аркаши и народа.

– Аркаша, сколько ног у кошки? – любовно спрашивал народ.

– Четыре, знайте же, – с любовью к истине и народу отвечал Аркаша.

– Так спой нам про неё, Аркаша! – требовал народ.

– А споём вместе! – задорно отвечал Аркаша.

С Гангой или без Ганги – Аркаша не мыслил себя вне народа. Аркаша жил для народа. Он также жил народом, в народе и посреди народа, в самой его сердцевине.

Народ, как мог, любил своего Аркашу. Аркаша же любил свой народ, в оптимальной пропорции сочетая интернациональное с патриотичным.

– Если есть Индокитай, – учил Аркаша, – то должна быть и Индокорея. Ищите.

– Но где искать? – растерянно спрашивал народ.

– Ищите, ищите, – повторял Аркаша. – Хорошо ищите, между Индокитаем и Индояпонией. Кто первым найдёт – тому приз.

– Какой приз? Какой приз? – возбуждённо спрашивал народ.

– Путёвка в эту самую Индокорею на десять дней с моим собственноручным автографом!

Вдохновляемый Гангой, Аркаша продолжал и свои феноменальные исследования в области человековедения.

– Если древняя столица Японии именовалась Киото, а новая – Токио, то как должна называться новая столица новой России, если старая называлась Москва? – спрашивал у народа Аркаша.

И народ дружно отвечал: «Квамос! Мы хотим жить в Квамосе, жить в новом Квамосе с нашим Аркашей!»

Не в силах противостоять охватившей меня воистину животной страсти к той, которую не мог заполучить, я почёл за благо заснуть. Мне снились дивные, но страшные сны: мы безостановочно совокуплялись с сестрой Пристипомы, Пристипоной, в глубоком жерле вулкана. Исторгнутая из недр его лава не смогла раскалить нашу любовь сильнее, чем она была раскалена уже в доплейстоценовую эру зарождения между нами всего живого. С потоком лавы низвергаемые в океан, мы неслись по склону вулкана, словно два слипшихся скарабеевых шара, попеременно оказываясь сверху и оглашая окрестности звонким восторженным карканьем. Ни холод океанских вод, ни мрак его пучины не смогли охладить или замутить нашу страсть. Мы любили друг друга, как дельфины, скользя по волнам, пока Пристипона не довела меня до полного истощения. Обессиленный, я камнем пошёл ко дну. Тёмный силуэт Пристипоны, махнув мне на прощанье хвостом, бурно развернулся и заскользил к мелководью с целью икрометания. Мысль о том, что в каждой из икринок будет спрятано по маленькому Глюкову, утешала меня в моём скорбном погружении.

Жители Квамоса, столь ласковые с Аркашей, были вообще-то не менее агрессивны, чем мультисезонная снежно-соле-грязевая каша на квамосских улицах.

И так же по привычке агрессивно демонстрировалась простыми квамосцами возлюбленность ими Великого хана Квамосского – квамосского властителя.

Город заполняли плакаты: «Великий хан – выбор квамосцев!», «Квамос выбирает Великого хана – Великий хан выбирает Квамос!», «Великого хана – в Великие ханы!».

«И впрямь, кто мог бы быть лучшим Великим ханом, нежели сам Великий хан?» – задавался вопросом Аркаша.

Но не все в Квамосе были проникнуты подобным умилением: порою попадались на улицах образчики совсем иного жанра, переиначивающие душеизъявления настоящих, подлинных квамосцев, в непристойности типа: «Великого хама – в Великие хамы» и «Хан хамов» – это были творения рук или даже не рук, а шупалец и клешней всякого рода пресловутых засланных казачков и, что самое обидное, – некоторых квамосцев-отщепенцев, выроdkов из числа тех, очевидно, что бывали неласковы и с Аркашей.

И обнаглели они до того, что попытались даже как-то раз вообще свергнуть Великого хана. Весело рассмеялся тогда им навстречу Великий хан, кривым ятаганом сверкнули его раскосые очи.

– Не вы меня выбирали, – бросил он казачкам сермяжную правду, – не вам меня и свергать!

И на этом горе-переворот закончился. Воспрянувшие духом квамосцы в тот день трогательно демонстрировали своё единение с Великим ханом. Они братались в едином порыве, и в приливе чувств коммунист-квамосец рыдал на груди квамосца из числа демократов, а квамосец-либерал ласкал колено квамосца-патриота.

А Аркаша считал так: «Хочешь ханить – хань, не хочешь – не хань» – и был, как всегда, прав.

Эту свою глубокую мысль Аркаша решил лично донести до Великого хана.

Великий хан Квамосский, кстати, одним из первых поздравивший Аркашу с женитьбой, ожидал его в своём Центральном шатре. Был хан дороден, узкоглаз и остронос. Тюбетейка на его голове, расписанная лучшими квамосскими мастерами, служила отличительным призна-

ком высшей власти. В одной руке Великий хан привычно держал отбойный молоток, в другой – баллон ацетилена³⁷. Как и тибетейка, эти священные предметы передавались от Великих ханов преемникам с целью соблюдения ритуала престолонаследия.

Вокруг Великого хана толпились князья и бояре, такие же тучные, как Великий хан, и в такого же фасона тибетейках, но расписанных попроще, мастерами чуть менее известными. Был тут князь Резиновый: сколько ни пытались оттеснить его от Великого хана другие князья – а князь всё пребывал в почёте и достатке и в милости Великого хана. Был тут и дофин Паулин, князь Юго-Западный – по-хорошему энергичен был дофин и взгляды имел прогрессивные, за что и ценил его Великий хан. Был тут и юный князь Уго Босс, статностью, приветливостью и приятными манерами затмевавший едва ли не самого Великого хана. Но ближе всех к нему всё же стоял князь Коршун – молод, горяч был князь Коршун, и охотник прекрасный – служил он главным сокольничим у Великого хана. Вот как собирался Великий хан на охоту – а был он Великий гуманист, религии придерживался джайнистской и запрещал убивать всякую тварь животную на потеху – и летел тогда князь Коршун, и пикировал камнем, и приносил хозяину добычу самую что ни на есть вегетарианскую: то травинку, то былинку, а то и целый желудок на веточке. По другую руку Великого хана стоял князь Тифлисский, которого придворные живописцы изображали шестируким, как Шиву³⁸: одной рукой князь ваял, другой – лепил, третьей – живописал, четвёртой – строил, пятой – чертил, шестой – поддерживал Великого хана во всех его начинаниях.

Обрадовался Великий хан Аркашиному приходу и стал его угощать айраном да кумысом: не потреблял Великий хан спиртного. И вслед за Великим ханом все князья заулыбались Аркаше и потянулись за угощением: что Великий хан любил, то и князьям было по сердцу. И все князья старались попасть в объектив телекамер как можно ближе к Великому хану, ибо считалось, что чем ближе князь окажется к Великому хану на телекартинке, тем преданнее он служит Великому хану, и тем больше ценит его Великий хан.

И Аркаша обрадовался Великому хану: у Великого хана всегда было припасено для великого Аркаши что-нибудь вкусненькое.

– Квамось Россией прирастать будет, – задумчиво сообщил Великий хан Аркаше.

Аркаша, обпившийся айрана, в ответ задумчиво икнул. А задуматься ему было от чего: поздравленный с женитьбой самим народом во всём его многообразии, он более всего был покороблен тем, что его поздравили далеко не все слуги этого самого народа. «Почему же, – нахмурившись, думал Аркаша, – народ нашёл время меня поздравить, а его слуги не нашли? Или их перегрузили работой по дому?»

– Ладно, – сказал Аркаша Великому хану, донеся до него, наконец, свою глубокую мысль и получив в ответ благодарный взгляд, который значил больше, чем любые слова, – пойду я. Может меня там, дома, уже президент какой-нибудь с подарком дожидается, а я здесь сижу, прохлаждаюсь.

– *Здравствуйте, киска, – сказал я, проснувшись.*

Пристипома ответила на приветствие и приготовилась продолжать свою грустную сагу, я же приготовился со вниманием слушать.

– *Дворянский муж мой был майором иностранных дел, – нараспев произнесла Пристипома.*

Я вздрогнул. Какая-то гадина зашевелилась в моей памяти. Я рыгнул. Гадина затихла.

– *Майорство давалось ему не без труда, – продолжила Пристипома, – дела же иностранцев служили ему единственной отрадой.*

³⁷ Ацетилен – газ, используемый в качестве горючего при сварке и резке металлов, широко применяется в строительстве.

³⁸ Шива – один из трёх верховных богов в индуизме

Дрожь пробежала по моему телу – от белых свадебных тапочек до бантика на макушке. Я больше не слушал Пристипому. Я знал, что она скажет дальше. Пусть врёт – я мог только восхищаться её подлостью и низостью её тлетворной морали, густыми разнузданными пучками вылезавшей у неё из-под мышек. «В кого? В кого она такая?!» – мысленно восклицал я.

Из слуг народа успели отметить с поздравлениями Аркаши и Ганги, в частности, генерал Птичка и маршал Маркашов.

– Поздравляю женитьбой, – сказал шёпотом генерал Птичка, войдя к молодожёнам строевым шагом.

Ганга грохнулась в обморок, но, к счастью, Аркаша успел подхватить её аппетитное тело.

– Блин! – возмутился Аркаша, у которого заложило уши от генеральского шёпота. – Я ведь тоже умею так шептать!

Ганга пришла в себя и приготовилась оценить Аркашино мастерство.

– Чашки, смирно! – рявкнул Аркаша так, что задрезбуждали чешские фарфоровые чашки, подаренные кем-то на свадьбу.

Птичка довольно рассмеялся:

– Аркаша, в ротные я бы вас взял.

– А я б завхозом к вам пошёл! – гаркнул Аркаша. – Пусть меня научат!

– Ах, Аркаша, разве есть на свете такое, чего вы ещё не знаете или не умеете? – повторил Птичка чей-то давно уже растиражированный прессой банальный вопрос.

Аркаша грустно вздохнул: Птичка, не целясь, попал в яблочко.

Маршал Маркашов имел нетрадиционную, патриотическую ориентацию, за что подвергался нечеловеческим гонениям, как иудей во времена Филиппа Второго³⁹. Но и его принял Аркаша с поздравлениями, и его подёргал кокетливо за усы, и ему позволил пощупать Гангину коленку.

Оба военачальника подарили молодожёнам по бутылке водки и Уставу внутренней службы вооружённых сил РФ.

К остальным слугам народа Аркаша собирался было отправиться за поздравлениями и подарками сам, прихватив с собой Гангу, но передумал: чтобы поздравить молодожёнов, просто поговорить по душам, посоветоваться с Аркашей, в Квамос засобирался сам президент Книлтон.

«Чем не слуга народа, хоть и не нашего? Вот и поздравит за всех разом, и нечего дёргаться», – решил Аркаша.

Накануне исторического визита публике было явлено полотно известного квамосского живописца, или живопийцы, как называл его Аркаша, под названием «Аркаша предупреждает Блина Книлтона о недопустимости дальнейших бомбардировок Сокова». Аркаша отдал живопийце должное: тот обладал недюжинным художественно-политическим чутьём.

Да, моё майорство не доставляло мне тогда особых радостей, хотя и не причиняло излишних хлопот.

«Господи, а не помог бы ты Глюковке дослужиться до президента?» – мечтал я тогда. Президент встретил меня вопросом: «Майором каких дел вы хотели бы стать?»

– Можно спросить и по-другому, – добавил Президент, заметив, что я не особо расположен к беседе. – Кем иностранных дел вы хотели бы быть?»

– Ваше Высокоблагороднейшее товарищ президент! – отвечал ему тогда я. – Всё, чего я хочу – это быть президентом.

³⁹ Филиппа Второго – имеется в виду испанский король Филипп II, покровитель испанской инквизиции.

*Президент ласково потрепал меня за бантик, маскировавший Глюковкину лысину.
– Успеешь, дочка, – сказала эта зануда, – всему своё время. Каждый станет президентом в прописанный ему доктором срок.*

*«Убью тебя сейчас и займу твоё место – и будешь знать», – подумал я, но сказал другое:
– Но мне невтерпёж! Промедление невыносимо! Я хочу сегодня же появиться в телевизорах на фоне государственного флага.*

– Сиё не можно – Богородица не велит! – прогнусавил Президент.

– Тьфу, – харкнул я, но промахнулся и согласился на майора иностранных дел.

Майорство моё было недолгим. Вскоре я был переведён в старшие майоры, затем в надмайоры, затем – в старшие надмайоры. Изредка в речах моих теперь проскальзывала иностранность.

Дела же иностранцев служили мне чуть ли не единственной отрадой в моей одинокой жизни. Я отвечал за отношения с Басутостаном. Отношения были хорошими, но я всё равно продолжал неустанно крепить их. При мне отношения из относительных сделались абсолютными. Благодарные басутостанцы присылали мне мёд, сурьму и роскошных коричневых женщин. Я надкусывал подарки и в таком надпробованном виде передавал басутостанскому послу.

– Товарищ майор (надмайор, старший надмайор)! – взволнованно и торжественно докладывал посол, прикладывая руку к моему бантику. – Посол Басутостана по вашему приказанию прибыл!

– Вольно! – командовал я.

Посол тут же расслаблялся и, поминутно кланяясь, принимал мои угощения к докучиванию и долизыванию.

Этим, собственно, мой вклад в иностранные дела и ограничивался.

Но самой пронзительной радостью всё это тревожное время были для меня сношения с двоюродной женой. Двоюродная жена в отличие от родной, которой у меня никогда не было, служила для исполнения магических обрядов, сохранившихся в нашем племени с идолопоклоннических ещё времён.

Звалась она тогда Постипримой – именем, широко распространённым в те годы на просторах от Босфора до Дарданелл. В свободное от майорства время я подрабатывал знатным бахчеводом, а Постиприма – знатным свекловодом, и тоже в свободное – от написания на меня кляуз – время. Языческая сила наших обрядов позволяла нам обоим претендовать на звание Героя сельскохозяйственного труда, но присвоить его могли лишь одному из нас.

Ночами мы раздевались до сапог и выбегали в поле. Я схватывал Постиприму за вымя, она же меня – за рог; в таком вот интересном положении боковым галопом в ужасающем молчании мы обскакивали сельхозугодья, оплодотворяя их моим семенем, и пыль из-под наших сапог розовой пеленой заслоняла нас от луны, а луну – от нашего блуда.

Чета Книлтонов была принята Аркашей в его загородном именице. Пока Книлтонов вводили и показывали им, где оставлять подарки, Аркаша пел, Ганга плясала под его пение.

Аркаша отпел запланированное и стал жалобно кричать и засовывать пальцы в рот.

– Это он так есть просит, – пояснила Книлтонам Ганга.

Подали обед. Аркаша молча поел. Его кальсоны были безупречны.

– Ну, здравствуй, Блин, – сказал, наконец, Аркаша сурово, но не без приветливости. – Знакомься: это жена моя, Ганга. И ты, Хайлари, можешь здравствовать и знакомиться.

Ганга сделала реверанс.

– Здравствуйте, Аркаша и Ганга! – хором прокричали Байл и жена его Хайлари.

– Уайлька, ты это не того, не балуй! – строго сказал Аркаша, погрозив Байлу пальцем.

Байл пристыженно поковырялся в носу: в мире была широко известна и не менее широко популярна позиция Аркаша по Соковскому вопросу. «Вы позабыли глюкокское слово! – грозно писал Аркаша как по этому поводу, так и по любому другому, мало-мальски похожему. – Вы разучились Глюкова читать!»

Выговорив Байлу за Соково, Аркаша успокоился: он выполнил долг перед Родиной. Долго гневаться на Байла он не мог: Байл ему нравился – и как слуга (народа), и как мужчина.

– Если бы у меня был сын, я бы хотел, чтобы он походил на вас, Байл, – поведал Аркаша, смахнув скупую слезу.

– У меня тоже нет сына, – поведал, в свою очередь, Байл, едва сдерживая рыдания, – но у меня есть народ, и я хочу, чтоб он был хоть немного похож на вас, о, Аркаша!

Аркаша лишь тяжело вздохнул.

– Ах, Хайлари, Хайлари! – перевёл Аркаша разговор с детей на женщин. – Почему же, когда проводился конкурс на право стать моей невестой, вы в нём не участвовали?

– Я хотела, но ... я была уже замужем, – с грустным смешком отвечала Хайлари.

– Но ведь конкурс был открыт и для замужних женщин, – напомнил Аркаша.

– Мы всерьёз размышляли на семейном Совете, – вступился за жену Байл. – Я был за участие Хайлари, я предлагал ей таким образом испытать себя в претендентской гонке. Селчи, наша дочь, тоже предлагала рискнуть. Но Хайлари сочла себя недостаточно совершенной.

– Вот страна советов, – проворчал Аркаша, незаметно погладив Гангу по коленке. – А жалко, ведь другого конкурса уже не будет.

Байл и Хайлари обменялись сокрушёнными взглядами. Аркаша назидательно покачал головой.

– Впрочем, я знаю, как вас утешить! – после недолгого размышления радостно объявил он. – Мы проведём ещё один конкурс – на должность моей любовницы. И в этом конкурсе ограничений уже точно не будет. Участвуют все!

– Ура! – закричали хором Хайлари, Байл и Аркаша.

Только Ганга не закричала «Ура!»

... сквозь розово-лунную пелену воспоминаний ко мне пробился голос Пристипомы:

– ... в ужасающем молчании мы обскакивали сельхозугодья, оплодотворяя их его семенем, и пыль из-под наших копыт розовой пеленой заслоняла нас от луны, а луну – от нашего блуда.

– Довольно! – крикнул я. – Узнала ль ты меня, неверная моя подруга?

– Ну как вас не узнать! – криво усмехнулась Пристилома. – Я ведь неотрывно следила за тобой все эти годы, и ни одно твоё движенье, ни одно твоё словцо, ни одна твоя так называемая мысль не посмели бы от меня укрыться.

– Довольно! – крикнул я. – Я раскусил тебя! Все твои басни про Самогрызбаши – всего лишь басни, исполненные без выражения. Так на кого ты работаешь?

– Ты угадал, я – резидент альфа-центаврской разведки. Моя задача – завербовать тебя в ханты-пермяцкую кавалерию, и-го-го! Завербовать – или уничтожить. С первым не получилось, зато удалось второе. Ты вдоль и поперёк отравлен медленнодействующим ядом и растворишься через две тысячи сто сорок восемь часов.

– Ах ты, подлая! – вскричал я. – Умри ж, предательница! – и я выхватил своё ужасное орудие – могучий член (спасибо, Господи, что одарил такой вот дубиной!), квинтэссенцию моего гнева – с тем, чтобы парой ударов покончить с гадиной навсегда.

Но Пристилома не только не испугалась, но даже обрадовалась уготовленной ей экзекуции.

– Руби меня! – воскликнула она, склоняя преступную голову на плаху своих колен. – Я имею страховой полис компании «Каско да Гамма»!

– Я вас любил, как Гвельф любил Ромео, а Гибеллин⁴⁰ Офелию любил, – сказал я молча и вышел вон.

Зато когда Книлтоны, наконец, откланялись, Ганга буквально налетела на мужа.

– Ганга, ты ли это? – едва успел прохрипеть Аркаша. – Ладно, давай, подлей-ка масла в огонёк моих забродивших страстей.

– О, милый, как ты велик и прекрасен, – стенала Ганга, загнав Аркашу прямо на его рабочий стол. – Член твой – словно башня Останкинская, обращённая к звёздам. Грудь твоя – как сад, густой и тенистый, есть в этом саду и цветы, и травы, и кусты, и деревья плодоносящие. Ноги твои крепки и стройны, словно мост между прошлым и будущим. Ягодицы твои упруги и гладки как нектарин и так же сочатся нектаром.

– Ещё, ещё говори! – требовал Аркаша.

– Скажи же и ты мне что-нибудь, милый, – попросила, наконец, Ганга. – Скажи мне обо мне – пусть неприятную, пусть страшную – но правду.

– Ганга, моя навек, моё, моё, всё это моё, всё это буйство плоти, пиршество для рук и глаза – моё! – высказал Аркаша всю правду, как он её понимал. – Ну как, тебе понравилось?

– Да, мне понравилось, – ответила Ганга, – потому что это – правда.

И в самом деле всё, что говорил или писал когда-либо Аркаша, было правдой, только правдой и ничем, кроме правды.

Так и жили они, и жили красиво.

Пошлёт ли нам Господь нечаянную встречу?

⁴⁰ Гвельфы и гибеллины – враждующие между собой политические течения в Италии эпохи Позднего Средневековья.

4. Сентябрьские иды

Аркаша гордился своими стройными ножками, которые свешивались из гамака, который был натянут меж дубов, которые росли на берегу, который омывал Альбис⁴¹, к которому приближалось войско, которое возглавлял Тиберий Клавдий Нерон⁴².

Шёл 746-й год от основания Рима⁴³, год встречи на Альбисе.

– Тпру-у, стой, служивые! – весело крикнул Аркаша из своего гамака.

– Аркаша, ты уже здесь? Ты что, крылат? – от удивления немногословный Тиберий разразился целой тирадой.

«Нелёгкое это дело – быть вундеркиндом земли римской, – подумал Аркаша. – Тут нужно быть не столько крылатым, сколько очень и очень зубастым».

– Наоборот! – крикнул Аркаша. – Вовсе бескрыл, аки гад ползучий.

Подумав одно и крикнув другое, Аркаша соскочил на землю и пополз к Тиберию, по черепашьи втянув голову в воротник и потешно загребая конечностями, как гад ползучий. Переползая через недопотухшее кострище, он не смог отказать себе в удовольствии посыпать голову ещё дымящимся пеплом.

По-звериному остро почуяв исполинский масштаб ползущего к ней Аркаши, белая кобыла Тиберия взбрыкнула и попятилась, ломая походный строй римского войска.

– Клавдий, куда ты? Нерон, подожди говнюка, не заставляй меня ползти на брюхе до Рима! – воззвал Аркаша, в отчаянии всплеснув пепельно-серыми ручонками.

– Аркадий, брат, поднимись, не вынуждай меня ползти рядом с тобой! – крикнул Тиберий, предпенсионного вида крупный папик с толстыми хомячьими щеками и остреньким подбородком.

– О, дозвожь, дозвожь, дозвожь облобызать твою сиятельную ногу! – завывал Аркаша, которому всё-таки удалось подползти почти под копыта гарцующей лошади.

– Да обе мои ноги не стоят одной твоей стройной ножки! – возразил Тиберий, осведомлённый, конечно же, о маленькой Аркашиной слабости.

Огромный сгусток интеллекта и маскулинности (а именно таким сгустком представлялся Аркаша кобыле) одновременно пугал и манил её. Кобыла снова попятилась, но вернулась, не в силах противостоять Аркашиному обаянию, и осторожно поставила копыто на склонённую Аркашину выю.

– Слезай, Тиберий, – крикнул Аркаша. – Видишь, она признала меня. Слезай быстрее, пока тебя не сбросили наземь, как Друза⁴⁴. Имей в виду: я не пойду в Рим пешком перед твоим гробом – ты не Друз.

– Хорошо, брат, я слезу, – с видимой охотой согласился Тиберий. – Хочешь покататься – катайся, лошадь твоя.

– Я хочу не только покататься, но и покомандовать, – признался Аркаша. – Тебе не жалко дать мне покомандовать минут пять?

– Ты вправе командовать любым войском, – смиренно отвечал Тиберий. – Ты – везде гений, за что ни возьмёшься, мы же – лишь таланты, и то – местами.

⁴¹ Альбис – так называли Эльбу древние римляне.

⁴² Тиберий Клавдий Нерон (42 г. до н.э. – 37 г. н.э.) – римский полководец, император (с 14 г.), пасынок Августа.

⁴³ 746-й год от основания Рима – т.е. 7-й год до н.э.

⁴⁴ Друз – Друз Нерон Клавдий (Друз Старший) (38–9 г. до н.э.), младший (молочный) брат Тиберия, выдающийся полководец, во главе с которым римские войска впервые вышли на Эльбу. Погиб на обратном пути при падении с лошади; посмертно получил почётное имя Германик.

Но Аркаша уже не слушал его. Оседлав охмурённую кобылу, которая даже присела на всякий случай, почувствовав сверху столь могучего самца, он радостно крикнул:

– Римляне, смирно! Равняйся! Смирно! Правое плечо вперёд, ать-два! Левое плечо вперёд, ать-два!

Аркаше нравились слаженные действия четырёх с лишним тысяч молодцов первого из подошедших легионов⁴⁵, хотя пару раз его глаз и отметил семерых замешкавшихся велитов⁴⁶: троих Аркашин глаз заметил в первый раз и четверых – во второй. Между тем первые ряды легиона, снеся Аркашин гамак и чуть было не снеся дубы, вошли в Альбис.

«Однако, по ширине эта хвалёная Эльба едва ли превосходит Москву-реку под Лужниками», – с сожалением подумал Аркаша, не переставая подавать чёткие команды:

– Ать-два, ать-два!левой!

Шеренга за шеренгой всплывали и под чёткие Аркашины «Ать-два» вплавь пересекали Альбис. Немалая река Альбис, но всякий римлянин с Аркашиной помощью доплывал до её середины.

– Стой, ать-два, – скомандовал Аркаша, когда весь почти легион оказался в воде.

Разочарованно глядя, как барахтаются воины, – они не могли совладать с течением, чтоб по-уставному выполнить команду «Стой», – Аркаша поморщился, но продолжил руководить переправой.

– Равняйся, смирно!левой,левой, ать-два!

– Видишь, что значит полководческий гений, – сказал он Тиберию, когда первые шеренги, равняясь на правый фланг, выбирались на противоположный берег. – Ты бы начал строить мост, и ты бы строил его неделю минимум, а ведь достаточно было просто скомандовать: «Легион, ать-два».

– Да, я бы так не сумел, – сумел признаться Тиберий.

– Римляне! – крикнул Аркаша, когда второй легион только подходил к реке, а первый, дрожа и отфыркиваясь, маршировал на месте. – Рады ли вы меня видеть?

– Ра-ды-ра-дыра-дыра-ды! – разнеслось по обоим берегам германской реки.

– А я вот не рад вас видеть, – признался Аркаша, поочерёдно отворачиваясь от обоих легионов.

– Почему же, о, великий Аркаша? – крикнул старейший центурион⁴⁷ из первого легиона. – Чем мы прогневали тебя?

– Опять война, опять резня – это негуманно! – грустно крикнул Аркаша.

– А молиться Вотану⁴⁸ – это гуманно? – возразил центурион. – Когда есть Юпитер, есть Марс, есть, наконец, Квирин⁴⁹!

– Это – ещё более негуманно, – согласился Аркаша. – Так негуманностию негуманность поправ – вперёд, на германцев!

Аркаша летал перед войском. Казалось, у него в самом деле выросли крылья.

– Ура! – гаркнули оба легиона.

– Рано уракать! Не все сумели достойно выполнить манёвр «переправа»! – крикнул Аркаша. – Были такие, что мешкали, не держали равнение в строю, гребли не в руку. Они будут наказаны. Все, кто такими безобразиями опозорил звание римского воина – шаг вперёд!

Весь первый легион вышел вперёд.

– Как наказывать вас? – крикнул Аркаша.

⁴⁵ Легион – основное армейское подразделение в Древнем Риме, насчитывал до 4,2 тыс. пехотинцев и 300 всадников.

⁴⁶ Велиты – легковооружённые солдаты.

⁴⁷ Центурион – командующий центурией (до 100 воинов).

⁴⁸ Вотан (Водан, Один) – в древнегерманской мифологии – верховный бог, бог войны.

⁴⁹ Квирин – древнеримский бог.

– Смертью, вестимо! – ответил старейший центурион – при молчаливом одобрении остальных провинившихся.

– Да будет так! – провозгласил Аркаша.

– Смертью от руки Аркаши! – добавил центурион.

– Пожалели б мою руку, – пробурчал Аркаша. – Ладно, соорудите нам с Тиберием плот! – приказал он воинам второго легиона.

Плот был сделан в кратчайшие сроки. Похвалив умельцев, на маленьком плоту Аркаша с Тиберием вдвоём пересекли реку.

– Ну что, готовы? – спросил Аркаша, обнажая меч.

– Всегда готовы! – хором отвечал первый легион.

– А накажем-ка мы не всех – через одного. Вот как бы вас лучше рассчитать на первый-второй? – вслух подумал Аркаша.

– А кто будет наказан: вторые или первые? – поинтересовался Тиберий.

– А не скажу, – лукаво усмехаясь, ответил Аркаша. – Кто хочет быть первым – вперёд! – тут же скомандовал он.

Весь легион шагнул вперёд.

– Ну что ж, – сказал Аркаша, – первых не наказывают, наказывают последних. Проехали.

Он с удовлетворением отметил выдержку бойцов легиона: ни тени радости или недовольства не пробежало по римским лицам при этих его словах.

– Вы знаете, – продолжал Аркаша, – что в лесах живут херуски, амвроны и прочие семноны⁵⁰. Они поклоняются своему Вотану и отвергают дружескую руку Рима, протянутую им для защиты и покровительства. Вы понимаете, конечно, я и сам могу напасть на них вот хоть сейчас и разгромить в одиночку, и захватить все их земли. Но что я буду делать один с такой богатой добычей?

В это время в лоб ему ударил жёлудь, запущенный, очевидно, чьей-то недружеской рукой.

– Интересно было бы узнать, кто это сделал, – проворчал Аркаша, потирая лоб. – А тебе это было бы интересно? – обернулся он к Тиберию.

– Ещё как интересно, – отвечал Тиберий, потирая свой лоб из чувства солидарности с Аркашей.

– Тогда пошли кого-нибудь, пусть отыщут горе-стрелка, – предложил Аркаша.

Минут через пять к Аркаше подтащили рыжего германца лет двенадцати, обеими руками сжимавшего рогатку.

– Ты кто? Вильгельм Телль⁵¹? – спросил Аркаша, не без труда конфисковав оружие преступления.

– Нет, я – Арминий⁵², королевич херусков, – отвечал мальчик. – А ты кто?

– Я трепещу, – хмыкнул Аркаша, поёживаясь, – сам королевич херусков! Но конфетку-то ты, малыш, хочешь?

– Почему бы и нет, – доверчиво отвечал Арминий.

– Я пошутил, – признался Аркаша, – у меня нет конфетки – только гнусные шутки из времён моего пионерского детства.

– И не надо конфетки, не больно-то и хотелось, – с достоинством сказал мальчик. – Ни конфеток ваших не надо, ни пирожков.

– Ладно, будут тебе и пирожок, и конфетка, и дудка, и свисток, – пообещал Аркаша, – если познакомишь нас с папкой да с мамкой. Далеко они живут?

⁵⁰ Херуски, амвроны, семноны – древнегерманские племена.

⁵¹ Вильгельм Телль – легендарный швейцарский стрелок из лука, борец за независимость Швейцарии от Священной Римской Империи (XIII–XIV вв.).

⁵² Арминий (16? г. до н.э. – 21? г. н.э.) – представитель королевского рода херусков, с детства воспитывался в Риме.

– От твоего лба – десять полётов жёлудя, – доверчиво поведал мальчик, который с раннего детства мечтал о собственной дудке и собственном свистке, а ещё больше – о собственной полосатой палочке, чего Аркаша, увы, не учёл.

– Вот и хорошо. Считай, что дудка в кармане. Они, наверное, тебя обыскались? – на всякий случай спросил Аркаша.

– Да нет, не до того им, мамка помирать собралась – Вотан зовёт, – спокойно сообщил мальчик.

Напряжённая работа мысли нарисовалась на вдохновенном Аркашином челе.

– Центурион! – приказал Аркаша. – Да не ты, вот ты, помоложе который! Возьмёшь мальчика, команду попретставительнее и поедешь к папке за выкупом. Не каждый день и не каждого Вотан к себе призывает, поэтому сегодня мы будем гуманистами и ещё раз протянем херускам руку дружбы – но пусть попробуют положить в неё что-нибудь не то! И амвроны с семнонами тоже пускай пока поживут.

Центурион вернулся, когда Аркаша уже начал поклёвывать носом.

– Не давали выкупа, – доложил вояка, – говорили: сами выкуп давайте, пока мальчишка вас желудями по уши не засыпал.

Аркаша недовольно хрюкнул, приоткрыв один глаз.

– Но моя манипула⁵³ посекала все окрестные жёлуди – так мальчишка был обезврежен.

– И вы смогли получить за него выкуп, – догадался Аркаша.

– Так точно! – отрапортовал центурион.

Аркаша довольно крякнул, приоткрыв и второй глаз.

– Но мальчишка увязался за нами, – добавил центурион. – Он всё кричал, что без желудей ему делать там нечего, а ты, о великий, вроде бы как обещал ему дудку.

– Выкуп – это хорошо, это значит – наша рука встретила там руку друга. И мальчишка – это хорошо, пока он у нас – рука друга будет плодоносить. Но ты нарушил приказ, центурион, – не без сожаления констатировал Аркаша, покачивая головой. – Давай-ка рассчитывайся на первый-второй.

– Первый! – крикнул центурион.

– Тебе повезло, – обрадовался за него Аркаша, – в кольчуге родился.

После этого он закрыл оба глаза и погрузился в сон, охраняемый доброй сотней мечей.

Тихо стало в лагере. Только не спал Тиберий. Но и он заснул, наконец. В кошмарном сне ему привиделись Аркаша, лошадь, жёлуди и юный херуск. Аркаша отнимал у Тиберия лошадь, лошадь отнимала у Тиберия Аркашу. А одним из желудей был он сам, Тиберий, он висел незрелым и никчёмным плодом на ветке, и всё ближе к нему подбирался рыжий стрелок, легко, как пирожки, поглощающий на своём пути жёлудь за жёлудем.

По возвращении в Рим Аркаша был срочно вызван для доклада к императору Августу.

– Ты, наверное, совсем одичал там, в Германии? – участливо спросил Август, пряча улыбку в тонких губах.

– Есть немного, – с радостью согласился Аркаша. – Ведь я и до этого был диковат. Но если б ты знал, о принцепс⁵⁴, какого дикаря я привёз с берегов Альбиса! Рыжий маленький варвар, единственное, что умеет – пребольно стреляться из рогатки желудями. Но – из королевского рода херусков. Показать тебе его?

– Не стоит. А то отберу – ты меня знаешь. Лучше давай-ка, употреби-ка ты свой гений на ниве воспитания – ты как-то не очень был ранее замечен на этой ниве. Только будь проще, без напряжения: наша идеология, наш строй сами воспитают в любом дикаре – каким бы диким

⁵³ Манипула – состояла из двух центурий, возглавлялась центурионом.

⁵⁴ Принцепс – титул императора.

он ни был изначально – римский дух, ибо совершеннее Рима в мире ничего не было, нет и не будет, – произнёс Август, и его холодные глаза на мгновение потеплели.

– Я всё-таки буду воспитывать его личным примером, – возразил Аркаша. – Я считаю, нет в Риме примера достойнее, за исключением моего принцепса, разумеется.

– Упаси Юпитер от твоего примера, – сыронизировал Август, поджимая тонкие губы. – Нам хватит и одного вундеркинда⁵⁵, империя двоих не потянет. Ну а как там наш воспитанник – суровый Тиберий? Поминает нас хотя бы иногда добрым словом?

– Тоскует по своему папе Августу. Бывало, вскочит во сне с криком: «Папа Август, где ты?!» – с почтительной ухмылкой сыронизировал в ответ Аркаша. – И вдруг осознает, что нет папы Августа, а-а папа Август! – и зальётся слезами нелюбимого, забытого ребёнка.

– Ты, однако, всё байки травишь, – недовольно процедил Август. – Тебя, очевидно, следует понимать с точностью до наоборот?

– Я думаю, он страдает, – сказал Аркаша почти серьёзно. – Ты отнял у него жену⁵⁶, лошадь отняла брата, я чуть было не отнял войско.

– Спасибо, что приравнял меня к лошади, это – метко, это – в цель, это – нам, старикам, в награду за всё хорошее. А от Тиберия, ты прав, нам следует ждать сюрпризов, – заключил Август, впервые за всё время взглянув Аркаше прямо в глаза, и серые Аркашины глаза выдержали пронзительный взгляд серых глаз Августа.

Как и предполагали Август с Аркашей, вернувшись в Рим, Тиберий неприятно поразил их: он пожелал удалиться от дел на курортный Родос⁵⁷. Ни мольбы матери⁵⁸, ни просьбы Августа, ни Аркашины насмешки не могли поколебать его угрюмого упрямства.

Через пять с небольшим лет, путешествуя по греческим островам, Аркаша не без задней мысли завернул галеру на Родос. Разыскать Тиберия, превратившегося за это время из триумфатора и спасителя нации в опального изгнанника, оказалось непросто.

– Мы с таким не знакомы, – отвечали одни островитяне, искривившимися лицами давая понять, что уязвлены в своих лучших чувствах.

– Как, неужели этот трус и предатель ещё жив? – как бы в недоумении спрашивали Аркашу другие островитяне.

– Только не на нашем острове! – заявляли ему третьи островитяне. – На нашем острове таких не водится.

На третьих Аркашино терпение лопнуло, и он разгромил пару аборигенских лавчонок, после чего был с почётом препровождён в центр острова, к последнему Тибериеву пристанищу. Увидев Аркашу с эскортом, Тиберий попытался забаррикадироваться в своей убогой лачужке, но Аркаша без труда плечом высадил его хлипкую дверь.

– К чему этот нелепый маскарад? – спросил Аркаша, взглядываясь в испуганное лицо одетого в крестьянского платье, постаревшего и подурневшего от невзгод Тиберия.

– Ты пришёл убить меня? – спросил Тиберий. – Я готов. Я давно ждал этого. Я был уверен, что пришлют тебя. И я рад, что это ты.

– Нет, ты не готов пока к смерти от моей руки, – возразил Аркаша, с сомнением оглядывая его сутулую фигуру. – От моей руки римлянин должен умирать с высоко поднятой головой.

⁵⁵ Нам хватит и одного вундеркинда – Август был, очевидно, осведомлён о вневременном характере Аркашиного титула (Вундеркинд Земли Русской), но иногда, поддразнивая, называл его и Вундеркиндом Земли Римской.

⁵⁶ Ты отнял у него жену – надумав женить Тиберия на своей дочери Юлии Старшей, Август заставил его развестись с любимой женой Випсанией Агриппиной.

⁵⁷ На курортный Родос – Тиберий провёл на Родосе 8 лет.

⁵⁸ Ни мольбы матери – мать Тиберия Ливия Друзилла была женой Августа.

– Смотри на меня! – сказал Тиберий, выйдя из лачуги и распрямившись. – Я сумею умереть, как подобает бывшему трибуну⁵⁹.

– В интересное время мы живём: всё-таки, первый год новой эры, – резко сменил тему Аркаша, выходя на лужайку вслед за Тиберием. – Как ты думаешь, прошлый год был минус первым или нулевым?

– Ты о чём? – выдавил из себя Тиберий; напряжение сводило ему скулы.

– Да так, – усмехнулся Аркаша. – О своём, о девичьем. Я не собираюсь тебя убивать. Я просто заехал в гости к старому другу и старому брату. Можешь расслабиться и угостить меня вином – если ты не завязал, конечно – или хотя бы сыром.

– Как Рим? Чего он ждёт от меня? – спрашивал Тиберий, когда они сидели за столом в тени олив, а разогнанные Аркашей любопытные греки улепётывали назад, к побережью.

– Вы, римляне, свободная нация. Вы вольны жить на благо республики, и вы вольны избрать смерть во благо республики, – философски произнёс Аркаша, потягивая красное прямо из горшка.

– Ты всё-таки предлагаешь мне умереть? Хочешь, чтоб я убил себя сам? Я, собственно, и сам не рад такой жизни, – печально отвечал ему Тиберий, отодвигая свой горшок.

– Я подозреваю, ни одна собака о тебе не пожалеет, о, мой бедный брат, – не удержался Аркаша от сочувственной реплики.

– Презренна моя доля – каждый смерд норовит взглянуть на меня косо, за спиной моей шепчутся, в спину тычут пальцами, а скоро в меня полетят гнилые огурцы. Зачем нужна такая жизнь? – продолжил Тиберий, вновь прикладываясь к горшку.

– Ну ты даёшь! В этом – самый кайф! – возразил Аркаша, швырнув свой опустевший горшок вслед убежавшим родосцам. – Вот я бы пошёл на них войной. Порубал бы полдеревни, а полдеревни загнал бы в горы. Впрочем, тебе решать. Можешь попробовать себя не в войне, а в сочинительстве.

– А с чего бы начать? – заинтересовался Тиберий. – Я вообще-то давно думал об этом.

– А я научу тебя. Галера – при мне, ходим на Лесбос⁶⁰, тамошние леса располагают. Сразу возьмишь что-нибудь, да напишешь – какую-нибудь оду на чью-нибудь смерть. На мою, например. Заранее.

– О, не на Лесбос! – с горечью воскликнул Тиберий. – Только Лесбоса мне ещё не хватало!

– Как знаешь, – пожал плечами Аркаша. – Ну, бывай. Спасибо за угощение. Вернёшься в Рим – заходи.

Через год Август сменил гнев на равнодушие и позволил Тиберию вернуться. Тиберий возвратился и жил теперь на окраине Рима⁶¹ как тишайший и смиреннейший из обывателей. Аркаша частенько навещался к нему: вундеркинда всегда ожидали у старого друга горшок вина и головка козьего сыра. Сам Тиберий из скромности к Аркаше не ходил и в городе предпочитал особо не светиться.

Но Августу, по воле рока растерявшему почти всех прямых наследников⁶², пришлось вновь вспомнить о пасынке и извлечь его из запасников на свет божий.

⁵⁹ Трибун – Тиберий был и войсковым трибуном (высшим офицером, руководившим действиями легиона – так начинал он свою военную карьеру), и трибуном с императорскими полномочиями, которыми наделяли его Август и Сенат на пятилетний срок.

⁶⁰ Лесбос – в те времена остров Лесбос считался местом, где живут поэты (Сапфо, Алкей) и философы (Аристотель, Эпикур).

⁶¹ Тиберий жил на окраине Рима – Тиберий жил на Эсквилинском холме, в садах Мецената.

⁶² Августу, растерявшему почти всех прямых наследников – в 3 и 4 гг. н.э. скончались два из трёх внуков Августа: Гай и Луций.

– Здравствуй, сын, давно тебя не было видно, – сказал Август, морща тонкие ноздри. – А откуда такой нафталиновый запах?

– Залежался я, принцепс, скорбя о постигших тебя, меня и Рим несчастьях, – отвечал Тиберий с достоинством. – Но пролежней нет. Готов к любому заданию. В Германию – так в Германию, в Паннонию⁶³ – так в Паннонию.

– В Германию – ишь чего захотел, – протянул Август, улыбаясь одними губами. – Ты будешь снова избран трибуном на пятилетний срок – пятилетнего срока пока хватит? – и отправишься в Иллирик⁶⁴. В Иллирике мятеж, перебиты наши гарнизоны. Ну, да ты, наверное, в курсе – шпионы-то, небось, докладывают? Не сумеешь усмирить иллирийцев – они пойдут на Рим. Действуй, и да пребудет с тобой Юпитер.

Тиберий, за время опалы скопивший невероятное количество энергии, набрал тридцать легионов и умчался в Иллирик воевать.

А Аркаша проводил на родину достигшего совершеннолетия и преуспевшего в военных науках Арминия, который ехал занимать вакантную должность начальника тамошних вспомогательных войск.

– Ты многому научился здесь, – возгласил Аркаша в напутственной речи. – Я бы сказал даже, ты научился здесь всему. Так постарайся же употребить эти знания и умения на пользу вспомогательных войск, которыми будешь командовать – и вспомогательные войска тебе этого не забудут.

– Спасибо, – сказал Арминий в ответной речи. – Ты был мне здесь вместо отца, матери, сестры, брата и друга одновременно. Но пора мне и делом заняться. Обещаю, ты будешь мною гордиться. Непременно приезжай в Германию проведать меня. Приедешь?

– Пригласишь – приеду, забудешь пригласить – тем более приеду, – пообещал Аркаша с лёгкой печалью. – Вот тебе твоя рогатка, когда-то я конфисковал её – но теперь возвращаю в руки друга. Хотя зачем тебе моя рогатка – у тебя есть теперь и меч, и кинжал, и дротик.

Радуюсь успехам Тиберия, проявлявшего чудеса жестокости и героизма при подавлении восстаний в Иллирике и Паннонии, Август не забывал и о взрывоопасной Германии, и когда настала, по его мнению, пора заняться ею вплотную, вызвал Аркашу из путешествия по африканским провинциям.

– Подойди ко мне, Аркидай, – сказал Август (он заменял теперь лирическое греческое «Аркадий» на гордое римское «Аркидай»). – Дай подпитаться дряхлеющему тирану твоей вечно молодой энергетикой.

– Соси, мой принцепс, – разрешил Аркаша, попытавшись поймать отрешённый взгляд императора, – меня не убудет.

– Давай-ка, Аркидай, собирайся на север – ты любишь холод, тебе не надо привыкать к нему, – Август больше не улыбался даже губами. – Командирую тебя в Германию. Цель – определить, возможно ли там восстание, если возможно – то где, когда, под чьим руководством.

– Отлично, – обрадовался Аркаша. – Я как раз получил приглашение на чисто германскую свадьбу: мой воспитанник Арминий женится на дочери одного из тамошних князей, Сегеста⁶⁵.

⁶³ Паннония (Нижний Иллирик) – часть Иллирика, римская провинция на территории современных Венгрии (западная часть), Словении и Хорватии (северная часть).

⁶⁴ Иллирик (Иллирия, Верхний Иллирик – Далмация) – римская провинция на территории современных Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Албании, Северной Македонии; Иллирийское восстание подавлено Тиберием в 6–9 гг.

⁶⁵ Сегест – знатный херуск, отец Туснельды, жены Арминия; убеждённый сторонник Рима.

Херуски ждали Аркашу с нетерпением. Ему была уготована почётная роль: принесение свадебной жертвы богу Вотану.

Избранник Вотана в ожидании Аркаши стоял на дубовой колоде с петлёй на шее.

– Знаешь ли ты, кто я? И если знаешь, то почему не приветствуешь меня, как подобает меня приветствовать? – спросил Аркаша, едва завидев его.

Избранник знал и попытался преклонить колени – но мешала петля.

– Ты пытаешься подольститься ко мне? – притворно огорчился Аркаша. – Думаешь, я за это выну тебя из петли? Да я бы, может, и вынул, но вот зачем? Что нового ты можешь сказать человечеству? То-то же. Давайте, вешайте его, может, хоть Вотану будет от него польза.

Не досмотрев мероприятия до конца, Аркаша отправился к праздничному столу, накрытому на поляне среди роскошных дубов; пир был в разгаре.

– С чем прийти к вам: с мечом или с огнём? – спрашивал обычно Аркаша в подобных случаях.

На этот раз он немного отступил от традиции.

– Народус римский прислал меня к вам, – возгласил Аркаша, поднимая тут же вручённый ему бокал с мозельским первачом. – А он знает, каковы вы: кто к вам с мечом придёт – тот от вас с мечом и уйдёт. Но я пришёл к вам без меча, зато с мячом. Держи подарок, молодые! – и он запустил мячом в Арминия и сидевших по обе стороны от него двух рыжеволосых красоток.

– А кто к нам с мячом придёт – тот без мяча не уйдёт! – крикнул в ответ Арминий, запуская мячом в Аркашу.

– Твой ответ мне показался удачным, почти столь же удачным, как моя предыдущая реплика, – объявил Аркаша, похлопывая Арминия по широким плечам. – Но скажи, кто из них всё-таки твоя невеста? Я бы женился на обеих.

– Считаю, что обе: они – сёстры, – по-хитрому ответил Арминий. – Но если ты тоже хочешь на них жениться – давай женим и тебя. Мне не жалко, ты же знаешь, как я люблю тебя, люблю даже за твоё варварство. Ведь ты, по сути, ещё больший варвар, чем мы, германцы.

– Я-то хоть выгляжу цивилично, хотя в душе, ты прав, варвар, а это что за хрыч там такой непрезентабельный – с усами – во главе стола справа сидит? – шёпотом спросил Аркаша.

– Эта морда – мой тестюшка, Сегест, – шепнул Арминий в ответ, – редкая по гнусности личность. Он будет рассказывать про меня гадости – не верь ему. Он тут на днях разоблачил мой заговор против Рима – можешь себе такое представить? Слава богу, Квинктилий не поверил в подобную чушь. Ну его ты знаешь, должно быть, сам: вот он, слева от Сегеста – Квинктилий Вар⁶⁶.

– Секстилия⁶⁷ я знаю, – произнёс Аркаша с придыханьем – как говорят об очень важных персонах. – Кто не знает Секстилия? Вот Секстилий – не варвар, Секстилий – достойный, знатный римлянин, твой, кстати, начальник.

– Затрахал твой Секстилий, тоже мне, блин, начальник – деньги из нас вытрясать, – возмущённо шепнул Арминий. – А ты сделай так, чтоб мы сами захотели вам налоги платить.

– Неужели не делает? Никогда б не подумал, – возмущился Аркаша, сокрушённо покачал головой и пошёл на своё почётное место – между Сегестом и Варом.

Вокруг них суетились херуски с амфорами и горшками, то подливая первача, то подсыпая закуски.

– Ты чего такой угрюмый? – сразу спросил Аркаша Сегеста. – Тебе не нравится моё соседство? Я могу отсесть.

⁶⁶ Квинктилий Вар – в то время – главнокомандующий римскими войсками в Германии и не слишком удачливый реформатор тамошней системы налогообложения.

⁶⁷ Квинктилий, Секстилий – на латыни *quinque* означает 5, *sex* – 6.

– Упаси Вотан! – Сегест даже поперхнулся куском кабанятины, и Аркаше пришлось молотнуть его кулаком по спине.

После этого Сегест ещё сильнее выпучил глаза и больше не проронил ни слова. Зато на редкость словоохотливым собеседником оказался престарелый римский полководец, он рассказывал Аркаше о скупости, упрямстве и несговорчивости местных князей. «Сколько их ни корми, – говорил Вар, – всё в свой дубовый лес смотрят». «Холодная страна, – говорил ещё Вар, – сентябрьские иды⁶⁸ не наступили, а уж пора вести войско на зимние квартиры, в Алисон⁶⁹». Аркаша слушал его вполуха.

«Кого же из двух сестёр мне хочется больше?» – таким вопросом мучился Аркаша. В итоге он понял, что Туснельду, сидевшую по правую руку от Арминия, ему хочется больше потому, что она – невеста и на данный момент недоступна, а Гризельду, сидевшую по левую руку, ему хочется больше потому, что она, наоборот, вполне даже доступна.

– Ну что ж, – тяжело вздохнул Аркаша, – придётся хотеть обеих.

Пока Аркаша разрывался от своих желаний на две половинки, правую и левую, хлебо-солёные херуски всё подливали ему мозельской бражки и подкладывали куски жареной кабанятины.

– Хорош! – сказал наконец Аркаша, вставая из-за стола. – Аркаша дозу знает!

– Аркаша, выпей ещё с нами! – кричали херуски. – Скушай с нами кабанчика!

– Не хочу кабанчика, хочу жениться, – упрямылся Аркаша.

– На мне, на мне, – завизжали почти все бывшие за столом херусочки.

Они образовали вокруг вундеркинда хоровод, медленный ритм вращения которого позволял каждой из них продемонстрировать Аркаше свои достоинства во всей их полноте. Печальным огненным взглядом обзрев хоровод, Аркаша убедился, что нет в нём ни Туснельды, ни Гризельды. Тогда со словами: «Хорошо, хорошо, хоть на всех сразу», он прорвал окружение в самом слабом звене и быстро-быстро залез на первый попавшийся дуб.

– Аркаша, спускайся к нам! – кричали, окружив Аркашин дуб, херусочки.

Аркаша сидел на ветке и кидался в них желудями.

– Поешьте желудей, – приговаривал Аркаша, – и ваше мясо станет сочным и ароматным – Вотан такое любит.

Что-то лёгкое, белое и прозрачное скользнуло по стволу и тёплой уютной ласточкой ткнулось в Аркашин бок.

– Вы крылаты? – усмехнулся Аркаша.

– Скорее когтиста, – усмехнулась в ответ Гризельда.

– Я думал, я окрыляю.

– Я с детства была когтиста. Рождённый когтистым не нуждается в крыльях.

– Да, – подтвердил Аркаша, после тщательной проверки, – у вас действительно нету крыльев. Мы будем любить друг друга или просто поженемся? Как, по-вашему, будет правильной поступить?

– Если прямо сейчас – то я хочу любить, если же завтра – то можно и пожениться. Но какой любви ты от меня хочешь, Аркаша? Смогу ли я обеспечить тебя, Аркаша, достойной тебя любовью?

– А я-то воображал, что вся империя знает мои условия! А ведь они на редкость просты и удобны для заучивания и распевания хором: любовь ко мне не может не быть всепоглощающей – раз – и всеобъемлющей – два-с.

– Я согласна, милый, на твои условия! – воскликнула Гризельда. – Я уже люблю тебя более всепоглощающе, чем Вотана, и более всеобъемлюще, чем его же!

⁶⁸ Иды – середина месяца в древнеримском календаре. Сентябрьские иды приходятся на 13-е сентября.

⁶⁹ Алисон (Ализон) – римское укрепление в Вестфалии на р. Липпе.

– Попробовала бы ты не согласиться, – пробурчал Аркаша. – Но мы будем спускаться на землю? Как у вас принято?

– Зачем? С тобой и на дереве рай.

– Тогда постараемся не упасть. Вся надежда только на твои когти.

– Люби меня, и ты никогда больше не упадёшь, а если и упадёшь, то не разобьёшься, а если вдруг решишь умереть, то умрёшь стоя, как мы, херуски!

– Или повиснув, как вы, херуски, что, впрочем, тоже неплохо, – пошутил Аркаша. – Но я готов любить тебя и за так, потому что мне нужно кого-то любить кроме себя. И мне хочется любить тебя по-настоящему: больше жизни – твоей жизни, конечно, и больше смерти – конечно, смерти врага Отечества.

И он полюбил её по-настоящему, по-русски. И она полюбила его по-настоящему, по-херусски. И они любили друг друга настолько по-настоящему, что так и не нашли времени на женитьбу.

Как и Аркаша, Арминий в эту ночь проявил себя молодцом. Но едва забрезжил рассвет, он оставил мирно посапывающее розовое тело Туснельды и, то на четвереньках, то ползком добрался до лужайки, где его уже ожидали заговорщики со следами тяжёлого похмелья на лицах и окружающем пейзаже.

– Вы больше похожи на общество анонимных алкоголиков, чем на могильщиков Рима, – приветствовал их Арминий.

– Поглядел бы ты на себя, – нелюбезно ответил один из заговорщиков.

– И то верно, – согласился Арминий. – Итак, Вар со всеми тремя легионами и со всеми вспомогательными войсками завтра выступает в поход и через неделю окажется в Тевтобургском лесу⁷⁰, где мы и будем его ждать, заранее устроив засаду.

– Ох, тяжело нам будет добраться туда раньше них, – простонал один из заговорщиков.

– Им будет не легче, – парировал Арминий, – мы устроим завалы на всём их пути.

– А если Вар вышлет разведчиков? – спросил один из заговорщиков.

– Не вышлет, – успокоил его Арминий. – Он стар и ленив, он – больше не воин, а сборщик налогов, и кроме того, полностью мне доверяет: ведь даже наветы моего тестюшки не смогли поколебать его веру в меня. А с тестюшкой я ещё посчитаюсь.

– Что будем делать с Аркашей? Не пора ли и с ним посчитаться? – спросил один из заговорщиков.

– Аркашу не трогать! Аркаша – он и не их, и не наш, он – над нами! Он настолько лучше и чище... – Арминий оборвал фразу на полуслове, едва не захлебнувшись от избытка чувств.

– Отдай ему свою жену, если он такой замечательный, – предложил один из заговорщиков с нехорошим смешком.

– Надо будет – отдам, и не только жену, – прокашлявшись, пообещал Арминий.

Через неделю ополчение херусков, бруктеров, марсов и хаттов⁷¹, замаскированное под пни, стволы и кочки, расположилось в Тевтобургском лесу вдоль дороги на крепость Алисон.

С криком «Мочи макаронников!» Арминий первым спрыгнул с одного из завалов, преграждавших римлянам путь, и ринулся в бой.

С криками «Мочи макаронников!» германцы вместе с проливным дождём сыпались сверху и сбоку, спереди и сзади, вырастали из-под земли.

Когда на третий день молотилова почти всё уже было кончено, два воина подвели к Арминию Квинктилия Вара.

⁷⁰ Тевтобургский лес – гряда низкогорий в Германии в районе среднего течения Везера.

⁷¹ Бруктеры, марсы, хатты – древнегерманские племена.

– Отпустите его, – приказал Арминий, глядя поверх головы своего бывшего руководителя. – Мы со стариканами не воюем. И мы не воюем с мытарями – мы воюем с солдатами.

Квинтилий Вар молча вынес это последнее прижизненное оскорбление.

Смерив Арминия взглядом от живота до шеи, он развернулся через левое плечо и строевым шагом прошёл по трупам. Победители, дружно обиравшие павших римлян, его не трогали. На опушке он подобрал ещё не оприходованный ими меч одного из своих воинов и сделал единственное, что ему оставалось.

Аркаша одним из первых подоспел на место побоища.

– Поднимите мне веки! – потребовал Аркаша, чужая недоброе, но поскольку никто не решился исполнить его приказ, векам пришлось подниматься самим, преодолевая невероятную тяжесть прозрения.

Масштаб катастрофы стал ему ясен с первого взгляда. Поэтому найдя случайно труп Вара, Аркаша потребовал от него вернуть погибшие легионы.

– Квинтилий Вар, Квинтилий Вар, верни нам с Августом легионы! – теребил труп Аркаша.

Ничего Квинтилий Вар не отвечал, только страшно зенками вращал.

– Слышь, Квинтилий Вар, давай-ка, напрягись, возвращать всё равно придётся, счётчик включён, – предупредил Аркаша, приподнимая Вара за грудки. – Проследи, чтоб вернул, отвечаешь головой, – бросил он одному из сопровождавших его римлян, а сам направился далее в гущу порубленных тел, ещё надеясь отыскать там Арминия или хотя бы части его.

Весть о катастрофе приблизила кончину Августа. Не бритый, не стриженный, он, по наущению Аркаши, три месяца бился головой о стенку с криками: «Квинтилий Вар, верни легионы!⁷²», но не помогло даже и это, казалось бы, проверенное средство.

Тогда на усмирение германцев был снова брошен старый верный Тиберий, усиленный Германиком⁷³.

– С таким именем, – нашёл в себе силы на шутку семидесятирёхлетний император, – да с таким дядей, попробуй только не вернуть мне легионы!

Германик не попробовал не выполнить указание императора. Он нашёл место побоища и лично принял участие в захоронении легионерских костей – но это случилось уже после ухода Августа в лучший мир.

– Ну что, брат Сентябрь, – приветствовал Аркаша Тиберия, отозванного из Германии для престолонаследования, – пора, брат, принимать принципат, становиться, понимаешь, принцепсом. Только не говори, что тебе этого не хочется.

– Ах, Аркаша, – возразил Тиберий, – ты – вундеркинд, свободный поэт, всегда парящий над схваткой, ты не знаешь, какое это чудовище – власть.

– Так сразись с этим чудовищем и победи его, и верни нам республику⁷⁴, – предложил Аркаша, с любопытством глядя на названного брата.

– Чтобы вернуть нам республику, надо сначала стать императором, а императором я быть не хочу, как ты, Аркаша, уже, наверное, понял. Я солдат и счастлив только в бою, добывая для Родины очередную провинцию или подчиняя очередное непокорное племя.

⁷² «Вар, верни легионы!» – зафиксированные современниками слова Августа: это было самое тяжёлое поражение римлян за всю эпоху его правления.

⁷³ Германик – племянник и приёмный сын Тиберия, полководец, после смерти Августа отверг провозглашение себя императором, усмирил германцев.

⁷⁴ Верни нам республику – Римская республика была фактически упразднена Юлием Цезарем, первым императором стал Октавиан Август; последующие императоры были, за редким исключением, один тираничнее другого.

– Тогда зачем ты припёрся в Рим – оставался б в Германии, – усмехнулся Аркаша. – Ведь ты давно уже всё для себя решил, ты даже окружил себе личной гвардией – тогда распусти что ли гвардию.

– Не могу, Аркаша, рад бы, да не имею права, – отвечал Тиберий, сокрушённо пожав плечами. – Ну представь себе: распускаю я гвардию, и тут же любой, да вот хоть ты, сможет лишиться меня жизни. Да чёрт со мной: Тиберием больше, Тиберием меньше, но смута, которая наступит после этого, – она Рим погубит. Опять восстанут иллирийцы с паннонцами, а друг твой Арминий – так он вообще знает дорогу сюда не хуже своих болотных тропок.

– Ладно, уговорил. За Родину, за Сентябряуса⁷⁵! – крикнул Аркаша, не обращая больше внимания на Тибериевы слова: как и простые плебеи, к старости даже Тиберий стал словоохотлив. – Вот так, брат Сентябряус, я тебе присягаю. Веди нас в светлое будущее!

– В тебе-то я, Аркаша, ни минуты не сомневался, – отвечал Тиберий, тихо покачивая широколобой прыщавой головой. – Ну что ж, считай, почти убедил. Только ради тебя я и могу согласиться на это рабство. Но дай мне слово, Аркаша, если вдруг ты почувствуешь, что я начал злоупотреблять своей властью – ты скажешь мне это прямо в лицо, прям в рожу, как сейчас, и я немедленно сниму с себя все регалии и снова уеду на какой-нибудь Родос, а то и на Лесбос, где климат для стариков более благоприятен, чем здешний: ведь нет там клоак, подобных нашим.

– Зачем так далеко? – возразил Аркаша. – На твоём месте в следующий раз я бы уехал на Капри⁷⁶.

– Спасибо за совет, – обрадовался Тиберий, – я обязательно им воспользуюсь – вот увидишь. Ты знаешь, втроём с тобой и Германиком мы непобедимы, нам не страшен ни один враг – ни внешний, ни внутренний. Не так ужасно вляпаться во власть, когда рядом такие друзья. Хотя Германик и не совсем рядом, я чувствую его поддержку – искреннюю, как и твою.

Обстановка в Германии благодаря Германику, оставленному там за старшего, менялась очень быстро и большей частью не в пользу германцев. С несколькими отборными легионами Германик шнырял по германским тылам, разоряя всё попадающееся под руку и подавляя в зародыше очаги возможного сопротивления.

И Туснельда, приехавшая погостить к отцу и показать ему внука, в один непрекрасный момент оказалась на территории, подконтрольной врагу.

Собрав небольшую дружину, Арминий отправился к тестюшке за женой и сыном, но старый недруг, недобитый только вследствие заступничества дочерей, организовал ему ожесточённый отпор.

Осаждённый в своём доме-крепости маленьким, но агрессивным войском Арминия, Сегест умело держал оборону, а кроме того, наловчился использовать камни, которыми забрасывали его нападавшие.

– Любимому зятюку! – кричал он, выбрав камень поувесистее и запуская им в сторону родственника.

– Нелюбимому тестюшке! – кричал тот в ответ, запуская в Сегестову сторону ещё более крупный булыжник. – Осаждённый Сегест, извольте выпустить мою жену на счёт «три».

– На счёт «три» я выпущу твои вонючие кишки! – острил в ответ Сегест.

Вскоре, привлечённые звуками боя, в окрестном лесу замелькали римские разведчики. Почувствовав, что фортуна не в духе, Арминий, уже дважды битый римлянами, снял осаду и успел растаять в лесах. Он едва не нарвался на легион во главе с самим Германиком.

Сегест встретил римлян в дверях с поднятыми руками и зловещим блеском в глазах.

⁷⁵ За Сентябряуса – на Тиберии прервалась традиция называть месяцы в честь римских императоров (июль, август).

⁷⁶ Я бы уехал на Капри – в 27-м году н.э. Тиберий воспользовался Аркашиным советом и переехал на Капри.

– Я, князь Сегест Первый и, видать, Последний, – рапортовал он Германику, – близкий родственник небезызвестного Арминия, решил явиться с повинной. Желая передать себя в руки римского правосудия.

– Я слышу речь не херуска, но римлянина, – отвечал благородный Германик.

– Берите мою старую голову – и поделом ей будет – это я предупреждал Квинктилия Вара о вероломстве Арминия, но не сумел настоять, не хватило настойчивости, целеустремлённости и других качеств, присущих подлинным римлянам, – каялся Сегест.

– Такую повинную голову римский меч не сечёт, – успокоил его слегка озадаченный таким излиянием чувств Германик.

– Но правосудие должно свершиться! Арминий – враг Рима и, значит, – враг народа, – продолжил самообличения Сегест. – Он изменил Риму – и, значит, изменил Родине. За неимением самого изменника Родины я предлагаю передать правосудию членов его семьи – его жену, сына и тестя, которые скрываются в этом доме.

– Папенька, не выдавайте их! – взмолилась Гризельда, всё дожидавшаяся своего Аркашу в отцовском доме.

– Да им просто покажут столицу мира, а то весь век просидят в нашей дыре, – попытался успокоить её Сегест.

Но, чувствуя, что аргументы его не производят на неё впечатления, он закричал:

– Ты думаешь, мне не больно? Но ему, Арминишке, будет ещё больнее, так как он слабый, этот предатель, бьющий исподтишка, он слабее меня, и ради этого я готов терпеть свою боль – и ты претерпи!

– Дело не в вашей боли! – возмутилась Гризельда. – Сколько вам пообещали за сестру римляне? Скажите – Арминий даст больше.

– Дура! – рявкнул Сегест. – Смотри! Смотри, как мне больно, но ему будет ещё больнее! – и он ударился головой о стену, как бился недавно Август. – Смотри и ты, Туснельда, – добавил он, увидев тихо вошедшую старшую дочь.

И он бился о стену головой, оставляя граффити в виде ключев седых волос и кровавых потёков, как от огромного раздавленного комара-кровососа.

– Дешёвка, – Германик сплюнул и вышел вон. – Отправьте в Рим женщину с ребёнком, старика оставьте – не доедет, – бросил он на ходу ординарцам.

– Неужели, Туснельда, ты думаешь, что я не люблю тебя? – упавшим голосом спросил Сегест, растерянно глядя вслед Германику. – Я хотел быть с вами, я хотел защищать вас...

– Мне всё равно, – холодно сказала Туснельда, глядя в окно. – Все меня любят, но сегодня меня и моего сына погонят в Рим как добычу.

– Эй вы! – крикнул Сегест сопровождавшим Германика римлянам. – С вами поедет королева. Кто вызовет её неудовольствие – будет иметь дело со мной, Сегестом!

– Папаша, будь спок, – хмыкнули римляне, – всё будет ОК. Только пусть много барахла не берёт – мы её обеспечим казённым. И ты, рыжая, собирайся, – сказали они Гризельде.

– Хватит с вас и одной! – крикнул Сегест, заноса над Гризельдой кинжал. – Вторую фиг получите!

– Ладно, ладно, остынь, – отступили римляне. – Не хочет в Рим – пусть остаётся в своей глухомани.

Тиберия, уже подсевшего на иглу императорской власти, но всё ещё продолжавшего игру в поддавки со своими сторонниками и в кошки-мышки со своими противниками (он всё тянул с согласием возглавить империю), не могли не беспокоить победы Германика: юный племянник, любимый и в войсках, и в плебсе, и в сенате, тревожил его теперь больше, чем вся бунтующая Германия со всеми её Арминиями.

И он отозвал Германика в Рим, подальше от преданных племяннику легионов. Дабы смягчить отставку, Германику был устроен триумф с размахом, ещё не виданным в Риме – судя по воодушевлению его участников. За колесницами с триумфатором и его семьёй, за телегами, набитыми трофеями, под восторженные вопли толпы шли колонны пленных германцев и впереди всех – Туснельда.

Рядом с Туснельдой семенил младенец – её сын Тумелик. Младенец улыбался: ему нравился праздник.

«Аркаше Россиянику от Цезаря Германика» было написано на ленте, которая спускалась с левого плеча Туснельды на правое её бедро.

– Я угодил тебе с подарком, Аркаша? – спросил сияющий Германик, когда триумф завершился.

– Спасибо за меткость, ты попал в точку, – ответил Аркаша, он был тронут, но немного смущён. – Я могу забрать их?

– Можешь забрать, можешь оставить, тогда мои люди продадут их и вырученное доставят тебе.

– Я лучше заберу их, – поспешно сказал Аркаша.

– А я бы тоже так поступил, – понимающе усмехнулся Германик.

– Ты похожа на сестру, – сообщил Аркаша, отведя Туснельду с сыном к себе. – С чего бы это, как думаешь?

Туснельда молча улыбалась.

– Ты такая же аппетитная, только грустная – но от этого ещё более аппетитная.

Туснельда молча улыбалась.

– У тебя аппетитная попка, хоть в этом балахоне её не просто прочувствовать.

Туснельда молча улыбалась.

– У тебя аппетитные ножки, должно быть, они устали с дорожки.

Туснельда молча улыбалась.

– У тебя аппетитные щёчки, правда, слегка запylённые.

Туснельда молча улыбалась.

– Ну, блин, скажи же хоть что-нибудь, – не выдержал Аркаша.

– Хоть что-нибудь, – повторила Туснельда.

– Сбрендил что ли? – догадался Аркаша.

– Сбрендил, – подтвердила Туснельда.

– Придётся тебя лечить. Как тебя лечить, добротой или злобой?

– Добротой или злобой, – откликнулась Туснельда.

– Хорошо, я тебя вылечу – я вылечу тебя любовью.

И он полюбил её. И она полюбила его – так ему показалось. И они любили друг друга до самой смерти (как ему представлялось), но так и не поженились – она была замужем.

Получив Туснельду, Аркаша заторопился жить и заспешил чувствовать. Правой рукой он теперь приветствовал благородных сенаторов, шествующих к месту службы, левой ласкал их жён, приятной беседой занимая первых, выслушивая пылкие признания вторых и одновременно сочиняя очередной шедевр (так были написаны «Сентябрьские иды»).

Аркаша входил в сенат предпоследним. Последним являлся император.

– Сам пришёл! – толкали друг друга в бок сенаторы.

С подчёркнутой скромностью, опустив голову («Пройти, не поднимая глаз», – шептал про себя Тиберий), он проходил на своё место. Сенаторы вставали и долго и шумно приветствовали его аплодисментами, Тиберий же при этом лишь сумрачно улыбался.

Движением руки он открывал сессию. По этому знаку срывавшиеся с места, как спринтеры, избранники народа наперебой старались ему понравиться, пытаясь уловить на лету движение сановных бровей и соревнуясь в наиболее точном угадывании хода мыслей великого руководителя. Цена ошибки была велика, как и руководитель, и с каждым годом становилась всё дороже – как и руководитель.

Аркашу всё это страшно раздражало. Будучи не в духе – а вид Тиберия теперь почти всегда приводил его не в дух – Аркаша начинал похамливать императору и откровенно хамить сенаторам. Сенаторы стоически сносили Аркашины оскорбления и радостно смеялись над собой вместе со всеми после очередной Аркашиной выходки. Тиберий тоже реагировал на Аркашу доброжелательно, но в дискуссии с ним не вступал, считая это теперь ниже своего достоинства и лишь покачиванием головы давая понять, что сожалеет о столь дурном Аркашином воспитании, но ничего с ним поделать пока не может или не хочет.

Но вскоре Тиберию стало не до Аркаши: по Риму поползли слухи, что Германик, отправленный императором в Азию, тяжело болен. Причиной его болезни называли яд, подсыпанный сирийским наместником Пизоном⁷⁷ согласно тайной инструкции Тиберия. Ничто так сильно не волновало теперь римлян, как здоровье любимого полководца.

Когда известие о смерти Германика приобрело прямоугольные и жёсткие очертания гробовой доски, скорбь, подобно туману, накрыла Рим, провинции и соседние государства.

Праха покойного, морем привезённый вдовой в Италию, сопровождали до Рима когорты преторианцев⁷⁸, консулы, сенаторы и просто граждане Рима. Из окон домов, мимо которых тянулась траурная процессия, хозяева выбрасывали дорогую утварь, домашних богов и младенцев, имевших несчастье родиться в столь скорбные дни.

Среди венков и траурных даров, сопровождавших процессию, особенно выделялся Аркашин дар. Поговаривали, что сначала он хотел заказать для этой цели у местных полуподпольных художников новой волны чучело Тиберия, набитое тряпьем, навозом и мусором, но передумал и собственноручно, поглядывая на Туснельду, за пару недель вытесал статую обнажённой прекрасной варварки с обритой в знак скорби головой. С её правого плеча на левое бедро была перекинута белая лента с надписью: «Цезарю Германику от Аркаши Россияника».

Посреди всеобщей скорби лишь Тиберий был вынужден не поддаться ей целиком и лишь Тиберий нашёл в себе силы озаботиться духовным здоровьем нации.

– Правители смертны – государство вечно, – заявил он римлянам. – Давайте, пора, возвращайтесь к жизни и развлечениям.

По распоряжению Тиберия для возвращения его самого и его народа к жизни после тяжёлой утраты в году шестьдесят втором от его рождения⁷⁹ был устроен ряд театрализованных представлений с гладиаторскими боями.

На один из боёв явился и Аркаша со своей варваркой и плакатиком «Риму – Рим!». Аркашина ложа располагалась прямо напротив ложи императора, и Аркаше хорошо было видно, как Тиберий движением пальца подарил поверженному ретиарию⁸⁰ лёгкую смерть и бесстрашный гладиатор-германец пропорол мечом обречённое горло.

– Ещё зрелищ! Ещё зрелищ! – скандировали почитатели зрелищ.

– Зрелищ хотите? – рявкнул Аркаша, разъярённый царственным жестом Тиберия не менее, чем кровожадностью толпы. – Я вам устрою зрелище!

⁷⁷ Пизон – считается, что Германик был отравлен в Сирии тамошним наместником императора Гнеем Кальпурнием Пизоном и его женой Плагиндой.

⁷⁸ Когорта преторианцев – воинское подразделение (около 500 человек) императорской гвардии.

⁷⁹ В году шестьдесят втором от его рождения – в 20-м году н.э.

⁸⁰ Ретиарий – гладиатор, вооружённый трезубцем и сетью.

Под его могучей поступью задрожали даже каменные ступени цирка. На арене он подобрал уже ненужные ретиарию трезубец и сеть.

– Я сыграю с тобой в поддавки! – крикнул он германцу. – Смотри! – и он вонзил себе трезубец в левое бедро.

– Вы любите кровь? Вот кровь! – рычал Аркаша, гоняясь за гладиатором по кругу, и кровь тремя ручейками стекала по его ноге.

– А вот вам ещё кровь! – крикнул он рокочущим, как водопад, голосом, пригвождая трезубцем к парапету холёную сенаторскую ладонь. – Я вам покажу пальцы веером! – кричал Аркаша – свирепый, как раненый гунн.

Первый ряд владельцев пальцев в печатках в ужасе повскакал с мест и ринулся наверх. Тогда Аркаша достал трезубцем предплечье во втором ряду. С воплями и визгом второй ряд опрокинул третий.

Почти удовлетворённый, Аркаша переключился на германца, поймал его, вконец обессиленного, сетью и опрокинул на песок.

– Недолго же ты трепыхался, – заметил Аркаша, и на лице его наконец-то зазмеилась улыбка.

Пальцы сограждан и самый главный палец – палец Тиберия – тянулись вниз.

– Хрен вам! – прорычал Аркаша и запустил трезубцем в трибуны.

Пальцы потянулись вверх.

– Хрен вам! – снова прорычал Аркаша, ударом ноги переламывая противнику шейные позвонки.

Под восторженный рёв толпы германским мечом он отсёк германское ухо и прошествовал с ним к императорской ложе.

– Солнце наше незакатное, – елейным голосом начал Аркаша, – прими от убогого дар. Большому Брату – Большое Ухо, чтобы лучше слышать, кто о чём шушукается.

– Аркаша, – с достоинством отвечал Тиберий, – вы заходите слишком далеко в выражении ваших верноподданнических чувств. Тем не менее, мы благодарны вам за доставленное наслаждение и за трофей, равного которому мы не припомним.

– Я могу добыть ещё и другие, не хуже, – Аркаша сделал вид, что хочет броситься за оставшимися трофеями. – Я могу ещё добыть Большой Глаз, чтобы лучше видеть, кто что замышляет, и Большой Нос, чтоб вынюхивать, кто где что прячет.

– Спасибо, Аркаша, на сегодня трофеев хватит, – твёрдо объявил император.

Глубоко опечаленный таким решением, Аркаша только развёл руками. Так с разведёнными руками он и вернулся к покойному гладиатору.

– Что бы ещё с тебя поиметь? – спросил Аркаша, наклоняясь к телу, и тут взор его привлёк вывалившийся изо рта язык. – То, что надо, – произнёс Аркаша, отсекая язык.

Язык он пронёс по рядам с не меньшей торжественностью, чем ухо. Грациозно изогнувшись, Аркаша возложил его к ногам Туснельды, но та не проявила к трофею особого интереса.

– Бери, бери, – подбадривал её Аркаша. – Не бойся. Это – подарок. Я ничего не потребую взамен.

Но Туснельда всё равно не хотела подарка.

– Как хочешь, – пожал плечами Аркаша и метнул язык на арену, где за право обладания им сразу же образовалось минипобоище.

Когда Аркаша без языка, но с Туснельдой, возвращался домой, дорогу им преградили братья Брот, Брют, Брит, Брет и Борт.

Братья присутствовали в цирке и ещё недавно дружно горланили «Атас! Ату его! Ату сенаторов!» Сами братья на сенаторов пока не тянули, но двое старших уже числились кандидатами в таковые.

– Здорово, братки, здорово, красавцы! – приветствовал Аркаша братьев, у которых низкие лбы располагались практически на одной прямой с их же носами. – Зрелище кончилось. Можете расходиться.

– Здорово, братан! – хором отвечали братья.

– Мы видели статую. Мы на неё запали. Мы хотим в натуре, – сказал Брют.

– В натуре, продай нам свою германку, – поддержал брата Брот.

– Сей момент, – пообещал Аркаша. – А сколько вы за неё дадите?

– Сколько захочешь, – сказал Брот. – Пятьсот сестерциев хватит?

– Она столько не стоит, – возразил Аркаша. – Ей красная цена – два, ну три сестерция.

– Держи три сестерция, – сказал Брют, – и давай бабу.

– Деньги вы, конечно, предлагаете хорошие, – признал Аркаша, расплываясь в хорошей, доброй улыбке, – но я не правомочен её продавать.

– А кто же может её продать? – спросил Брют.

– Арминий, – сказал Аркаша и улыбнулся ещё добрее. – Арминий – её хозяин. К нему и обращайтесь. Я уверен, вам он не откажет. Тем более, за три сестерция. Пошли, Туснельда.

– Твой отец в Риме, – объявил Аркаша дома спустя пару месяцев. – Он хотел бы увидеть тебя и внука.

– Хочет видеть – пусть видит, – равнодушно произнесла Туснельда.

Когда отец вошёл, она стояла к двери боком.

– Ты права, – вымолвил Сегест после трёхминутного молчания. – Чего на меня глядеть: старый больной хрыч, у меня только и осталось, что лысина да усы – и те седые, мерзкое зрелище, ничего не скажешь. То ли дело Аркаша – статен, могуч, курчав.

Аркаша сосредоточенно ковырялся в ухе зубочисткой.

– Я рад за тебя, – продолжил Сегест. – Я рад, что ты выбрала Аркашу и забыла своего бывшего мужа. Он окончательно зарвался, но нашлись люди, сумевшие его остановить. Он слишком многого захотел – и ладно бы только твою сестру. Сейчас его судьбу решают наши князья – да, без меня, я отказался от этого удовольствия. Может, его казнили уже, может, казнят на днях, а может, дождутся меня или ещё кого.

Сегест добился своего. Широко прищуренные глаза Туснельды метнулись с Аркаши на отца.

– Ну вот, хоть чем-то я тебя всё же порадовал – маленьким приветиком с Родины, – заметил Сегест, невесело ухмыляясь. – Однако, не буду вам больше досажать своим стариковским присутствием.

И он ушёл, так и не повидав внука.

– Поеду-ка я, понаблюдаю за казнью, если ещё успею. Лучше пусть его казнят со мной, чем без меня, – не без печали в голосе заявил Аркаша. – Я надеюсь, ты меня дождёшься?

– Только для того, чтобы узнать, чем ты помог Арминию, – отозвалась Туснельда.

– Я помогу ему встретить давно заслуженный конец с достоинством, которому когда-то, смею надеяться, научил, – холодно произнёс Аркаша.

Князья встретили Аркашу настороженно.

– О, Глюков, Глюков, Глюков, ты – не наш, ты – не наш, не с нашего ты, милый, фатерлянда, – пропели ему князья.

– Не всем так повезло в жизни – родиться в фатерлянде, – улыбнулся Аркаша. – Мне вот в жизни определённо не повезло.

– Ах, кто бы это говорил, Аркаша, – возразили князья. – Любого из твоих талантов хватит, чтобы прокормить целое племя.

– Довольно трёпа. Я не куплюсь на ваш дешёвый подхалимаж, – сурово заявил Аркаша. – Если Арминий жив ещё – ведите меня к нему, если отправлен к Вотану – покажите мне его скальп.

– Прав был Арминий, – признали князья, вздохнувши, – варвар – ты и есть варвар. Пошли, однако.

Арминий был помещён в яму глубиной метров шесть. Один из углов ямы служил ему столовой, второй – отхожим местом, третий – молельней. В четвёртом угле, предназначенном для отдыха и приёма гостей, Арминий смиренно сидел и ждал Аркашиного прихода. Князья, сопроводив Аркашу до ямы, тактично удалились.

– Эк, парень, куда тебя занесло, кто бы мог о таком помыслить ещё год или два назад! – присвистнул Аркаша, севши на край ямы и свесив к Арминию стройные ножки.

– Это есть благодарность соплеменников за мои подвиги, – ответил Арминий из своего угла. – Ты знаешь, в чём они меня обвиняют?

– И знать не хочу, – отрезал Аркаша. – Я знаю, в чём обвиняю тебя я.

– Я заявил им, что не признаю решения их суда. Я заявил им, что из всех живущих лишь ты один вправе судить меня. – сказал Арминий, поднявшись и потянувшись.

– Вот здесь ты прав, хоть я, как ты знаешь, не являюсь судебным органом и могу судить тебя лишь в исторической перспективе, – согласился Аркаша, постукивая ножкой об ножку.

– Я вверяю себя твоему решению, – сообщил Арминий, перейдя в молельный угол.

– Я могу отбить тебя у германцев, – вслух размышлял Аркаша, дрыгая одной из ножек, – но после этого передать в руки римского правосудия – ты нарушил присягу, и пепел Квинктилия ещё стучит в моём сердце. Другого выхода я не вижу. Может быть, ты таковой видишь – тогда назови его.

– Спасибо, Аркаша, я не стою таких усилий с твоей стороны, – отвечал Арминий, переходя к отхожему месту.

– Ты знаешь же, я служу как всему человеческому народу, – горделиво заявил Аркаша, – так и отдельным его составляющим, пусть даже и не очень достойным и не заслуживающим особого снисхождения. Не будем показывать на них пальцами.

– Будем считать, что ты меня осудил. Я хочу, чтоб ты присутствовал на нашей казни, – отозвался Арминий из отхожего места. – Князья обещали, что это будет не просто казнь, но принесение жертв Вотану. На жертвоприношение во славу Родины я не могу, как ты понимаешь, не согласиться.

– В таком случае подкрепись. Не бойся – они не отравлены, – усмехнулся Аркаша и швырнул Арминию холщовый мешочек с желудями, перевязанный розовым бантиком. – А кого это удостоит чести быть казнённым вместе с тобой?

– Гризельду, ты должен её помнить, – отвечал Арминий, переходя с Аркашиным мешочком в угол приёма пищи. – Как я доверил себя твоему решению, так и она доверилась мне: я должен был решить, умереть ли нам вместе здесь или – с твоего согласия и с твоей помощью – прорываться в более благосклонные к нам земли.

– Забавно, – проговорил Аркаша, дрыгая второй ножкой, – ты мог бы сообщить об этом и пораньше.

– Это был мой сюрприз тебе, домашняя заготовка, – усмехнулся Арминий.

– Я рискую сильно огорчить её сестру. Ты ведь знаешь, что жена твоя и сын живут в моём доме: я приютил их, а мог бы и в рабство продать! – в свою очередь, усмехнулся Аркаша.

Арминий замолк. Гордость долго не позволяла ему задать главный вопрос.

– Я помню твой дом, – вымолвил он наконец. – Скажи, Туснельда живёт в той же комнате, где жил я?

– Увы, – снова усмехнулся Аркаша, – она живёт в той же комнате, где живу я. Это – моя комнатно-домашняя заготовка. Бывает, когда я сплю с ней, я вспоминаю Гризельду: они очень похожи, да ты и сам это понял, наверное. Вспоминает ли она тебя в такие моменты – вот этого, извини, я не знаю.

– Как Тумелик? – спросил Арминий, садясь в самый центр своей ямы. – Он-то меня вспоминает?

– Не могу этого утверждать, – отвечал Аркаша, который успел привязаться к мальчишке не меньше, чем к его матери. – Однако, чем-то он на тебя похож.

– Хочешь жёлудя? – сменил тему Арминий.

– Кидай, – с радостью согласился Аркаша. – Только не в лоб. Я открою рот – и попробуй мне промахнуться.

И Арминий не промахнулся. Разжёвывая жёлудь, Аркаша даже одобрительно пару раз причмокнул; Арминий расценил это как похвалу.

Следующим утром, наблюдая за приготовлениями к казни, Аркаша всё ещё дожёвывал тот самый жёлудь.

– Ну что, Аркаша, – спросил Арминий, просовывая голову в петлю, – может, с нами? Может, втрём, как бывало?

– Туснельда не поймёт меня, – покачал головой Аркаша, – так что, прости и прощай. Привет Августу.

– Привет Тиберию. За Родину, за Глюкова! – крикнул Арминий и прыгнул, и повис, и затрепыхался, и умер.

– Никак, Гризельда? – Аркаша решил изобразить удивление, дождавшись последней конвульсии своего бывшего воспитанника. – Это так-то ты меня любишь до смерти?

– Прости, Аркаша, но о любви не будем: здесь слишком много лишних ушей, – отвечала Гризельда, добровольно просовывая голову в петлю. – А ты не хочешь попробовать остановить меня?

– Не хочу, – покачал головой Аркаша. – Ты поступаешь правильно. Умри крылатой.

– Спасибо тебе за поддержку, прощай, – прочувствованно произнесла Гризельда, изговляясь к прыжку.

– А я не прощаюсь, – говорил ей Аркаша, пока Гризельда прыгала, повисала, трепыхалась и умирала. – Я чувствую, мы скоро свидимся.

Въехав в Рим 13 сентября первого года четвёртого консульства Тиберия, Аркаша спешил. Ему хотелось пройти по Вечному городу босиком. Почти каждый камень здесь был полит его потом, почти каждый второй – кровью, и почти каждый третий – спермой.

У статуи Тиберия (у самой главной из целой россыпи статуй Тиберия – на которую вундеркинд последнее время предпочитал справлять небольшую нужду) Аркашу поджидали пятеро братьев.

– А, святое семейство? Не надо торжественных подношений, я и так всегда рад встрече с вами в тёмное время суток да в самом тёмном уголке империи, – приветствовал братьев Аркаша.

– Ты зря не продал мне свою варварку, – так Брот ответил на дружественное приветствие. – Я ведь всё равно поимел её, я оттрахал твою любовницу по самую печёнку, и все мои братья оттрахали твою сожительницу, и все мои клиенты⁸¹ оттрахали твою содержанку, и все мои рабы оттрахали германскую королеву, прежде чем она окочурилась. А теперь мы будем убивать тебя – долго и больно. А потом оттрахаем и тебя.

⁸¹ Клиенты – лица, находившиеся под покровительством патрона, несли повинности в его пользу.

– И ты, Брот, туда же, – с огорчением проговорил Аркаша. – Но стоит ли ждать, пока я окочурюсь? Давайте займёмся любовью прямо сейчас, вы только поглядите на мою задницу! – и Аркаша бесстрашно повернулся к братьям своим скульптурным задом и задрал тунику.

Братья онемели от восхищения то ли Аркашиной задницей, то ли Аркашиной прямотой.

– Ну же, Брот, давай, чего же ты? – говорил Аркаша, пятясь в направлении Брота. – Ну как хочешь, я дважды не предлагаюсь.

С этими словами Аркаша выхватил кинжал и вспорол Броту брюхо.

– Вот так, одним кандидатом в сенаторы меньше. Ну, кто там ещё посмеет мне отказать? – спросил Аркаша, отскочив на запасную позицию к статуе и поигрывая недобро горящими глазками.

Взревев, братья оставили испускающего дух предводителя и кинулись на Аркашу. Аркаша упёрся спиной в постамент статуи («Не подведи, брат!» – шепнул Аркаша Тиберию Мраморному) и взмахнул кинжалом.

– Не ссы, подходи, – командовал Аркаша действиями братьев. – Давай по новой, – говорил он, когда очередной хитрый манёвр братьев расстраивался. – Заходи сзади. Раз, два, навались. Попробуй с разбега! – кричал он, хихикая, кривляясь и симулируя боль от ран. – Ну, налетай!

Тем временем кинжал Аркаши, не менее острый, чем его язык, оставлял кровоточащие разрезы на телах Брюта, Брита, Брета и Борта.

– Не ссать, перегруппироваться, – дирижировал ими Аркаша. – Двое заходят справа, двое – слева... – очередной сарказм застрял у него зубах.

Из-за Мраморного Тиберия незаметно вышел Тиберий, безоружный, бледный и обезоруживающий своей бледностью. «Римский народ устал от тебя», – столько раз Тиберий мысленно проговаривал эту фразу. «Откуда ты знаешь?» – спросил бы Аркаша. «Римский народ делегировал мне право всё знать, – отвечал бы Тиберий, – и я это право использую во благо своего народа».

– И ты, брат, – произнёс Аркаша, не то чтобы удивившись.

– И я, брат, – произнёс Тиберий, не то чтобы сконфузившись.

– Возьми, брат, – Аркаша протянул ему свой кинжал. – Это – последний подарок.

– Благодарю, брат, – отвечал Тиберий. – Хочу просить тебя ещё об одном одолжении: позволь мне ударить тебя.

– Да бей, не стесняйся. Только постарайся попасть вот сюда, – Аркаша ткнул окровавленным пальцем в бугорок левее своей грудины.

– Я сюда, в принципе-то, и хотел ударить, – признался Тиберий, рассматривая лежащий в его ладони кинжал.

Но кинжал не падал из его раскрытой ладони.

– Соберись, брат, – напутствовал его Аркаша. – И сначала тебе будет больно, но потом – приятно.

– Когда же будет приятно? – спрашивал Тиберий у Брюта, Брита, Брета и Борта, кромсая Аркашино тело.

Приятно не наступало

5. Нескромная омерзительность витализма + 6. Это сладкое слово – амёба

В лондонском театре «Глобус» Аркаша презентовал свой очередной (шестьдесят шестой) автобиографический роман, который так и назывался «Я № 66 или Путь вундеркинда». Почти каждый новый Аркашин роман отличался от старого лишь перетасовкой глав и абзацев, что придавало всей серии (выходившей под названием «Жизнь замечательного человека») особую прелесть как в глазах гурманов-глюковочиев, так и в глазах не столь ещё искушённых простых любителей и ценителей Глюковского слова.

Аркаша с чувством и выражениями читал страницу за страницей, причём иногда он намеренно, как бы на бис, несколько раз зачитывал одну и ту же страницу, а Ганга, изображая рок, трагически подвывала ему из-за ширмы.

Мировой бомонд внимал им с открытыми ртами, выпученными ушами и красными, полными слёз, глазами.

Аркаша кончил, Ганга кончила минут через пять после Аркаши. Зал катарсисуально молчал. Ганга вышла из-за ширмы и присоединилась к Аркаше, поминутно кланяясь залу. Наконец над вставшими дыбом париками взметнулась рука.

– Прощу, ваш вопрос! – ободрил смельчака Аркаша.

– Аркаша, в принципе жизнь ваша известна человечеству, и в том числе каждому из нас, здесь присутствующих, до последнего, извиняюсь, чиха. Так почему же мы всё равно, затаив дыхание, на грани обморока, на грани между жизнью и смертью, следим за перипетиями вашей вундеркиндальной судьбы в вашем конгениальном исполнении? – спросил Чжи Ху, герцог Орегонский и Невадский, как бы суммируя главный невысказанный вопрос всех добившихся права попасть в этот зал.

Аркаша (а хитринка так и поигрывала в уголках его глаз) прищурился:

– Всё дело в Ганге. У неё на редкость эротичный тембр. И не только тембр.

Вопрос герцога и ответ Аркаши как бы прорвали плотину, сдерживавшую у кого-то – природную любознательность, у кого-то – природное любопытство. Вопросы сыпались наперебой, и Аркаша был вынужден ограничить их число шестьдесятю шестью. Возможность задать последний вопрос Аркаша присудил сёстрам-княжнам Иванке и Бориске.

– Аркаша, почему всё-таки для написания ряда своих ранних драматических произведений вы выбрали такой странный псевдоним: Схакеспеаре, ведь некоторые теперь путают вас с Шекспиром?! – спросили в один голос сёстры-княжны.

Аркаша моргнул и сглотнул слюну: лучистые глаза княжны Иванки явно чем-то облучали его; Бориска же сидела, потупив взор. Такие трудные вопросы Аркаша недолюбливал и сам на них не отвечал, отсылая всех не в меру любопытных к Ганге; Ганга же отделялась от них поклонами.

Когда, удовлетворив шестьдесят семь лучших представителей человеческого рода, Аркаша с семейством (Аркашино семейство насчитывало трёх человек: Гангу и Аркашу, так как сам Аркаша считался минимум за двоих) выходил из театра в окружении экзальтированных мэров, сэров и пэров и их мэрих, сэрих и пэрих, Ганга невольно замедлила шаг. Она имела одну известную Аркаше слабость: любила засматриваться на красивые женские лица. Здесь надобно попутно отметить, что англичанки, по крайней мере, в окрестностях театра «Глобус», не все отличаются совершенной красотой.

Поэтому Аркаша, тончайший знаток всего на свете, в том числе, естественно, и женщин, не поленился проследить за её взглядом и не смог удержаться, чтобы не шепнуть Ганге:

– Какая хорошенькая брюнетка...

– Я не брюнетка, – быстро сказала брюнетка, проскользнув сквозь непролазную толпу как инфузория сквозь туфельку. – Мои волосы – тёмно-каштановые.

– Она и вправду хороша: нос, рот, губы, волосы, целых два глаза – и ничего лишнего, и всё на своём месте, – восхищённо цокая языком, отметила Ганга.

– Обратите внимание на мою грудь, – сказала брюнетка, указав взглядом, на что именно следует обратить внимание. – Она невелика, но оч-чень занимательной формы.

– Вы читаете по губам? – спросил Аркаша.

– Мысли великого Глюкова должно ловить на лету, пока тутошные аборигены не затуманили их своим смогом, – туманно пояснила брюнетка, цокая языком не хуже Ганги.

– Это Ганга – лучшая, но меньшая из моих половинок, – сказал слегка польщённый Аркаша, представляя задумчиво улыбающуюся Гангу в качестве ответной любезности.

– Бросьте. Ну кто же не знает Гангу? Лучше позвольте представить меня: я – Виталия! – представилась Виталия, с явным интересом оглядывая Гангу.

– Певица? – спросил Аркаша, как будто что-то припоминая.

– Нет, я возмутительница общественного спокойствия, – отвечала Виталия, продолжая внимательно рассматривать Гангу.

– Никогда не слышал о таком занятии, – вежливо заметил Аркаша: он распознал в Виталии аферистку и тут же утерял к ней всякий интерес.

– Не переживайте. И о нём, и обо мне вы ещё услышите, – пообещала Виталия и, не прощаясь, растворилась в толпе вместе с Аркашиной запонкой.

– Пойду-ка я к реке, – шепнул Аркаша Ганге.

Ганга знала об этой его маленькой слабости: Аркаша любил смотреть на воды, не важно – движущиеся ли, стоячие ли – все они равно притягивали Аркашино внимание гораздо более, нежели любые самые приятные женские лица.

«Вылитый Альбис, где-нибудь в районе Лютерштадта⁸²», – подумал Аркаша, глядя задумчиво в Темзу широкою.

– Вы – аквафил! – заклемила его незаметно подкрававшаяся Ганга. – У вас – опасное сексопатологическое отклонение!

– А вы лечите меня! – потребовал опасно отклонённый Аркаша. – А вы активней склоняйте меня к гангофилии!

Ненависть к серпизму-молоткизму (или сермолизму, как окрестили своё учение отцы-основатели) я впитал с птичьим молоком либерализации, приватизации и последующей стагфляции. Лишь крепкая моя продублённая всеми недостройками, достройками и перестройками кожсаная оболочка сейчас мешает ей, ненависти, с рёвом прорваться наружу, но когда я умру, она отделится от моего тела вместе с последним проклятьем этому миру хитро-жопых кукловодов и их недовыпоротых рабов, чтоб гневным призраком летать над Европой, смущая образцовый сон уставших от свободы розовощёких почитателей обществ всеобщего благоденствия.

А пока я не умер – режьте меня, жгите меня, варите меня в кипящей смоле, рвите меня на части, привязав за ноги к двум согнутым берёзкам – я всё равно буду кричать: «Долой серпизм! Долой молоткизм!»

Давить вас, молоткастые, где только увижу, мочить вас, серпастые, самым смертным мочением, бить прямо в рыла, в ваши тупые хамовитые рыла, бить, пока не слезет с кулаков мясо, а после этого бить костью по кости – вот ради этого и стоит ещё жить. Собственно, только ради этого и стоит жить на испоганенной, испохабленной и искорёженной вами одной шестой части суши.

⁸² Лютерштадт – одно из названий г. Виттенберг, стоящего на р. Эльба.

Я ненавижу вас полной грудью – самой полной из моих грудей, самым остекленевшим из моих глаз, самым тяжёлым из моих кулаков, самой извилистой из моих извилин.

А вот так мог бы выглядеть мой основной инстинкт, если б я решил отделить его от себя: давить вас и плевать от вас, мною раздавленных, как плевал я в детстве, обожравшись мёда, от одного его только запаха. Но я подавляю такие инстинкты в зародыше, чтобы не мешали они выполнять предназначённое.

По возвращении в Квamos у родного подъезда Аркашу с Гангой поджидал маленький, хотя и не совсем неожиданный сюрприз в лице коммуниста Павла Волгина и его плаката «Вундеркинд Земли Русской, хватит унижаться перед западом!»

Увидев Аркашу, Павел вслух повторил свою мысль, изображённую на плакате, и также добавил ещё одну мысль, на плакате не уместившуюся: «Аркаша, вы – Гений Земли Нашей, так хватит пресмыкаться перед ними, хватит вымаливать у них подачки!»

– Павлуха, брат мой, понимаешь, во звезде! – приветствовал коммуниста Аркаша, потрепав его за пионерский вихор. – Грешен, вымаливал, каюсь. Но готов сейчас же исправиться – а ты готов ли вдарить со мною вместе из обоих наших стволов уничтожительной критикой по Дядюшке Сэму и его старшему, но меньшому родственнику, Джону Булю⁸³?

– Всегда готов! – гордо ответил Павел и вскинул руку в пионерском салюте.

– Я знал, что найду в тебе союзника, – обрадовался Аркаша. – Проходи, Павлуша. Мы их сейчас!

– Да нет, – стусевался Павел. – Вы с дороги, вам бы нужно, наверное...

– Ну и не надо, – ещё больше обрадовался Аркаша. – Тогда в другой раз, но приходи уж точно. Единственное, – радостно хихикнул он, вспомнив Гангины обвинения в аквафилии, оставшиеся пока неотмщёнными, – не окажешь ли ты мне любезность, не поведает ли Ганге, кто есть такие, гой еси, коммунисты – а то она меня, понимаешь, вопросами замучила.

Ганга показала Аркаше кулак: она слышала этот монолог Павла Волгина не раз и не два, но Павел уже вдохновенно трывдел:

– Коммунисты – они хорошие, потому что они – за народ, они – за правду, они – против угнетения человека человеком. Настоящий коммунист не пьёт, не курит, не сквернословит, имеет с женщинами исключительно товарищеские отношения, не пользуется предметами, изготовленными в странах капитала, где существует эксплуатация человека человеком...

– Вот видишь, – попенял Аркаша Ганге, воспользовавшись поводом прервать Павла и попрощаться с ним взмахом руки. – А ты меня сексуально эксплуатируешь, как изготовленного в стране капитала, хоть и имеешь с женщинами исключительно товарищеские отношения – я надеюсь.

Ганга надулась: она посчитала это намёком на отсутствие в их семье какого-либо прогресса в сфере деторождения. Да, был у неё такой пунктик, и он имел под собой основания.

«Одно беспокоит нас! – говорили Аркашиной семье люди – а все они были крайне озабочены проблемами вундеркиндовоспроизводства. – Что нет у вас, как-никак, наследника!» «Не пришла ещё пора, – отшучивался Аркаша. – Молоды мы ещё детей заводить». Иногда он апеллировал при этом к хорошо этому народу известному и понятному дедушке Ленину, который тоже был, вроде, бездетен, но люди шептались насчёт бесплодия Ганги, так как чудовищная плодовитость Аркаши во всех сферах приложения его гения была хорошо известна землянам.

Даже во сне мне нет покоя от вас: я давлю и блюю, давлю и блюю, давлю и блюю. Но я просытаюсь. Пора. Труба зовёт.

⁸³ Джон Буль – прозвище типичного англичанина.

Вот идёт колонна красножопых (они любят ходить колоннами, так уж они привыкли). Я придаю лицу агрессивно-идиотское выражение, сажусь в ящик с протухшими помидорами (отчего задница моя приобретает искомый алый цвет) и, отряхиваясь, вливаюсь в этот авангард человечества. Я радостно сморкаюсь в рукав, я заразительно рыгаю чесноком и этими двумя подвигами вызываю одобрительное шипение сотоварищей. Я – свой среди ящерочеловеков, таких же редкостных уродов, как я. Вот мой портрет, зацените: голова в форме редьки, венчаемой русой проплешиной; несимметричный ряшиник: правая скептически-рациональная часть с опущенным глазом и приподнятым уголком рта противостоит левой вздорно-героической половине со вздёрнутой бровью и прямой линией рта; два безумных глаза: один – косой, но широко открытый (левый), другой – кривой и узкий (тоже теперь левый). Боже, как земля ещё носит такого урода? Зато чем не сермолист?

И вот я в колонне красных, и замысел мой чёрен, и мысли мои краснеют от адской своей черноты.

– Каждому вору – по фонарю! – дружно кричу я.

– Каждому вору – по фонарю! – поддерживает меня сотня глоток.

– Как зовут тебя, хороший человек? – спрашивают меня.

– Иудушка, Гапонов, – отвечаю я без запинки.

– Держи пять, – суют они мне отовсюду свои заскорузлые пять, шесть, четыре, три, два, один. – Гапонычем будешь, – сообщают они мне, пока я терпеливо пожимаю их пять, шесть, четыре, три, два, один.

– Буду, ещё как буду, – обещаю я.

Наши души уродливы, как уродливы наши тела – но такими нас сделала ты, Власть, мигалочными кортежами проносищаяся мимо нас уже который десяток лет.

– Из «Мерседеса» – да на столб! – дружно кричу я.

– Из «Мерседеса» – да на столб! – повторяет за мной сотня глоток.

– Слышь, Гапоныч, – говорят мне, – ты давай, ты – молодой, головастый, хороший – ты продвигайся вперёд, к Витюше, будешь ему заместо помощника.

Мы идём вдоль границы ботанического сада МГУ, выполняя Витюшину, очевидно, команду «Левое плечо вперёд!» (хотя у настоящего сермолиста любое плечо – левое). Так, вероятно, и будем ходить по кругу, пока кто-нибудь не обратит на нас внимания, или какой-нибудь особо древний товарищ не выпадет из рядов по естественным, как говорится, причинам.

Меня продвигают вперёд, и я вижу Витюшу в красной кожаной куртке. Витюша обращивается, его лицо мне знакомо – оно мелькало на телеэкранах. Витюша настороженно смотрит на меня. Он – гуру, он – вожак стаи, он – главный самец всех этих полоумных старух. Соперник ему ни к чему. Физиономия его премерзка – это, конечно, ему в плюс, однако, и я не лучше.

Рассеять опасения сограждан по данному – деторожденческому – вопросу, а также ряду других, менее значимых вопросов, должно было Аркашино интервью одному из центральных российских телеканалов. Телевидение всегда уважало Аркашу:

– Здравствуйте, уважаемые телезрители, здравствуйте, Аркаша! – говорило оно обычно.

Выйдя из дома, чтобы ехать в Остан-Кино, Аркаша снова увидел Павла.

– А где же новый плакат? – поддел его Аркаша. – Не поспеваешь намалёвывать?

– Да, прости, не успел, – согласился Павел, и его красные от ночного боренья глаза сверкнули малиновым светом. – Я работал в ночную, я точил гайки. Я работал, ночью, теперь вот заступил на общественную вахту – но другие-то не работают! Скажи им на всю страну – так же нельзя: на одного меня с сошкой – семеро с ложкой!

– И кто эти семеро? Извольте немедленно перечислить! – потребовал Аркаша, заподозрив, грешным делом, что один из семи, если не все семь – это он сам, Аркаша.

– А то ты не знаешь? Ты же знаешь всё! – запальчиво крикнул Павел.

Аркаша, действительно, знал их, причём, их было не семеро, а гораздо больше – одних только порядкоблудителей насчитывалось четыре или пять разновидностей, а ещё были чиновники, таможенники, попы, поэты...

Вундеркинд, конечно, торопился: его ждали миллионы в прямом эфире, но решил всё же потратить пару минут на одного из них, из этих, из миллионов – поведать Павлу новый кусочек истины. Так, понемножку работая над Павлом, обтёсывая его с разных сторон, Аркаша каждый раз придавал некую дополнительную объёмность его изначально плоскому как правда образу.

– Они не только с ложкой, но и с поварёшкой, – поведаль Аркаша свой новый кусочек истины. – Это – работники сферы обслуживания, они ведь тебя обслуживают: они в тебя не стреляют, хотя могут – и запросто, не отнимают твоё имущество в особо крупных размерах – хотя могут и это, не запрещают тебе работать, даже не штрафуют тебя лишней раз – и за такой ароматный букет услуг они требуют от тебя самую малость: делиться. По росту занятости в сфере обслуживания и по сокращению численности стоящих с сошкой у разного рода станков судят о прогрессе в экономике нации – и мы прогрессируем очень бурно!

– К чёрту прогресс! – завопил Павел. – К стенке! К стенке через одного! Чтоб не мешали жить! Развели их твои демократы на наши головы! Да с ними не то, что коммунизм – феодализм не построишь!

– На первый-второй рассчитайся! – скомандовал Аркаша. – Первый! – Аркаша, естественно, начал расчёт с себя. – Ты – второй, давай-ка к стенке, чтоб не мешал мне здесь жить своими истошными воплями.

– Да мои-то вопли как раз не истошные, а вот чьи-то будут реально истошными! – взвился задетый Павел – как алый стяг над покорившимся городом.

– Спокойно! – потребовал Аркаша. – Ты, который с сошкой, ты у нас что – совесть нации? Тогда где твой сертификат? Феодализм он тут, видите ли, недостроил! Его и без тебя достроят. А прогресс тебе всё равно не остановить! Иди лучше проспись! – бросил он Павлу напоследок из окошка своего монструозного лимузина (выпущенного по эскизу Аркаши в виде томика Глюкова) с зелёной мигалкой.

Я не люблю, когда ходят строем: я не могу ни идти в строй, ни пойти против строя, ни пройти сквозь строй. Для первого я слишком самобытен, для второго – пожалуй, слабоват, для третьего – рационален не в меру. И меня ожидаемо начинает мутить от себя-красно-жопого, от Витюши и от витюшинцев.

Я догоняю Витюшу и кладу руку на красное кожаное плечо.

– Верной дорогой идёте, товарищи, – заверяю я.

– Вы думаете? – не очень уверенно спрашивает он.

– Идёте брать Центробанк?

– Нет, мы просто гуляем, просто гуляем на свежем воздухе – это полезно.

Да он остроумен!

– А кто же будет брать почтамм? Телеграф? Мосты? Вокзалы? Дедушка Троцкий? – горячо, в порыве революционного энтузиазма, интересуюсь я.

И всё-таки я остроумнее.

– Вокзалы? – переспрашивает он. – Но революционный момент ещё не вызрел.

– Я боюсь, он уже перезрел, – возражаю я, – и скоро он совсем сгниёт, ваш момент. А ведь с такими бойцами, – я обвожу рукой наш старушечий батальон, – можно брать хоть Кремль, хоть Горки-9. Взяв же Горки, вы автоматически становитесь президентом, а я – так и быть, стану премьером при вас.

Витюша мнётся:

– Премьера я уже обещал.

– Ладно, мне хватит и первого вице, – миролюбиво соглашаюсь я.

– Может, всё-таки лучше начать с моста или вокзала? – осторожно спрашивает

Витюша. – Чем с Кремля? И тем более с Горок?

Я смотрю на него с восхищением: он рождён для великих дел.

– Вокзал – это будет сильно, – отвечаю я, – это будет вызов, это будет самый сильный вызов режиму за всю эпоху. Савёловский? Рижский?

Витюше больше по душе Рижский («Оттуда можно двинуть на Ригу, где угнетают наших братьев», – доходчиво объясняет Витюша). Очевидно, ему мало наших, отечественных буржуев, он должен сразу сразиться со всем миром зла.

– Сила есть, знание есть, вера есть, вокзал есть. Почему же он до сих пор не взят? – сурово вопрошаю я.

Витюша пытается оправдаться тем, что вокзал до сих пор был не нужен.

– Это вокзал-то не нужен? – с лёгким недоумением спрашиваю я. – Классиков надо читать почаще!

Классики добывают последние Витюшны сомнения.

– Идём прямо сейчас? – вскидывается он, загоревшись яркой красной звездой.

– Сначала выработаем план, проведём рекогносцировку, устроим маёвку, – остужаю я его почти юношеский задор.

– Маёвку – осенью? – изумляется Витюша.

– Ну не тянуть же до зимы? – изумляюсь уже я.

Похоже, Витюшу так увлекли идеи составления плана штурма вокзала и осенней маёвки, что он решает через мегафон досрочно распустить своё войско.

– Спасибо, товарищи, – темпераментно, захлёбываясь слюной, вещает Витюша, – сегодня мы утёрли нос этим сытым гадам, этим кровопийцам трудового народа! Сегодня мы приблизили светлый миг нашей победы, сегодня враг увидел, как мы сильны и сплочённые! Сегодня враг задрожал! Завтра враг побежит! Послезавтра он запросит пощады! Но пощады не будет!

– Пощады не будет! – повторяет сотня стариковских глоток.

– Аркаша, вот вы – величайший из когда-либо живших на Земле людей, – так начал интервью с Аркашей телеведущий – тоже, впрочем, достаточно великий – как и любой, достигший звания телеведущего.

«А ведь он прав, шельмец, – вслух подумал Аркаша. – Ишь, как режет, шельмец, правду-матку!»

– Продолжайте в том же духе, – подбодрил он ведущего. – Я слушаю, мне кажется, пока вы не отошли далеко от истины. Отклонитесь – я вас поправлю.

Телеведущий зарделся от Аркашиной похвалы.

«Он ещё может смущаться? – с удивлением подумал Аркаша уже не вслух. – Выходит, не совсем он ещё конченный, хоть и ведущий?»

– Тошно мне, один я планетарного масштаба вундеркинд на Земле – вот вам ещё одна истина, ещё один маленький кусочек истины, – неожиданно признался он прямо в прямой эфир. – Где вы, вундеркинды, братья мои, ровные мне, кому мог бы я передать эстафетную палочку служения человечеству?

– Позвольте, позвольте, позвольте сразу к вопросам! – закудаhtал телеведущий, ошарашенный страшной бездной раскрывшейся перед ним истины.

Аркаша сумрачно кивнул:

– Давайте, сейчас всё вам выложу: про наследников, про зачатие, про плодovitость, про дедушку Ленина...

Но телеведущий достал «Таймс», на первой полосе которой был помещён снимок Аркаши в Британском музее носом к носу – вернее, к дырке от носа – с черепом неандертальца.

– Позвольте узнать, что вы думали в этот момент? – задал он достаточно оригинальный вопрос.

– Сами придумали вопрос? Хороший вопрос. «Знал ли он обо мне? Думал ли обо мне?» – вот о чём размышлял я, глядя на этот череп, – честно признался Аркаша.

– То есть, вы задавались вопросом: читал ли он вас? Любил ли он вас? – опошил Аркашину мысль ведущий. – Хорошо, очень, очень хорошо, мы надеемся, да, все мы надеемся, что он, конечно же, вас читал и, конечно же, он вас любил, как все мы, земляне! Теперь позвольте – вот я выбираю наугад из этой огромной кучи вопросов – ага, вопрос телезрительницы. «Когда вы под известным всему миру псевдонимом писали свои знаменитые трагедии так называемого английского цикла – что вы, Аркаша, ощущали?» – спрашивает наша смелая телезрительница из города ... Алпатъевска!

– Во-первых, я отправлялся прямо на место – в Верону, в Хельсингёр, в Фамагусту, в замок Кавдор⁸⁴, в Венецию – чтобы пощупать, попробовать на вкус, обнюхать, а в какой-то даже степени и обозреть все те места, которые решил описать, – ответил Аркаша, зевнув; ему надоело отвечать на этот вопрос. – Во-вторых, я ощущал себя там длинноволосым усатым англичанином эпохи Возрождения в камзоле с преогромным воротником.

– Блестящий ответ! – восхитился телеведущий. – Теперь вопрос от меня, если позволите, мы будем их чередовать: из кучи, от меня, из кучи, от меня... Конфликт в так называемом Соково. Как вы полагаете, нам нужно ввязываться в этот конфликт или лучше оставаться в стороне?

– Да, – сухо ответил Аркаша.

Телеведущий закашлялся, но не рискнул развивать тему. Вместо этого он прибегнул к маленькой мести, снайперски выудив из сотен тысяч вопросов не самый для Аркаша приятный:

– Второй вопрос из кучи: «Аркаша, как вам в ваши-то годы в вундеркиндах-то живётся-поживается?» – не без ехидства спрашивает безрассудно отважный телезритель из посёлка ... Супонево!

– Я же не просто вундеркинд, я – вундеркинд Земли русской, а земля наша русская всегда была и вечно пребудет – и я всегда пребуду для неё бесконечно юным – на её-то фоне – и столь же бесконечно талантливым! – спокойно отвечал Аркаша. – Всё. Интервью окончено, мне надо идти. Мне невтерпёж, я иду искать братьев по разуму, которых здесь не наблюдаю. А про зачатие сами чего-нибудь наплетите.

Его и раньше называли «вундеркинд-переросток».

– Ну да, – посмеивался тогда Аркаша, – я – вундеркинд довольно зрелый.

– Аркаша, вы самый зрелый из когда-либо живших на земле вундеркиндов, – пеняли ему иногда не самые воспитанные из землян.

– Я юн душой, – отвечал на эти гнусные поддёрвки Аркаша, – хотя, может быть, уже и состоялся как вполне зрелый мыслитель.

– Один только ещё вопрос – от себя лично! – взмолился телеведущий: ох, как он пожалел, должно быть, о своей так некстати приключившейся мести. – А мог бы, например, вот я стать вундеркиндом?

– Таких не берут в вундеркинды! – на ходу весело ответил Аркаша.

⁸⁴ В Хельсингёр, в Фамагусту, в замок Кавдор – в этих местах разворачивалось действие трагедий Шекспира: соответственно, «Гамлета», «Отелло» и «Макбета».

Последним, что запечатлели студийные телекамеры, был Аркашин ботинок, летящий в кучку папарацци, карауливших вундеркинда у дверей студии.

Выходя из телецентра в одном ботинке, Аркаша вместо братьев по разуму, толпы поклонников или хотя бы журналистов был неожиданно атакован безногим нищим.

– Вот вы, Аркаша, – вы знамениты, хороши собой, богаты, знатны, а я – ничтожен, нищ, я мерзок даже самому себе, так подайте ж мне копеечку, подайте! – так говорил Аркаше безногий нищий, разъезжая вокруг него на своей тележке.

– Брат мой, сын мой, отец мой! На, возьми мою славу, забирай мой талант, наслаждайся моей родовитостью, но копеечку – не трожь! Не трожь копеечку! Ибо нажита она честным трудом – и не вам, не вам тратить мою копеечку! – отвечал Аркаша нищему почти по-волгински: он вдруг вспомнил, что забыл исполнить Павлов наказ.

Мы с Витюшей и парой стариканов идём на его конспиративную квартиру. Витюша возбуждён, стариканы еле попевают за нами. Квартира недалеко, в Марьиной Роще. Закрыв за нами конспиративную дверь, Витюша прыгает на меня сзади.

– Хватайте его! – кричит он стариканам. – Это – провокатор!

Я не сопротивляюсь. Ведь он прав.

– Кто подослал тебя? Чуйбарс? Березковский? – начинает допрос Витюша.

– Сам Книлтон – мелкогато берёшь, – сразу раскалываюсь я, будучи не в силах противостать правоте его дела.

Витюша лучится от удовольствия: его лучшие подозрения оправдываются.

– Врёшь, собака, – мягко произносит Витюша.

– Вру. Собака, – снова раскалываюсь я.

– С виду – вроде наши, да вот внутри – с гнильцой. А гнильца – она народом чувствуется, народу она видна, от народа не спрячешься, – задумчиво говорит Витюша.

– Как есть весь прогнил, – подтверждаю я.

Витюше нравится моя откровенность.

– Так ты от Бандюганова? – внезапно доходит до Витюши эта простая как правда мысль.

– Почти от Бандюганова, – отвечаю я, выдохнув с явным облегчением.

– Бандюганов – ренегат, – перекосившись, сообщает Витюша, – только и умеет, что шпионов подсылать. Но ты вроде не дурак, сам можешь проинтушчить, чья возьмёт. Хочешь работать на народ, на будущее?

Как же такого не хотеть?

– Так я принят в Организацию? – с надеждой спрашиваю я.

– С испытательным сроком, – строго отвечает Витюша. – Выдержишь – сам напишу тебе рекомендацию.

– Тесно мне. На волю хочу! – сообщил Аркаша, возвратившись домой. – Отпусти меня, Ганга, на волю!

– Изволь, – улыбнулась Ганга, отворяя балконную дверь.

Аркаша погрозил ей на это пальцем.

– У меня гнусное настроение, – буркнул он. – Сначала этот Павлуша со своими сошками, потом я был зрелищем и чуть было не стал хлебом, поэтому я требую уже у тебя хлеба и зрелищ.

– Я готова, – улыбнулась Ганга, – и накормить тебя, и станцевать. Хочешь танец живота? Или танец попки?

– Накормить-то ты меня накорми, – отвечал Аркаша, – но зрелища мне сейчас нужны другие. Мне нужно что-нибудь помощнее, подраматичнее. Мне нужен бой гладиаторов-тяжеловесов.

– Я поняла, что ты задумал, – улынулась Ганга. – Постарайтесь хоть на этот раз разойтись без крови.

– Постараемся, – буркнул Аркаша, рассчитывая как раз на обратное, и набрал номер Павла Волгина.

Партия, предводительствуемая Витюшей, внешне мала. Собственно, те бабульки с дедками, которых я видел сегодня, эту партию и исчерпывают. Но Витюшина партия берёт не количеством, а качеством. «Я – мал, да воин», – говорит Витюша и испытующе смотрит на собеседника. Витюша ожидает, что собеседник с жаром опровергнет оба его утверждения и, как правило, дожидается.

– Да, нас немного, – говорит Витюша, пытаясь пронзить меня своим взглядом раненого кролика, – но мы берём не количеством. Наша сила – в исторической правоте нашего дела. И что бы вы там ни тцились доказать, – Витюша тычет в меня указательным пальцем, – после капитализма неизбежен социализм, так же как после семёрки неизбежно следует восьмёрка.

– Я так понимаю, – говорю я, – что вы оттачиваете на мне своё ораторское мастерство, и мне в дискуссии предстоит играть роль прихвостня олигархов или, по меньшей мере, ревизиониста. Я не согласен. Так дело не пойдёт.

– Помни об испытательном сроке, – остужает моё искреннее негодование Витюша. – Твоё будущее – в моих руках.

Он снова тычет в меня пальцем:

– Мы возьмём вокзал, и после этого ваша власть рухнет сама. Она упадёт, как яблоко, изъеденное червём.

Я молча проглатываю это оскорбление. Это – не моя власть. Такая власть мне не нужна – как и Витюше.

Павел Волгин носил хорошее, правильное имя и имел соответствующее ему хорошее, правильное лицо. С этим лицом он работал токарем на заводе имени Ильича. Работая токарем на заводе имени Ильича, он приносил пользу Родине путём производства для неё продукта.

Досуг его был не менее напряжён, чем рабочие часы или стояние на общественной вахте. Он изучал английский – язык зажавшихся буржуа и хорошо прикормленных рабочих. Язык этот приходилось учить для общения с единомышленниками всех стран, хотя с гораздо большим удовольствием он выучил бы шотландский, эскимосский, зулусский, ирокезский или язык другой угнетённой капиталом народности.

Он избегал женщин, он вступал с ними лишь в товарищеские отношения.

Зато на подоконнике, в зарослях кактусов и алоэ, были пристроены тисочки. С помощью этого приспособления Павел ежедневно тренировал свою волю. Он зажимал свой левый мизинец, излюбленный палец пророков, до такой степени, что палец синел, а потом чернел, но Павел только улыбался да скрипел зубами. Враги рабочего класса могут пытаться его сколько угодно их чёрным душонкам – он встретит улыбкой любую боль.

Он отжимался от пола на костяшках пальцев, на тыльных сторонах кистей до появления перед глазами красных кругов. Он приседал, прикусив язык, пока не ощущал во рту солёный вкус крови.

И всё равно он думал: «Какая же я мелкая ничтожная личность по сравнению с титанами прошлого – Спартак, Робеспьером, Разиным, Мюнцером, Туссен-Лувертюром!»

Он презирал суеверия всей силой просвещённого истмата и диамата⁸⁵ презрения: если сегодня он вставал с левой ноги, то завтра мог встать с правой или с обеих сразу.

⁸⁵ Истмат и диамат – соответственно, исторический и диалектический материализм; были разработаны классиками марк-

«Жрите своих рябчиков, господа новоявленные нувориши, но знайте, что мировая социалистическая революция снова начнётся с России!» – повторял Павел, как заклинание. Это было одно из любимых его изречений, по силе, как он считал, уступающее только отдельным Глюковским строкам.

Я на время погружаюсь в себя, но моя дискуссия с Витюшей продолжается – мысленно.

«На свете нет ничего более гнусного, чем Наша Власть. Она как амёба накрыла всю нашу огромную прекрасную Родину. Это – простейшее, но прозорливое животное. Вспомните картинку из учебника биологии: когда амёбе хочется кушать, а кушать она готова всегда, она обволакивает жертву – и жертва, не сумевшая даже дёрнуться, оказывается засосанной и высосанной», – говорит Витюша – примерно так или чуть более выпрэнно.

Он продолжает:

«У Нашей амёбы три классических признака:

первый: вы зависите от неё, вы у неё на крючке;

второй: вам приходится с ней делиться, чтобы крючок не загнали поглубже;

третий: она не производит ничего полезного; напротив, перераспределение, потребление и уничтожение добавленной стоимости – вот то, что она освоила в совершенстве».

«Хорошо, – возражает какой-нибудь Невитюша. – Она – конечно, амёба, но она – Наша амёба!»

И тут Витюша сражает его наповал:

«Дык зачем она такая нужна, эта Наша амёба, которая только мешает жить, которая вынуждает жить так, чтоб было хорошо только ей? Которая облагает поборами и просто налогами – и их она считает своей законной добычей, она покупает себе на них бронированные Мерсы, ставит мигалки – и спихивает тебя же, Невитюшу, в сугроб. На твои деньги она строит себе дворцы раблезианских размеров за заборами с колючей проволокой, за которые тебя и на дух не пустят. На твои деньги она заказывает себе лакшери-туры с лакшери-сыютами, в которые тебе нету входа – презрительным движением плеча швейцар укажет тебе твоё место. На твои деньги она организует себе охрану, и эта охрана защищает её от тебя – как бы насильника и убийцы в седьмом колене».

Невитюша ещё что-то порывается возразить, но тут Витюша добивает его, он их всех добивает:

«Когда вы идёте на выборы – это она, амёба, ухмыляясь, поглядывает на вас с плакатов, как бы говоря: кого бы вы ни выбрали, вы всё равно выберете МЕНЯ, кого бы вы ни выбрали – Я всё равно буду вас грабить, унижать, подавлять!»

«Как вернуть тебе, амёба, то презрение, которым ты обливаешь нас, как перевыплеснуть его в твоё расплывшееся амёбное мурло?» – думаю теперь уже я, думает Витюша, думает Невитюша.

Входила мать – приносила кофе с бутербродом. При её появлении Павел вставал, тепло благодарил за работу – ибо настоящий коммунист личным примером должен привлекать в свои ряды всех наделённых душой, способных наблюдать и делать из увиденного выводы.

Он садился за книги: пора было подправить великое учение, оно не должно было стоять на месте – не старым же партийным бонзам, профукавшим свою малину, променявшим вечно живое и верное учение с властью в придачу на золотого тельца – в самом же деле, было его переписывать. Учение о диктатуре пролетариата, план восстания, стратегия и тактика вооружённой борьбы, отношения с обездоленными других стран – всё это Павел анализировал на

современном материале и по заданию Партии, и по собственной инициативе, всё это Павел обобщал в единый, бомбе подобный труд.

Попутно он развил один из важнейших законов диалектики и творчески применил его на пользу делу развития человечества, за что был удостоен Партией звания Доктора партийных наук. Вкратце открытие Павла сводилось к следующему. Сокращение количества коммунистов совершенно очевидно привело к снижению уровня жизни в стране, и здесь мы имеем прямое следствие закона перехода количества в качество. Далее путём вычислений Павел показывал, что если увеличить количество коммунистов до хотя бы доперестроечного уровня, то другой уровень – жизни – должен резко и практически пропорционально подняться, а если довести количество коммунистов (хотя бы) до 100 процентов – то наступит полное изобилие и мир во всём мире – иначе говоря, коммунизм.

И при всём этом Павел был завзятым аркашистом, ибо в Аркаше он видел готового человека будущего, над селекцией которого безуспешно бились горе-педагоги ушедшей в небытие страны.

И когда Павел сделал попутное тригонометрическое открытие (сопоставляя количество коммунистов с уровнем благоденствия, он открыл гиперболическую параболу и параболическую гиперболу) и совсем уж попутное филологическое открытие: слово «товарищ», применённое к женщине, должно оканчиваться на мягкий знак – только Аркаша и сумел оценить всю важность и своевременность этих открытий.

Но Витюшу хрен ограбишь, хрен унизишь и хрен подавишь. Есть такие люди: они не гнутся и не ломаются.

Витюша – настоящий сермолист. Настоящее не бывает.

– За нами – самое правильное в мире учение, а за вами – что? – периодически вопрошает Витюша.

Я наблюдаю за ним влюблёнными глазами. Я мотаю на ус тактику общения с массами, я медленно, но всё же усваиваю его науку побеждать.

Вот он работает с подрастающим поколением: его бойцы приводят к нему внуков и правнуков для приёма в пионеры.

Чувствуется, Витюше не нравятся их причёски: у одного – слишком длинная («Скрипач, понимаешь»), у другого, наоборот, короткая – под бандита. В вопросах одежды Витюша проявляет себя большим демократом: короткие юбки пионеров его, как минимум, не пугают.

От его собственной причёски несёт мутным запахом никогда не мытых волос.

– А его Инесса вылизывает, зачем ему мыться, – ехидно замечает Октябрина – тётка с несносным характером, вообразившая себя Витюшиной оппозицией.

Сам Витюша говорит по этому поводу следующее:

– Настоящий сермолист хорош в любом виде. Самый грязный, самый оборванный сермолист мне дороже, чем любой холёный буржуй и уж, тем более, буржуйка.

И оппозицию Витюша пока терпит. Возможно, он ещё не выработал тактику борьбы с этим партийным недомоганием.

– Когда был Витя маленький, с курчавой головой, – пою я так, чтобы слышала Октябрина, но не слышала Инесса – тётка не менее противная, чем Октябрина, но гораздо более лояльная к руководству.

Только в большую оппозиционную голову Октябрины могла прийти мысль, что Витюша позволяет Инессе копать в своей голове, в своём, как выражаются окружающие, Доме Советов.

А я завидую светлой товарищеской завистью и Инессе, и Октябрине: у них блестящие революционные имена. Я же – как есть, Иудушка. И такса у меня соответствующая – тридцать стобаксовых купюр.

Витюша систематически укоряет меня за моё неподобающее имя.

– Иудушка, – говорит он, покачивая немойтой, но вылизанной головой, – ты и есть Иудушка. Ну что с тебя взять? И можно ли совершить мировую революцию с таким непротарским именем?

Я терплю: мой испытательный срок не закончен.

Павел явился к Аркаше задумчивым, как алебастровый Ильич на центральной площади города Алпатьевска. Недавний инцидент, казалось бы, не оставил на нём заметного следа, и всё-таки вундеркинд углядел в Павле некое усложнение, некий даже лёгкий хаос: давешний вундеркиндов кусочек истины повлиял на него как гель вкупе с феном – на наиболее банальный правый пробор наиболее банального банковского клерка. Аркаша очень надеялся на то, что эта прибавка в качестве позволит Павлу дольше обычного продержаться на ринге.

– О чём задумался, детина? – осведомился Аркаша, выводя Павла из задумчивости. – О сошке? Или о плошке? Или прочитал что-нибудь из Глюкова? Вижу, вижу, не читал – давно, похоже, не читал. А хочешь, позовём отца Валентина? Отец Валентин, как обычно, достойно представит весь мир распутства и обжорства. Сядете и задумаетесь вместе.

– Хочу, – встрепенулся Павел. – Ты знаешь, ни с кем я так не мечтаю схватиться, как с отцом Валентином.

– Ганга, – попросил Аркаша, – пригласи Его Преподобие.

– Поняла, – с пониманием сказала Ганга. – Приглашаю и ухожу, ухожу, ухожу. Если что – я в именице.

Они называли именицей принадлежащую Аркаше обширную огороженную территорию в водоохранной зоне на берегу Чуинского водохранилища, на которой располагались несколько умеренной скромности строений.

– Не забудь нам только подкрепление отставить, – напомнил Аркаша.

«Ну и нафига вы это всё же затеяли? – мысленно спросил он себя. – Извольте пояснить!» «Да пошёл ты!» – мысленно ответил себе Аркаша. «Ну вы и хамло», – мысленно отреагировал на это Аркаша. «А в морду? – мысленно поинтересовался Аркаша. «Вот оно, твоё хвалёное воспитание!» – мысленно воскликнул слегка уязвлённый Аркаша, потерпев очевидное моральное поражение.

Зато теперь уж никто, даже сам великий Аркаша, не мешал ему устроить кэтч. Это развлечение он открыл для себя несколько месяцев назад, случайно сведя вместе священника с коммунистом, – и оно ещё не успело ему наскучить.

Моё первое боевое задание – разведка вокзала. Со мной на дело идёт старуха-калмычка: она играет роль японской туристки в шортах – несмотря на не летнюю уже погоду – и с фотоаппаратом. Я – переводчик при ней.

– Похожи, похожи, – зубоскалит Витюша на прощание, – вылитые братья Рю⁸⁶. В случае провала – чтоб немедленно харакири! – сурово добавляет он и оглушительно смеётся.

Мы тоже улыбаемся: Витюша заряжает нас хорошим, правильным настроением, и с таким настроением мы приходим на Рижский вокзал.

Моя спутница безумно стесняется своего наряда, особенно шорт: хорошо, что краска стыда не особо заметна на её смуглом лице. Я говорю ей примерно по-японски, она отвечает мне, наверное, по-калмыцки.

– Улыбайтесь, – говорю я ей как бы по-японски, наводя фотокамеру, и она обнажает в улыбке все свои двадцать четыре металлических зуба.

⁸⁶ Братья Рю – Хасимото Рю (Рютаро) – премьер-министр Японии, известный, в частности, дружескими отношениями с Б. Н. Ельциным, называвшим его братом.

На нас откровенно и нагло пялятся вокзальные обитатели.

«Посмотрю я на ваши рожи, когда мы возьмём вокзал», – злорадно думаю я.

– Вот этого, суку, самого наглорожего, мы первым к стенке поставим, – говорю я почти по-японски.

– Лучшие вздёрнем, – отвечает мне по-своему моя калмычка.

Ко мне привязывается старуха из местных – ну прямо Витюшин кадр.

– Купите штаны, новые штаны за десять рублей, – пристаёт ко мне эта мадам.

«Подстава? – думаю я. – Витюшин суперагент?»

– Не надо штанов, – на безупречном японском отвечаю я, – штаны у меня уже есть.

Старуха понимающе смотрит на меня, крестится, но отстает.

О. Валентина Аркаша встретил светлой и ясной улыбкой, как и подобает встречать практически святого. О. Валентин ответил ему такой же светлой и ясной улыбкой: он ещё не знал, что снова обречён Историей биться с Павлом.

– Ну давай, святоша, – предложил Аркаша, потушив улыбку, – учёною беседой развею мою печаль – ты это умеешь.

– О чём печаль твоя, сыне человеческий? – задумчиво спросил о. Валентин.

Был он широк лицом, бородою и душой и могуч духом и телом.

– Душа моя просится вон, наружу! – провоцировал святого Аркаша. – Давай же, начинай копать в этой изменнице, подобной гнойной загнивающей ране! Тебе ведь неведома анестезия, ты, пёс Господень, тыкаешь свой шуп наугад и по степени моих корчей определяешь, интересен ли тебе этот уголок *меня*. А уголков у меня немало: душа моя, конечно, не столь широка, как твоя, но всё ж изрядна.

– Что ж, и потыкаю, – сказал о. Валентин, воодушевляясь ввиду такого богоугодного дела. – Где моя кочерга? Раскалена ли она докрасна?

Аркаша понял, что боец достаточно разогрет для схватки.

– Пошли. А помогать тебе будет ещё один известный богослов – Павел Волгин! – торжественно провозгласил коварный Аркаша, распахивая дверь в гостиную.

– Итак, кочерга против шашки, – резюмировал о. Валентин, натужно улыбнувшись при виде Павла.

– Гражданиний, – обратился Аркаша к Павлу, – и гражданинус! – обратился он к о. Валентину. – Кэтч, сходитесь.

Они сошлись. «Моча и пиво, хвост и грива не столь различны меж собой!» – с упоением думал Аркаша.

– Страшно далеки вы от народа! – первым ударил Павел – ударил наотмашь.

О. Валентин зашатался, но устоял. Острижен по последней моде, как денди солнцевский одет, был он непрост, как неправда.

– Вот люблю коммунистов, – парировал о. Валентин. – За что люблю их? За правду.

– Не люблю попов, – Павел продолжил атаку. – Не люблю за ложь, за елей, за обман трудового народа, за обслуживание интересов правящих классов.

– И опять прямо в точку, что есть – то есть, – сокрушённо покачал головой о. Валентин, – И ещё симония⁸⁷, nepoтизм⁸⁸...

– А я вот уважаю церковь, – вставил свое веское слово Аркаша, решивший немного подыграть Павлу, ранее неоднократно битому о. Валентином, – особенно нашу церковь. Действительно, основная общественно-полезная функция церкви в нашей стране – обслужива-

⁸⁷ Симония – продажа церковных должностей и духовного сана.

⁸⁸ Nepoтизм – раздача церковных должностей и санов родственникам; о. Валентин, очевидно, намеренно употребляет слова, незнакомые Павлу.

ние интересов Государства путём освящения тех его действий, которые без такого освящения могли бы показаться сомнительными – и что же в этом плохого?

– То есть, любых его извращений? – попытался уточнить Павел.

– Тебя учить – только портить, видишь, ты сам всё знаешь лучше меня. С извращениями или без них, но отношения между партнёрами вполне современные, рыночные, они строятся на основе долгосрочных соглашений – и это очень прогрессивно, это – образец для всех прочих, пока отстающих церквей! Каким видится мне подобное соглашение? Да очень простым, состоящим всего из двух статей. В статье первой должно говориться о том, что Высокая договаривающаяся сторона, Церковь, обязуется прикрывать сверху (с неба) любое действие, любую политику, кроме откровенно антицерковной, Высокой договаривающейся стороны, Государства.

– То есть, Государство заказывает Церкви услугу: благословение своей политики, прикрытие этой политики сверху, с неба, – на лету схватывал политэкономически подкованный Павел; он уже видел новую главу в своём бомбе подобном труде. – И чем же оно ей платит за это?

– Об этом – в статье второй. В статье второй должно говориться о том, что Государство обязуется обеспечить Церкви условия, особо благоприятные для её функционирования вообще и для её бизнеса в частности. Итак, в нашу рациональную эпоху всё просто: Государство – это политическая крыша Церкви, Церковь – это божественная крыша Государства. Но я отвлек вас, извиняюсь, продолжайте.

– Итак, – резюмировал Павел, – Волк договорился с Медведем о разделе леса. Контракт подписан кровью народной и скреплён его же пострадавшей плотью.

Пока Аркаша с Павлом в две глотки охаивали его работодателя, о. Валентин принимал их удары молча, с достоинством раннего христианина-мученика.

Вдохновлённый же мощной поддержкой Аркаши, Павел продолжил обличения с развития самокритичной реплики о. Валентина:

– Да, деспотизм, сен-симония, добавлю к ним ещё продажность, лицемерие!

– Увы, так было, так есть, и так будет, ибо слаб человек духом и телом. И я слаб, каюсь. Ударь меня за это хошь по этой щеке, хошь по этой. Не хочешь? Тогда я сам это сделаю, – и о. Валентин, морщась, выдрал волосок из своей бородачи, которая в иных условиях вполне могла бы быть сочтена ваххабитской.

Аркаша даже заёрзал от удовольствия.

– Но, как нас учили классики, история движется поступательно, и неумолимый её ход рано или поздно приведёт к тому, что они, церковники, устыдятся своих безобразий, покаются все как один, отшлёпают себя по щекам, – предсказал он, мысленно подхихикивая, – и больше не будут лгать, непотировать, сен-симонировать, деспотировать, продаваться и лицемерить – если захотят сохраниться как класс.

– Верно, – спокойно подтвердил о. Валентин, – кому есть в чём каяться – тот раскается, а кто-то даже и вовсе *больше не будет*.

– Нет, погоди! – вскричал Павел. – Покаянием не отделаетесь: прикрываясь именем придуманного вами бога, вы создали себе кормушку для потакания своим порокам!

– Брось, Павлуша, травить себе душу, давай лучше отдадим должное хоть одному пороку – выпьем, пока хозяин любезно нас угощает, – с улыбкою светлой предложил о. Валентин; он знал, конечно, об ожидающем их угощении и был не прочь перейти к этой фазе кэтча.

Ему, привычному к почти ежедневной бомбардировке тучами стрел – разнокалиберных чужих грехов, которые отлетали от его широкого тела и его широкой души уже преломлёнными, преображёнными в грядущие добродетели, все эти косноязычные и суетливые обличения Павла были нестрашны и неинтересны. Бой он поддерживал лишь из уважения к Аркаше и уже давно оставил надежды спасти когда-либо коммунистову душу.

– Нет, погоди! – снова вскричал Павел. – Уж больно ты спокоен, насвинячил и спокоен – ты спокоен, потому что сыт, потому что прикормлен властями!

– Я спокоен, потому что я прав, – с достоинством отвечал о. Валентин, – а ты, сын мой, кипятишься, потому что боишься фактов. Да, мы прикормлены властью, но не от любой власти мы брали этот корм. Власть антихриста мы проклинали, мы боролись с ней, и мы приблизили её бесславный конец.

О. Валентин перешёл в атаку. Его наступление было стремительным и беспощадным.

– Это Советская власть-то – антихрист? – взвился Павел, угадав направление ответного удара о. Валентина.

– Одного Бога, всемогущего и справедливого, милосердного и всеблагостного, вы заменили кучкой мелких божков – палачей с интриганам, вы дурачили народ, вы травили его водкой и диаматом с трибун, с телеэкранов, из хоромин райкомов и со страниц партброшюр... – монотонно начал перечислять о. Валентин преступления Советской Власти.

– Да! – перебил Павел. – Коммунизм – это тоже религия, но это – религия сильных! Это – религия энергичных! Это – религия преобразователей! А ваша религия – это приют для убогих физически и нравственно.

– Ну не всегда – для убогих, – подмигнув о. Валентину, возразил Аркаша. – Вот инженеры – это разве убогие? А ведь именно церковь указала инженерам на их покровителя – Св. Иуду. Теперь инженеры веруют и живут под защитой своего покровителя. А военные – убогие? Церковь и им объявила их покровителя – Св. Варфоломея, преподавателям – Св. Павла, партработникам – Св. Петра, лётчикам – Св. Лаврентия, пожарникам и парикмахерам – Св. Пантелеймона, инспекторам ГИБДД – Св. Иакова, лодочникам и лоточникам – Св. Луку...

– Мы отменим все эти дурацкие посвящения, мы отменим все и всяческие привилегии, люди станут равными! – прервал фонтан Аркашиных несусветных фантазий Павел, и глаза его загорелись в тщетной попытке испепелить о. Валентина. – Пусть не все нас сначала поймут, зато потомки поклонятся нам в пояс!

– Даже не в пояс, а в ножки, – поддержал его Аркаша, уже откровенно дурачась. – Это как в Англии поехать по правой стороне дороги – да, ты быстро погибнешь, а может, тебя арестуют и отправят в психушку, но дело-то будет сделано: ты уже показал людям, по какой стороне нужно ездить, и вот кто-то после тебя уже проехал по правильной стороне и понял, насколько это удобно, потом другой, третий и, глядишь, – процесс пошёл!

– Равными как на кладбище – вот и всё, что вы умеете, – возразил Павлу о. Валентин, проигнорировав Аркашину реплику, и маслянистые глаза его застыли в попытке заморозить Павла, превратить его в ледяную глыбу, из которой уже не возгорится ни искры, ни пламени.

– Нет, извини, они и на кладбище не равны: честная старушка лежит в болотце под ржавым крестом, а бандит-душегуб и чиновник-вор – в центре города да под мраморными надгробьями! – обжёг Павел о. Валентина очередным раскалённым добела словом правды.

– Ты, сын мой, конечно, имеешь в виду Мавзолей? – улыбнулся о. Валентин.

– Не дождёшься. Я не вспылю! – гордо крикнул Павел. – Всё равно твоего бога нет! Но если бы он вдруг был! Господи, который – как говорят – есть, и ты спокойно зришь на всё, что творится в *твоём* мире? Когда глава мафиозно-политического клана недрогнувшей рукой и с затаённой ухмылкой осеняет себя символом твоей – как говорят – муки, твоего – как говорят – распятия – почему бы не отсохнуть его руке? А кто вещает от твоего имени? Ты посмотри, посмотри на них внимательней! И если вдруг ты есть – покажи, что ты есть, и если у тебя слово не расходится с делом – порази нечестивцев, тобой спекулирующих, громом и молнией, немотой, проказой! – прокричал почти на одном дыхании Павел и с надеждой воззрелся на о. Валентина.

– Не горячись, Павлуша, – предупредил Аркаша. – Отец Валентин-то – Бог с ним, он свои кары небесные давно заслужил, но вот кресла, в котором он сидит, мне будет не хватать! Хотя не факт, что Господь прислушается к твоей просьбе.

– Господи, прости моего оппонента за его сомнения. Да, он запутался в своём неведении, но с кем из смертных не случалось такого? – снова улыбнулся о. Валентин.

– Все вы – пидарасы, и ты – пидарас! – крикнул Павел.

Это был его последний и решающий аргумент, крыть который всегда было крайне трудно.

– Ну что ж, каков приход, таков и поп, – вставил Аркаша свой очередной афоризм.

– Да, я люблю мужчин, – признался о. Валентин, нимало не смутившись своего признания. – Но я люблю также и женщин, и дедков, и старушек, ибо все они – моя паства.

– Иначе говоря, источник дохода, – поправил Аркаша, улыбкой приглашая Павла приступить к добиванию о. Валентина.

Павел открыл было рот, но тут же закрыл его, покраснел и, не прощаясь, выскочил из Аркашиного дома.

– Пусть проигравший плачет, – резюмировал Аркаша ему вслед своей хрестоматийно известной строчкой. – Четыре-ноль. Однако, сегодня Павел был уже посильнее. Ещё пара боёв – и он может тебя уделать.

– Спасибо, что не нагадил, как случилось с его единоверцами не единожды, – пустил стрелу вслед ретировавшемуся противнику о. Валентин. – Вот и пускай этих коммунистов в дом – я имею в виду в Дом Божий. Впрочем, – прибавил он, подметив, что Аркаша поморщился, – Павлик – человек неплохой. Да, душа у него – заплутавшая, но не абсолютно заблудшая. Ему бы пастыря настоящего, праведного – не меня.

– У нас давно уже есть вещи пострашнее, чем Павлик, – заметил Аркаша. – Собственно, наш Павлик столь же нелеп, безвреден и неприспособлен к современной жизни, как и всё его мировоззрение в целом.

– Ну, мы всё-таки подняли тебе настроение? – спросил о. Валентин – без особой надежды на положительный ответ.

– Приподняли, скажем так, – улыбнулся Аркаша. – Мне хотелось крови, но вы добрались лишь до пуха и перьев. Но пошли, однако, к столу, будем пировать за троих.

Позже на фотографиях я не заметил какой-то особой агрессии на лицах вокзальной живности, угодившей в кадр – только тупое удивление.

«Это – народ, – тогда не умом, но сердцем осознал я, – ради которого мы совершаем революцию, чтоб никогда у него не было больше такого тупого удивлённого взгляда».

Витюша одобрил результаты нашей разведвылазки и выдал мне очередное задание – по организации осенней майвки. Я с энтузиазмом взялся за реализацию Витюшиной идеи.

Меж тем князь Коршун, особо не терзаясь вопросами соотношения божественного с партийным, перелетел во вражеский стан и был принят там с большими почестями в услужение. Налетал теперь князь Коршун на былых сотрапезников, выхватывал занемогших и доставлял их врагу на потеху и поругание.

Как не стало с ним князя Коршуна, опечалился Великий хан, лишь дофин Паулин ещё хранил твёрдость духа, сызмальства присущую коронованным особам.

– Не хочу быть дофином, – заявил дофин Паулин с твёрдостью. – Хочу быть Великим ханом.

И только он молвил это, как стал Новым Великим ханом. Предшественнику же его в качестве компенсации была выделена квартира с видом на Храмище. Никем пока вроде не притесняемый и не преследуемый, бывший Великий хан мог сидеть и часами созерцать сие творение человеческого гения.

Также разрешено ему было разводить картофель и свёклу, морковь и репу с целью поедания, а также свободного рыночного обмена на огурцы и помидоры. Соответствующая лицензия была выдана ему за подписью лично Нового Великого хана.

Однако, недолго его грандиозные хозяйственные таланты оставались без применения. Пару месяцев спустя по инициативе Нового Великого хана Квамос совершил с индийским штатом Уттар-Прадеш бартерный обмен: бывшего Великого Хана сменяли на пару гималайских вершин. Вершины распилили и морем отправили в Квамос, в котором с горами было не очень. Бывшего же Великого Хана привезли в Агру, где ему предстояло выстроить на северном берегу Джамны точную копию Тадж-Махала – но из чёрного мрамора – и чёрно-белый мост через реку, в точном соответствии с пожеланиями своего дальнего предка Хана Джахана⁸⁹ – первого инвестора и первого заказчика всей этой недостроенной красоты.

– Харе Кришна! – приветствовал уттар-прадешцев бывший Великий хан.

– Кришна харе! – отвечали ему. – Что нужно бывшему Великому хану для...

Не дав уттар-прадешцам договорить, бывший Великий хан улыбнулся самыми кончиками раскосых глазок:

– Один закон да пара постановлений, а дальше Кришна поможет.

– Маёвка, сэр! – говорю я Витюше и отхожу в тень, за куст, где у меня под накиданными сосновыми ветками припрятана клетка с живностью.

Вперёд выходит Витюша. Перед ним – революционно, по-весеннему настроенные трудящиеся (бывшие, вернее, трудящиеся).

Между их кумачовыми лицами и над их кумачовыми торсами дружно рвет кумачовые стяги.

– Сермолисты – на то и сермолисты, – вещает Витюша, взобравшись на пень, – чтобы из осени сделать весну, чтобы в условиях самого жестокого, самого бесчеловечного в мире режима, режима, обрекающего нацию на вымирание и позор, устроить весну человечества!

Для меня весна человечества служит сигналом, и я начинаю раскидывать ветки.

– Нет такого, чего не смогли б сермолисты, – продолжает Витюша. – Сермолисты говорят: птицам – петь. И птицы поют – на радость трудящимся!

И тут я выпускаю из клетки специально закупленных на Птичьем рынке щеглов.

– Птицам – петь! – повторяет Витюша.

Щеглы с криком взмывают в осеннее небо. Все хлопают, все довольны. Больше всех доволен Витюша: что называется, от души. Я выхожу из кустов и присоединяюсь к всеобщему ликованию.

– Нет, ты видел? – хлопает меня по плечу Витюша. – И ведь они поют!

Внезапно он обрезает всё это веселье:

– Отдохнули – пришло время работать. Народ ждёт от нас дел. Перво-наперво построим вокзал.

В ноябре, как обычно, в Квамосе наступил сезон северо-восточных муссонов, и Аркаша отправил Гангу в Таиланд – погреть старые косточки и покрыться юго-восточным мангово-папайевым загаром.

Очутившись в тропиках, Ганга не теряла времени даром: она до изнеможения плавала в ласковом, но очень солёном Сиамском заливе, а кроме того, ежеутренне и ежевечерне совер-

⁸⁹ Хан Джахан – пятый шах династии Великих Моголов, при нём были построены Красный форт в Дели и Тадж Махал в Агре (мавзолей, в котором была захоронена его жена); был свергнут своим сыном, когда вознамерился построить на противоположном берегу Джамны аналогичный, только из чёрного мрамора, мавзолей для себя; остаток жизни провёл в форте Агры, из которого виден Тадж Махал.

шала пробежки по паттайской Бич-роуд мимо своего отеля, мимо пальм и рыбацких шхун, закрывающих всю линию океанского горизонта.

«Увидит Аркаша моё лицо, омытое океанскими брызгами и отшлифованное солнцем и ветром, прикоснётся к моей шейке в ожерелье из акулиных зубов, ощутит упругость тренированных бёдерных мышц – и сразу забудет про своё обещание, данное Хайлари», – думала Ганга, пробегая мимо живых картинок на идиллически семейные темы.

На этих живых картинках двигались вполне ещё живые, хотя и довольно древние немцы/шведы/голландцы в шортиках, открывавших седовласые тощие мослы, но скрывавших до поры до времени седовласую же пухлую попку. Рядом с ними семенили низкорослые тайки – местные мадамы Баттерфляй⁹⁰ – в сопровождении плодов интернациональной тропической страсти. Ганга не осуждала ни тех, ни других, ни, тем более, третьих: первые, очевидно, были чем-то обделены на родине хладнокровными эмансипированными соотечественницами, вторые были обделены всем, кроме молодости, солнца и экзотических фруктов.

Внезапно мечты Ганги о гладком загорелом лице для Аркаши пошли прахом: она налетела этим лицом на пальму. И было от чего налететь: в очередной картинке на месте потомка древних белгов, франков, викингов и прочих херусков нарисовалась Виталия в шортиках, открывавших стройные, загорелые, тщательно эпилированные ножки, но скрывавших до поры до времени абсолютно совершенную по форме попку. Рядом с Виталией семенил низкорослый таец – месье Баттерфляй. Виталия тоже узнала Гангу, несмотря на разбитые лоб и нос последней.

– Эй, Ганга, привет! – дружелюбно крикнула возмутительница общественного спокойствия. – Промышляешь кокосовые орехи? Так их не стрясти, придётся забираться наверх.

Вместо ответа Ганга сумела лишь улыбнуться – смущённо и глупо.

– Иди лучше к нам! – пригласила Виталия. – Знакомься: это – мой сегодняшний муж, я зову его Пинг-понг, как и всех остальных. Найти тебе такого же Пинг-понга? Или возьмёшь моего? Он мне уже надоел.

Ганга вынуждена была отклонить заманчивое предложение, хотя голос её не продемонстрировал приличествующей такому отклонению твёрдости.

– Тогда у меня идея, – не сдавалась Виталия. – Ты, конечно, не бывала в салоне эротического массажа?

Ганга, конечно, не бывала.

– Пойдём все вместе, и ты этого не забудешь.

– Пинг-понга не надо, – решила попросить Ганга. – При Пинг-понге я не смогу.

– Исчезни! – дунула Виталия на Пинг-понга.

Пинг-понг всё понял и дематериализовался.

Мы гурьбой идём на близлежащую дачу пенсионера союзного значения строить по моим фотографиям и чертежам макет Рижского вокзала.

«Почти в натуральную величину», как говорит Витюша. Он также требует, чтобы перед вокзалом построили макет броневика.

После проведённой без излишней помпы сдачи-приёмки наспех сварганенного из брусков и фанеры вокзала начинаются суворовские учения по овладению несчастным сооружением. Витюша руководит боем с макета броневика. Очевидно, каким-то своим революционным органом чувствуя мою двуличную сущность, он поручает мне роль противника. Меня поочерёдно берёт в плен то правый, то левый фланг наступающих.

⁹⁰ Мадам Баттерфляй – «Мадам Баттерфляй» («Чио-Чио-Сан») – опера Дж. Пуччини о любви японской гейши и американского лейтенанта.

Когда учения победоносно заканчиваются, Витюша произносит с макета броневика пламенную речь.

– После революции здесь будет музей! – победоносно вещает он. – Наши дети и внуки будут приходить сюда изучать основы революционной борьбы – а не надо думать, что после победы революции всё сразу устаканится. Борьба продолжится – не всех врагов мы сможем сразу вычислить и обезвредить; отдельные враги, – косится он в мою сторону, – окажутся и в наших рядах. И потому революция продолжится в иных формах! Революция – это жизнь! – победоносно заканчивает Витюша. – Контрреволюция – это смерть, это – конец цивилизации, какой её завещали нам наши отцы и деды.

Они лежали обнажёнными на слегка наклонном столе рука к руке, намазанные ароматным маслом, и две юные тайки одновременно набрасывались на них, стараясь попасть грудями по грудям, и медленно соскальзывали затем всё ниже, ниже...

– У меня встал, – шепнула Виталия. – А у тебя?

Ганга вынуждена была со стыдом признаться, что она также возбуждена, и возбуждена скорее не от действий этих неумелых незнакомых пухлых маленьких Пинг-понгих, а от близости Виталии, от горячей влажности её ладони, вложенной в Гангину.

– Ты знаешь, – сказала Виталия полушёпотом, – я стала писать стихи. Может, в этом – одно из моих призваний? Слушай:

Витася Гангу обнимала гневно:

одной рукой она её любила,

другой рукой она её хотела!

Ведь не хуже, чем у твоего Аркаши, правда?

– Да, по крайней мере, не хуже. Но почему обнимала гневно?

– Чтобы подчеркнуть силу и нестандартность моего чувства. И ты это уловила.

– Чувства к Аркаше?

– Чувства к мистеру и миссис Аркаша.

– Ты хочешь отнять его у меня?

– Наоборот, я хочу отнять у него тебя. И я отниму тебя, и ты станешь моей, а я отныне буду только твоей. И я поклянусь тебе в этом. Но и ты поклянёшься мне. Мы кровью поклянёмся друг другу. Ты не боишься?

– Нисколько, – отвечала Ганга, дрожа не столько от страха, сколько от возбуждения.

Мы опять приходим на конспиративную квартиру обсудить ситуацию, которая возникнет после взятия вокзала – наши стратег и мы, несколько тактиков.

Витюша снова прыгает на меня сзади.

– Хватайте его, это – провокатор, – шипит он.

– Витюша, – хриплю я, – ты повторяешься.

Витюша разжимает объятия, но, чувствую, не сводит с меня глаз.

– Не пойму, ты враг или друг? – вопрошает он, одаряя меня пронизывающим взглядом.

– Витюша, – говорю я, просвеченный Витюшей насквозь, но, к счастью, не повсеместно, – я чувствую, что я для тебя – не враг и не друг, я для тебя – как мыло.

– Ты имеешь в виду верёвку? – спрашивает догадливый Витюша.

– Нет, я говорю про кусок мыла. Он ароматный и гладкий, когда хозяйка кладёт его в мыльницу. Через пару недель после мытья и стирки от этого куска остаётся жалкий обмылок, и хозяйка кладёт в мыльницу новый ароматный и гладкий кусок, а обмылок прилепляет к этому новому куску или бросает в мусорку. Скажи, Витя, я для тебя – такой кусок мыла? Или уже обмылок?

– Давайте лучше обсудит коммерческую часть нашего плана, – конструктивно отвечает он. – Предлагаю сразу после взятия обложить данью торговцев и напёрсточников, носильщиков, таксистов, шлюх. Насколько, ответьте мне, это идеологически правильно: обкладывать данью шлюх? А я вам отвечу сам: всё, что идёт на пользу революции – правильно.

– Кого ещё можно обложить? Машинистов? Проводников? – вопрошают тактики; я молчу.

– Да что с них взять? – возражают другие тактики; я снова молчу.

– Мы скажем, что это – налог: хотите жить в справедливом обществе – платите налог, не хотите – или не живите, или всё равно платите, потому что другие хотят жить в справедливом и разумно устроенном обществе, – вещает Витюша.

Он действительно очень сильно подкован идеологически: нет вопроса, которого он не смог бы разрешить с теоретических позиций – и разрешить правильно!

– Виктор, ощущаете ли вы себя сейчас олигархом? – голосом контрреволюционной журналистки спрашиваю я.

– Олигарх? Какой же я олигарх? Ведь олигарх – вот август⁹¹ пришёл, и его уже нет, – без запинки отвечает Витюша, – вот и весь твой олигарх. Нет, я – воздъ, воздъ революции, запомни это. А ты – моя правая рука.

Я зажмуриваюсь от такой похвалы.

– Это – страшная клятва. Ты готова? – спросила Виталия, когда они к ночи добрались до её номера.

Вместо ответа Ганга недрогнувшей рукой указала ей на своё левое бедро. Там, в районе паха, у Ганги пульсировала змеевидная синяя жилка. Дрожа, но тоже не от страха, а от возбуждения, Виталия сняла с неё ожерелье и легонько полоснула по жилке острым зазубренным краем акульего зуба. Ни одна иная жилка не дрогнула на прекрасном Гангином теле, а в месте надреза выступила капелька крови. Сложив губы трубочкой, Виталия втянула в себя эту капельку.

– Теперь ты, – тихо сказала она. – Возьми мою кровь откуда хочешь.

Ганга полоснула акульим зубом по её животу чуть выше волосистой части лобка и провела по образовавшейся трещинке языком.

– Повторяй за мной, – страшным шёпотом из окровавленных губ произнесла Виталия. – Клянусь всегда быть готовой...

– Клянусь всегда быть готовой... – звонко повторила Ганга.

– К служению делу витализма, – жутким шёпотом продолжила Виталия.

– К служению делу витализма, – звонко повторила Ганга.

– И если я нарушу эту мою клятву... – зловещим шёпотом продолжила Виталия.

– И если я нарушу эту мою клятву... – звонким шёпотом повторила Ганга.

– То пусть мои товарищи по делу поступят со мной так же, как поступают с клопом-кровопийцей, – ужасным шёпотом закончила Виталия.

Звонким шёпотом Ганга повторила её ужасные слова.

– Скажи, и много нас, виталистов? – спросила Ганга уже обычным почти голосом.

– Сегодня стало ровно вдвое больше, чем было вчера, – улыбнулась Виталия.

– Это значит, что завтра нас станет ещё вдвое больше, – улыбнулась Ганга.

– Хочешь, мы назовём наше движение витализм-гангизм? Или даже гангизм-витализм? – со светлой улыбкой спросила Виталия.

– Не хочу, витализм звучит мелодичней, – со светлой улыбкой отвечала Ганга.

⁹¹ Август пришёл – в августе 1998 года в России разразился сильнейший экономический кризис.

– Иди ко мне, ведь теперь мы – как сёстры, – робко улыбнулась Виталия, откидываясь на подушки.

– Теперь мы больше, чем сёстры, – призывно улыбнулась Ганга.

– Больше, чем супруги, – прошептала Виталия, встречая упругость её тела упругостью своего тела.

– Больше, чем любовницы, – прошептала Ганга, закрывая глаза.

Ночь перед революцией. Мы лежим вдесятером кто на чём – я, например, практически на полу – в однокомнатной Витюшиной квартирке – самые сливки, самые пенки, головка революции, будущий кабинет министров – самый старый (умудрённый жизнью) и самый политически грамотный в мире.

Тяжёлые мысли одолевают моих товарищей: они догадываются, что завтрашний день для многих из них станет последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.